

КА

ОСЕННИЕ
СОЛОВЬИ

АННА
КОВУСОВ

ОСЕННИЕ
СОЛОВЬИ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД
С ТУРКМЕНСКОГО

МОСКВА
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА"
1985

С(Туркм)2
К56

Вступительная статья
КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

К $\frac{4702540200-195}{028(01)-85}$ 115-85

© Вступительная статья. Переводы,
отмеченные в содержании *. Изда-
тельство «Художественная литера-
тура», 1985 г.

СЛОВО О ЖИВОЙ ВОДЕ

В Туркмении есть удивительный оазис Фирюза, созданный природой на радость людям. Смотришь на Фирюзу — зеленеют платаны, притихли сады, журчит вода арыков. И тут же, совсем рядом — выжженный склон горы, похожий на облезающую спину буйвола. Оттого, что пустыня, дышащая зноем раскаленных песков, близка, особенно остро воспринимаешь прелесть редкого уголка земли — и впрямь райского. На свете много красивых мест, но Фирюза одно из самых прекрасных. Я видел там чудо — семь платанов, выросших из одного корня. Они так и названы — семь братьев...

Почему я вспомнил о замечательном уголке Туркмении, собираясь написать статью об Анне Ковусове, одном из ее крупных поэтов? Не только потому, разумеется, что он первым показал мне Фирюзу, хотя для меня и это важно. Ведь художник и родная земля слиты навсегда, она — источник его песен, начало всех начал. Думаю, что у прекрасной земли должны быть и не менее прекрасные поэты, чтобы достойно воспеть ее. Нет такого народа, — ни великого, ни малого, — который не имел бы своих выдающихся мастеров слова, внесших достойную лепту в общую сокровищницу мировой поэзии. Это подтверждается и примером Туркменистана. Махтумкули, Кеминя, Мола-Непес... Мы помним эти славные имена. Их традиции с честью продолжают и лучшие туркменские поэты, такие, как Анна Ковусов. Его первый сборник на родном языке вышел в 1950 году. После этого было много книг. Некоторые увидели свет в Москве в переводе на русский язык: «Живая вода», «Утро Каракумов», «Отображение», «Забота», «Волны жизни» и другие. Увидеть на языке Пушкина столько своих книг, конечно, огромное дело для поэта любой национальности. Сборники А. Ковусова издавались также на украинском, азерб-

байджанском, грузинском, узбекском, таджикском, кыргызском языках. Это говорит о большой популярности туркменского поэта в нашей стране.

Анна Ковусов крепкими корнями связан с туркменской землей. Он родился 24 ноября 1920 года в ауле Чикишляр Красноводской области. Отец его был рыбаком. Будущий поэт учился в аульской школе, а затем в столице республики Ашхабаде. В 1953 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве.

Анна Ковусов — поэт нелегкой судьбы: в качестве командира отделения десантников-автоматчиков он сражался против фашистских войск в годы Великой Отечественной войны, был тяжело ранен на Украине. Но лира его жизнеутверждающа. Поэт стал певцом возрожденной Октябрем родины, Советского Туркменистана. Об этом говорят его стихи и поэмы. Вот одно из лучших стихотворений поэта «Беркут»:

Созвездия па небе меркнут,
И, рассекая облака,
Глядит ширококрылый беркут
На море желтого песка.

Он — вековечный страж пустыни.
И, очевидно, потому
Привык с рожденья в небе синем
Не удивляться ничему.

Но он запомнил то мгновенье,
Когда, поднявшись, с высоты
Свое увидел отраженье
В широком зеркале воды.

Беркут, привыкший видеть под крылами только бескрайние пески, не удивлявшийся ничему, впервые удивился новизне жизни, такой неожиданной для него, угрюмого странника пустыни. Вот так неназойливо входит в поэзию А. Ковусова облик родного Туркменистана. Поэт умеет для этого находить постоянную образность, умеет говорить языком поэзии. Для подтверждения своей мысли мне хочется привести стихотворение «Настала ночь...». Оно о радости и великом смысле созидания. Мне нравится его поэтичность, энергия ясных строк, очень много вместившее в себя заключительное двустишие:

Настала ночь.
И снова стынет воздух.
Полынью горькой тянет за версту.
И, вспыхивая, маленькие звезды
Пытаются осилить темноту.

Но скоро мы поможем этим звездам:
Вот на плотины ринется вода —
И загудят в пути тысячеверстном
Высоковольтных линий провода.

Великим разольется океаном
Сияние немеркнущих огней.
И станет вдруг
на всех меридианах
Моям друзьям от этого светлей.

Анна Ковусов во многих своих стихах пытается выразить красоту отчей земли, помня о том, что эта красота — национальное достояние, бессмертное сокровище народа, и художник не имеет права пройти мимо такой великой темы, если он не хочет изменить своему призванию и долгу. Чувством извечной верности поэтов этому сокровенному мотиву рождены и такие строки А. Ковусова о платанах Фирюзы:

«Семь братьев» — так называли чинару —
Зеленое чудо в садах Фирюзы.
Вдвоем постоять с этим деревом старым
Весной прихожу, после первой грозы.

Старых, истертых тем не бывает, есть плохие произведения. Все зависит от таланта и гражданской позиции художника. А жизнь всегда остается жизнью. Она не знает старости.

В горы твои, Копетдаг,
Я мчался издалека
Жажду свою утолять
Чистой водой родника.

С ветром беседу вести,
К эху в ущельях звать,
С кручи тюльпаны твои
Снова, как в детстве, срывать.

Обычно художник при всей любви к родной стране думает о судьбе всего мира, зная о том, что все взаимосвязано, ему дорого все прекрасное на свете, дорог труд всех, кто создает ценности на земле, он с уважением относится ко всем народам. В этом смысле и А. Ковусов не составляет исключения. Его интересует поэзия Пушкина и Шевченко. Бывая в других странах, туркменский поэт присматривается к жизни тамошних народов, невольно сравнивая то, что увидел, с тем, что воспекает в родном краю — создание и возрождение.

Вновь солнце пламенем пожара
Плывет над Африкой в зенит,
Под ним горячая Сахара
Верблюжьей шкурою лежит.

Своей дорогой длинной-длинной
Бредут барханы, как гурты,
Белеет череп бедуина:
В колодце рядом — нет воды.

Жара полдневная в разгаре,
Метет удушливый самум...
Как не завидовать Сахаре
Судьбе пустыни Каракум?!

Такие стихи говорят сами за себя. Слово А. Ковусова стало нужным и полезным современникам — строителям новой жизни. Он — признанный мастер туркменской советской поэзии. У него есть такие стихи о родном крае:

Поверят каждый, кто придет сюда,
Что павшу живая есть вода.

И я хочу верить, что лирика А. Ковусова будет честно служить людям, как рукотворная вода в пустыне. Именно такой и должна быть по своей природе поэзия, несущая людям свет и тепло, дающая им энергию и воспитывающая мужество.

Кайсын Кулиев

СТИХОТВОРЕНИЯ

КАСПИЙСКОМУ МОРЮ

Я на твоём берегу постою,
Вдоволь прохладного ветра хлебну.
Вспомню сегодня я жизнь свою,
Каждую прожитую весну.

Мать меня всюду носила с собой,
И в колыбельную песню ее
Твой беспокойный врывается прибой,
Море Каспийское, море мое.

Весны твои — радость моя:
Плещет разбуженная вода,
Шумом наполнили наши края
Гуси, собравшиеся в стада.

Наши края мне навеки близки.
Родина! Ты всех дороже для нас.
...Вижу я, как на заре рыбаки
В море моторный ведут баркас.

Вижу колхозов твоих огни,
Слышу заводов твоих голоса,
На побережье — куда ни взгляни —
Стройки твои поднялись в небеса.

В сердце моем твой грохочет прибой,
Вечная песня... Я слышу ее...
...Где бы я ни был, я всюду с тобой,
Море Каспийское, море мое.

1950

БЕРКУТ

Созвездия на небе меркнут,
И, рассекая облака,
Глядит ширококрылый беркут
На море желтого песка.

Он — вековечный страж пустыни.
И, очевидно, потому
Привык с рожденья в небе синем
Не удивляться ничему.

Но он запомнил то мгновенье,
Когда, поднявшись, с высоты
Свое увидел отраженье
В широком зеркале воды.

1952

ЖИВАЯ ВОДА

Спокон веков,
                                любезная народу,
Живет легенда про живую воду...
...Где некогда стояли города,
Ушедшие в преданья навсегда,
Фонтаны били,
                                птицы распевали,
Поэты на пергаменте писали, —
Все было глухо, дико и мертво.
Одни барханы, больше ничего.
Большой водой повернутой реки
Отбросили мы знойные пески.
И выросли, как в сказке, города;
Вспоила долгожданная вода
Хлопчатник снежный, черные маслины
И солнечного цвета апельсины.
Поверит каждый, кто придет сюда,
Что наяву живая есть вода.

1952

ДВЕ ПУСТЫНИ

Вновь солнце пламенем пожара
Плывет над Африкой в зенит,
Под ним горячая Сахара
Верблюжьей шкурою лежит.

Своей дорогой длинной-длинной
Бредут барханы, как гурты,
Белеет череп бедуина:
В колодце рядом — нет воды.

Жара полдневная в разгаре,
Метет удушливый самум...
Как не завидовать Сахаре
Судьбе пустыни Каракум?!

1952

ДЕВУШКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Студентке с ясными глазами
Казалось:

время мчится вскачь.

Сдан государственный экзамен,—
И вот она — «товарищ врач».

Ее в пески,

где летом низко

«Афганец» яростный метет,
Из Ленинграда пассажирский
В полдня доставил самолет.

Трудна пустыня с непривычки,
Взвьется пыль — в глазах темно.
Жара.

Но вот уже медячке
Ее хозяйство вручено.

Палатки ростом в три аршина.
Медикаментов целый склад.
Вода.

Дежурная машина.

Медпункт,
как будто медсанбат...

Лился в окошко свет лучистый.
Она писала за столом,
Когда вошел туркмен плечистый
В ее палатку на прием.

Он сел на краешек топчана,
В лицо ей глянул горячо
И произнес: — Открылась рана,
Прошу забинтовать плечо...

Ей подавали марлю, вату,
А парень тихо вспоминал,
Как ленинградскую блокаду
Он в сорок третьем прорывал.

Как под метелью белокрылой
Брал неприступнейший редут.
А врач повязку наложила.
Машину вызвала.

И тут
Приказ был отдан санитарам:
Отправить парня в Ашхабад.
Но он солдатом был недаром,
И поступил он как солдат:

Сбежал в пути в свою бригаду...
Здесь — фронт вокруг,
где на века
Должна быть прорвана блокада
Жары,
безводья и песка!

1952

* * *

Вале

Снова ветры теплые подули,
И трещат кузнечики в траве.
Я родился в маленьком ауле,
Родилась ты в городе Москве.

Шел я в жизнь не узкою тропой,
Да и ты не Золушкой росла.
Мы на счастье встретились с тобою
Майским утром, первого числа.

Мчалось время звонкими ручьями.
И не раз,

перо держа в руке,
Я писал стихи тебе ночами
На родном туркменском языке.

Сердце к сердцу тянется с любовью.
И не раз

с улыбкой ясной ты
Привозила мне из Подмоскovie
Луговые синие цветы.

Вырос я в кибитке на Востоке,
Ты — в Москве,
и на путях больших
Мы с тобою радость и тревоги
Честно поделили на двоих.

Чувствуем мы крылья за плечами.
Нас друзья влюбленными зовут.
И когда мне пишут аульчане,
То тебе поклон передают.

1953

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

В песок звезда хвостатая упала.
Земля остыла.

И в кругу друзей
Москвичка вслух с любовью вспоминала
Далекий город юности своей.

Москву-реку и рокот пароходный.
Подъезд театра.
Площадь перед ним...

А юноша приемничек походный
Легко включил
движением одним.

Глазок зеленый заискрился светом.
Мгновение.

И, полная тепла,
Вдруг музыка волшебного балета
На невесомых крыльях поплыла.

И здесь, на трассе юного канала,
Где провела она немало дней,
Закрыв глаза,
москвичка увидала
Перед собою белых лебедей.

1953

ЕЛКА В ПУСТЫНЕ

Оставались в декабре
Два листка в календаре.

И уже по всей пустыне,
На ее барханах злых,
Лег седой морозный иней,
Словно пена волн морских.

И ребятам в первом классе,
Жить приехавших
в Ясхан,
Говорил печально Вася,
Семилетний мальчуган:

— Вместе с папой — он геолог —
Из Москвы приехал я.
Там сегодня столько елок,
Что и сосчитать нельзя.

В каждом доме,
в каждой школе
Наряжают их сейчас... —

Елка убрана богато.
— Здравствуй, добрый Новый год! —
Взялись за руки ребята.
Закружился хоровод.

1953

МАЛЬЧИК ИЗ КАЗАНДЖИКА

Мальчишка рос в Казанджике,¹
Тем удивляя мать,
Что пароходы на песке
Любил он рисовать.

Бывало, сыну в те года
Мать скажет:
— Эх, сынок,
Ведь кораблям нужна вода,
А здесь один песок.

С тех пор немало утекло
Сыпучего песка.
И в отчий дом письмо пришло
От сына-речника.

Он ходит по Аму-реке.
И скоро будет мать
Его в родном Казанджике
На пристани встречать.

1953

ДОЛИНА ГНЕВА

Баранку повернув налево,
Не в первый раз за этот год
Шофер через Долину Гнева
Трехтонку пыльную ведет.

Пункт населенный будет скоро,
Там запасемся мы водой;

---

¹ Казанджик — городок, расположенный в пустыне Каракум.

У смуглолицего шофера
Чернеют косы за спиной.

Белесый пар от перегрева
Над радиатором встает.
На сотни верст
Долина Гнева
Лежит, как лоно желтых вод.

Давно ль топул здесь,
как в трясине,
Верблюды —
туркменский вездеход.
А нынче едем мы в машине
И песня девушка поет.

Поет про то,
как прошлым летом,
Совсем прямую, словно нить,
Сумела мы дорогу эту
Через долину проложить.

Течет песков горячих лава
Пустыней вдоль и поперек,
А над песками ходит слава
Простых строителей дорог.

И знают все в Туркменистане,
Что та близка уже пора,
Когда Долина Гнева станет
Долиной вечного Добра!

1953

РАДУГА

В полдень солнечный неробко
Хлынул дождь — полей слуга.
И над белым морем хлопка
Встала радуга-дуга.

Дождь и солнце!
Но откуда
Появилась, словно чудо,

На высоком небосклоне
Семицветная дуга?

На нее из-под ладони
Глянул маленький Ага,

И, присевшей у порога,
Он сказал сестре своей:
— Вот дорога так дорога,
Пробежаться бы по ней!

Брату младшему в ответ
Тут сестра сказала:
— Нет,
Ошибаешься немного,
Это вовсе не дорога.

То сверкает выше гор
Красок солнечных набор.
В их цвета —
запомни, кстати! —
На текстильном комбинате
Красят ткани с давних пор.

1953

ПОДАРОК

Неспроста так стучит
Радость в сердце Сердара —
Крановщик получил
От невесты подарок.

Нелегко уместиться
Всем чувствам девичьим
На обычной бумаге,
В конверте обычном.

Может быть, потому
(Разобраться сумей-ка!)
И прислала ему
Анагюль тибетейку.

За стежком вышивала
Стежок незаметный,
Словно песню слагала
О самом заветном.

То не ниток сплетенье
В стоцветном узоре —
То игру светотени
Подарили ей горы!

Хлопок дал белизну,
А мечта подсказала,
Чтобы ярко блеснул
Цвет воды,—
цвет канала!

В эту песню без слов
Голос родины вложен —
Без нее ведь любовь
На любовь не похожа!

...Крановщик из кабины
Всем виден.
— Вглянитесь,—
Шутят люди,—
отныне
Два солнца в зените!

Впрямь: лишь отблеск зари
Тюбетейки коснется,
Тюбетейка горит
И сверкает, как солнце.

А Сердар щеголяет
Неделю уже в ней,
Для письма отбирает
Слова подушевной:

«...Все, о свадьбе толкуя,
Меня поздравляли.
Дорогая. В долгу я
Останусь едва ли.

На подарок подарком
Тебе я отвечу.
И не менее ярко
Он будет расцвечен.

Тот подарок великий —
Грядущее наше:
И сады, и арыки
С водою журчащей,

И такыры¹, забывшие
Сон свой угрюмый...
Мой подарок — ожившие
Каракумы!»

1954

О ЗМЕЯХ

Слов разных я слышал немало
О том, что змеиное жало
Опасней кинжала, друзья.
Неправда: змеиное жало
Вовек никого не сражало.
Кусает — не жалит змея!

Увертливы змеи и злобны,
Охотятся ночь напролет
И, прячась от солнца, способны
Без нищизни прожить целый год.

И если вы встретитесь с коброй
Меж древних развалин, друзья,
Прием вам окажет недобрый
Очковая эта змея.

Прыжок совершая прицельный,
Летит она, словно копье,
И яд источают смертельный
Два острые зуба ее.

Отвага нужна и сноровка,
Чтоб, палку сжимая в руках,

---

¹ Т а к ы р — бесплодная равнина.

Змею ядовитую ловко
Поймать в каракумских песках.

Попавшись охотнику в руки,
И кобры теперь, и гадюки
Приносят немало добра:
Их ядом в палатах больничных
Десятки болезней различных
Умеют лечить доктора.

1954

ТРОПИНКА

В городке, недавно лишь рожденном.
У истока мчавшейся воды
Старожилом стал уже законным
Кровельщик по имени Дурды.

Солнце рассыпает позолоту.
Из дому выходит старожил.
Это он,
Шагая на работу,
От порога тропку проложил.

В окна свет вливается веселый.
Голуби воркуют над крыльцом.
Нынче сын
идет впервые в школу
По тропе, проторенной отцом.

— Не волнуйся,—
говорит он маме,—
Здесь совсем близехонько идти.
Узкая тропинка под ногами,
Вперед — бескрайние пути!

1955

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Он, как живой, стоит среди людей.
У ног его река людская бьется.
Он руку приложил к груди своей,—
Наверно, там поныне сердце бьется.

Вокруг него гудит, спешит Москва,
Шуршат листвою деревья молодые.
Живые в мрамор врезаны слова,
На мраморе лежат цветы живые.

Вслед за весной сюда из дальних стран
Приходит лето, а за ним и осень.
Зима ведет свой белый караван,
Зимой поэт стоит седоволосый.

Его не старость белит сединой,
Его зима надолго снегом pudрит.
Но снова светит солнце, в весной
Вновь треплет ветер бронзовые кудри.

И снова, с непокрытой головой,
Не тронутый ни пыугой, ни веками,
Стоит поэт любимый, молодой,
Как строки, нанесенные на камень.

1955

ЛЕНИНГРАД

1

В те дни, когда с соседскими детьми
Был годен я к работе не тяжелой,
В те дни, когда с соседскими детьми
Вошел в кибитку, авашуюся школой;

Когда впервые теплым летним днем
Я повстречался с девушкой любимой;
Когда с винтовкой полз я под огнем
По полю боя, черному от дыма;

Когда я слушал мирный звон цикад,
Когда встречал я грудью шторм
каспийский,

Я думал о тебе, мой Ленинград,
Далекий город мой, мой город близкий!

Но в первый раз попал я в этот край,
Впервые пред твоим предстал я взором...
Туркмена — сына своего — встречай,
Прими меня, великий русский город!

2

Я в город незнакомый, но родной,
Оставив чемодан свой на вокзале,
Попал, захлестнутый людской волной;
Машины проносились предо мной,
И надо мною птицы пролетали.

Так я впервые в жизни наяву
Увидел этот город знаменитый,
Его дворцы, его мосты, Неву
И рядом с ней Великого Джигита.

Простерши руку далеко вперед,
Казалось, император удивленный
На город, им когда-то заложенный,
Глядит — и города не узнает.

И верный конь его бронзовоногий,
Приученный к превратностям судьбы,
На быстрый бег машин глядит с тревогой,
Испуганно поднявшись на дыбы.

Я повидал дворцы.

Я в Тронном зале
Корону видел русского царя,
Но камни фабрик, честно говоря,
О прошлом мне подробно рассказали.

Мне рассказал Путиловский завод
О людях в гимнастерках закопченных,
Тех, к чьим стопам в тот знаменитый год
Навеки пала царская корона.

Я видел на воде Невы-реки
Корабль, который возвестил победу.
Там учат молодые моряки
То, чем владели их отцы и деды.

...Я в первый раз явился в этот край,
Впервые пред твоим предстал я взором.
Туркмена — сына своего — встречай,
Прими меня, великий русский город.

1955

ТУРКМЕНСКОМУ МАТРОСУ

На латвийской земле,
Там, где гостя встречает тепло,
На морском берегу,
Отороченном белою пеной,
У развилки дорог,
Перед въездом в большое село
Есть одетая дерном
Могила матроса-туркмена.

Обелиск со звездой
И надпись: «Мамедов Бекп...
Смертью храбрых... За Родину...»
Там, у прибрежных откосов,
Там, у сельской дороги,
На травах стихают шаги —
Молодая латышка
С цветами приходит к матросу.

Не спросил я при встрече
С моей светлосой сестрой,
Жил в каком он ауле?
Гадать понапрасну не стану...
За прекрасную Латвию
Жизнь свою отдал герой —
Сын широких степей,
Сын далекого Туркменистана.

Может быть, он любимой
Стихи посвящал до войны,
С ней бродил в Фирюзе
По траве, без дорожек и тропок;
Или в знойное лето
У теплой мургабской волны
Разбивал он бахчу,
Волокнистый выращивал хлопок.

Может, он погребя
Наполнял ашхабадским вином,
Может, волосы парню
Расчесывал ветер каспийский,
Может, он в Каракумы
С старой ходил чабаном,
Прежде чем его имя
Вписали во флотские списки...

На защиту Отчизны
Он встал с побратимами в строй.
Предан слову присяги
И верен военным уставам,
За прекрасную Латвию
Жизнь свою отдал герой —
Сын широких степей,
Сын далекого Туркменистана.

Он лежит у дороги,
Открытый балтийским ветрам,
Море помнит его
Смуглолицым и темноволосым.
Все окрестные жители
Шлют ему добрый салам.
Молодая латышка
С цветами приходит к матросу.

1955

РЕМЕСЛО ПОЭТА

Таков закон, так повелось от века:
Скала навстречу не летит орлу,
Не ремесло находит человека,
А человек приходит к ремеслу.

Лишь ремесло оттачиванья строчек,
Лишь ремесло поэзии одно
Средь существующих ремесел прочих
Законам общим не подчинено.

И ты, мой друг, далеким знойным летом
Отправясь в путь из отчего села,
Не выбирал профессии поэта,
Профессия уже в тебе жила.

Она, с тобою в просмоленной барке
Плывя, секла каспийскую волну,
С тобою вместе в ашхабадском парке
Встречала песней раннюю весну.

Поэзия с тобою не шутила,
Поэзия в огонь с тобою шла.
И это было проявлением силы,
И зрелостью, и долгом ремесла.

Таков закон, так повелось от века:
Скала навстречу не летит орлу,
Не ремесло находит человека,
Сам человек приходит к ремеслу.

Но в день рожденья твоего к кибитке,
Где у стены твоя сидела мать,
Поэзия, ковер из солнца выткав,
Торжественно пришла тебя принять.

1956

ЕХАЛ В КУШКУ ПОГРАНИЧНИК

День был жарким, как обычно,
Пыль ложилась на виски.
Ехал в Кушку пограничник
Через Черные пески.

И, как в песенке поется,
Обошедшей всю страну,
Парень около колодца
Встретил девушку одну.

Он вниманья удостоен,
Но шофер не хочет ждать.
И наполнил флягу вином,
И в кабину сел опять.

Не назначил ей свиданья
Пограничник рядовой,
Лишь оставил на прощанье
Номер почты полевой.

В ПОЛНОЧЬ

Москва,
ты сейчас от меня далека,
Меж нами лежат Каракумы,
Озера, и горы,
и Волга-река,
Но мчатся к тебе мои думы.
Мерцают созвездья в ночной вышине.
Уснул мой мальчишка.

И снова
Недавняя юность припомнилась мне
И липы бульвара Тверского.

Нет, я не забуду студенческих лет,
Ребят, что со мною дружили.
Душе моей —
крылья,
очам моим — свет
Дала, дорогая, не ты ли?

Люблю твоих парков весенний наряд,
Люблю твои снежные зимы.
Увез я москвичку одну в Ашхабад,
И в дом колыбель принесли мы.

И ты не жалела ни ласки, ни книг,
Хранила и труд мой, и отдых,
И Пушкина,
твой изучивши язык,
Читаю я не в переводах.

А в дни,
когда Красную площадь твою
Венчают знамена парада,
Пою о тебе я,
шагая в строю
По теплой земле Ашхабада.

Шумит на ветру в Каракумах листва,
И плещет желанная влага.
И кланяюсь низко тебе я, Москва,
У белых вершин Копетдага.

1959

ГОРОД НА ДАУГАВЕ

Еще звезда,
У набережной плавая,
Мерцает и дрожит на быстрине;
Еще за шоколадной Даугавою
Кварталы в электрическом огне;
Еще навстречу — ни плаща, ни пыльника,
А уж, напомнив городу: «Вставай!» —
Звоночком ранним рижского будильника
Звенит на тихих улицах трамвай.

Кудрявой пробудившейся столицею
Идя навстречу трудовому дню,
С работницей, рыбачкой, мастерицею
Невольно город утренний сравню.
Латышка-Рига
На пески прибрежные
Сошла к заливу синему с крыльца,
И ветерок балтийский с лаской нежною
Касается легко ее лица.

Ее такой
Я месяцами летними
Запомнил на зеленом берегу.
Краса ее день ото дня приметнее:
Здесь поднял мост ажурную дугу,
Там экскаватор, челюстями двигая,
Вгрызается упрямо в жесткий грунт,
Повыше старой готики
Над Ригою
Дома сегодня новые встают.

Сильны здесь люди волею единою
К борьбе за мир.
И в мирный город свой
Слетают с кровель стаи голубиные,
Чтобы пройти по рижской мостовой.

1959

Уж полночь позади,
а мне не спится.
Снежинки за окном моим летят,
И кажется: туркменская столица
Надела белый праздничный халат.

Весь в серебре,
на лоб надвинув шапку,
Вновь Дед Мороз, кивая мне тепло,
Пушистых елок целую охапку
Вписал в мое оконное стекло.

Любовь моя,
не потому ли вновь я
Сегодня вижу, мысли торопя,
В убранстве зимнем ели Подмосковья,
Снежинки на ресницах у тебя?

1960

ЧЕРНОМУ МОРЮ

Сердцебиенье учащенное.
Сдержаться не пытался — нет! —
Когда тебе, о море Черное,
Привез от Каспия привет.

Когда красу твою увидел я,
Услышал в рокотах твоих
И песню грустную Овидия,
И пушкинский могучий стих.

Ты мне раскрыло, как объятия,
И прозелень свою, и синь.
Я пел от счастья. И опять тебя
Готов воспеть я — моря сын.

За то, что сказочными красками
Играешь ты сто раз на дню,
За то, что с кручами кавказскими
Другие горы не сравню.

Как я бродил по ним беа устали,
Боясь минуто потерять!
Как наливались сталью мускулы,
Стихами полнилась тетрадь!

И с ледниковых глыб завьюженных,
Из сказочной пещерной тьмы
Горбами чудились верблюжьими
Предгорий бурые холмы.

Взволнованный, сбегал с откоса я
И слушал, не дыша почти,
Гуденье воли многоголосое
И песни девушек в ночи.

Я все запомнил. Учащенное
Сердцебиенье не сдержаты!
Хочу привет твой, море Черное,
Другому морю передать.

Уже зовет дорога дальняя,
Разлука не туманит глаз:
Ведь не «прощай», а «до свидания»
Я говорю тебе сейчас.

Напрасно ты ревниво вспенило
Крутые завитки валов...
Пора! Зовет к труду Туркмения,
И Каспия мне слышен зов!

1960

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Склонив свои ветви к воде сиротливо,
Стоит от горячих песков невдали,
Над желтым Мургабом, плакучая ива —
Зеленое чудо туркменской земли.

Со щек ее листьев
дыханье рассвета
Росинки, как слезы, сотрет через час.
Поднимется солнце.
Но солнце ль не это
Колодцы у нас осушало не раз,

Он тем давно обрел известность,
Что здесь,
      где лето как огонь,
На память знает всю окрестность,
Как аваю я свою ладонь.

И в этом царстве бездорожья,
Где нынче стройка начата,
Калижнюка¹, хоть тот моложе,
Совет он:

«Калижнюк-ата».

Когда канал построен будет,
Когда наступит торжество,
Проводника вспомнят люди
И песню сложат про него.

1960

НОЧЬ В ШУВЕЛЯНАХ

Сулейману Рустаму

Виджу вновь твои синие сопки
В дымке летнего зноя, Азер.
В Шувелянах, в приморском поселке,
Я сегодня в гостях у друзей.
Как он схож, этот берег песчаный,
С побережьем туркменской земли!
Тот же Каспий зеленый, а чайки,
И рыбацьи баркасы вдали,—
И тутовника темная крона —
В листьях света и тени игра,
И горячая пыль Апшерона,
И узор домотканый ковра.
Солнце рдеет над сопкою дальней;
Ветерок переменчив и слаб.
Подают на игле шпиговальной
Истекающий жиром кебаб.
Между тостами слушаю жадно,
Вспоминая сады Фирюзы,

¹ С. К. Калижнюк — начальник строительства Каракумского канала.

Речь садовника Азербайджана,
Мастеров виноградной лозы.

Вместе с другом — хозяином дома —
В глубь тенистого сада иду.
Другу каждая ветка знакома
В удивительном этом саду.
Вот раскпнулись кущи пняжира;
Вот, о чем-то листвою шепча, —
Не запомнят такой старожилы! —
Золотая стоит алыча.
Друг, не знавший годами покоя,
С повелительной лаской отца
Огрубевшей, тяжелой рукою
Гладит бронзовый ствол деревца.

Поздний вечер. Над вышками в море,
Не мигая, горят огоньки.
Волны гальку прибрежную моют,
Теплый ветер доносит гудки.
Долго-долго, не трогаясь с места,
Я в ночную гляжу темноту,
Будто вижу тот берег — туркменский,
И хорошую женщину ту,
Что средь многих меня отличала,
Ту, которая, верность храня,
Обязательно выйдет к причалу,
Чтоб на родине встретить меня.

1961

ГИНДУКУШ

Гиндукуш,
Гиндукуш,
Гиндукуш,
Ты над уровнем моря высоко,
Как над уровнем множества душ,
Возвышаешься, гордость Востока.

И не в пору ли школьных годов
Я мальчишкой узнал на уроке,
Что в кольчуге заоблачных льдов
Возвышаешься ты на Востоке?

Что ни конный, ни пеший к тому ж
На твои не поднимется кряжи.
Я лечу над тобой, Гиндукуш,
Что внизу ты — не верится даже.

Обогнал я в дороге грозу,
Позади уже степь-великанша,
Белопенное вижу внизу
Я рожденье Мургаба и Пянджа.

Лучше места вокруг не сыскать
Для подножья афганского флага,
Рад тебе, Гиндукуш, передать
Я высокий привет Копетдага.

На висках твоих снежная пыль,
И, прослывший обличьем грозным,
Первым в небе увидел не ты ль
Спутник, нами заброшенный к звездам?

1961

АФГАНСКИЙ ФЛАГ

Страны осеняют судьбу ли,
Гостей ли приветствуют так?
Над куполом башни в Кабуле
Трехцветный полощется флаг.

Три цвета на флаге, три цвета
Сошлись над шатром синевы:
И полночь, и пурпур рассвета,
И зелень альпийской травы.

Три цвета,
                    три цвета,
                            три цвета,
Полотнища пестрая грудь.
Три цвета — что б значило это?
Три цвета, а в чем же их суть?

Спросил я о том у афганца,
И с болью сказал он в ответ:

— От минувшей ночи остался
На флаге, как в памяти, след.

Желает о времени черном
Суровую память сберечь
Держава, что сбросила к черту
Британского хищника с плеч.

Три цвета на флаге, три цвета,
Расчерчен на полосы флаг,
Спросил я:

— А красная мета
Чего символический знак?

Как парус, над волнами кровель
Плыл флаг, осевший слова:
— Немало мы пролили крови.
Чтоб сбросить британского льва.

Она горяча, словно факел,
И в сердце афганца стучит,
Ее на торжественном флаге
Не зря мы возносим в зенит.

Три цвета на флаге, три цвета.
Спросил я, взглянув в небеса:
— А цвета предвестницы лета
О чем говорит полоса?

Афганец в белесой рубахе
Ответил мечтательно мне:
— На всходы весенние пахарь
С надеждой глядит по весне.

Надежда не знает запрета,
Она прорастает, как злак...

Три цвета, три цвета,
три цвета,
Афганский полощется флаг.

1961

ОБЕЛИСК НЕЗАВИСИМОСТИ

Завоеванной, а не дарственной,
За которую шла под пули,
Независимости государственной
Вознесен обелиск в Кабуле.

И стоит он не в одиночестве
Посреди городского гула,
Удостоенный высшей почести —
Гарнизонного караула.

А у каменного подножия
Независимости трофеи:
Доживают век, как положено,
Пушки вражеские, ржавые.

И поблизости, с полным правом
Гомонящее непрестанно,
Предается еще забавам
Будущее Афганистана.

Видел я: под чадрую шедшая,
Шаг замедлив у обелиска,
Вдруг лицо приоткрыла женщина
И тотчас поклонилась низко.

А туристов узнать здесь долго ли?
Вот автобус в сторонке замер,
Пассажиры его защелкали
Вновь затворами фотокамер.

Но прослыть бы я мог певеждою,
Чья душа успокоилась рано,
Если б я не смотрел с надеждою
На грядущее Афганистана.

1967

АФГАНСКАЯ КРАСАВИЦА

Пятница — не будничный
День у мусульман.
Я слышу говор уличный
Столичных горожан.

И чуть земли касается,
Жгучая, как зной,
Афганская красавица
Плывет передо мной.

Над очами черными
Две тонкие луны,
Природой чудотворною
Они насурмлены.

Плечки округлые,
А кожа нежных щек
Румяная и смуглая,
Как утренний восток.

Особенно мне нравится,
Что нынешней поры
Афганская красавица
Гуляет без чадры.

Ликую, впечатлительный,
И славлю женский лик —
Открытый и пленительный,
Что предо мной возник.

1961

ГЕРИРУД

Дочь седого Гиндукуша —
Здравствуй, Герируд-река!
Не тебя ль калила стужа
И всполли облака?

Знаю я: ты своеюравно
Катишь камушки по дну.
И волна твоя не плавно
Набегает на волну.

И с кувшином спозаранку
По иссохшейся тропе
Босоногая афганка
Сходит по воду к тебе.

То беснуешься, куражась,
С белой пеной на боках,
То глядишь, как землепашец
В поле пашет на быках.

На бегу обгонишь птицу,
И, качая тень штыка,
Ты пересечешь границу,
Иностранная река.

Горный лед наскучил или
Рождена для двух земель?
На границе сменишь имя,
Потеплеешь, как апрель.

Будут звать тебя Тедженом
Жители моей страны.
Скажут с лаской: — По душе нам
Добрый плеск твоей волны!

И раскроются неробко
Над тобой наверняка
Созревающего хлопка
Маленькие облака.

Совершая путь исконный,
Не сочти за труд
И мое, прошу, исполни
Порученье, Герируд:

В тихий час под шалью млечной,
Озаренная луной,
Передай привет сердечный
Грустной женщине одной.

Не со звездами ли сверен
Долгий путь твой, как всегда?
Рвешься ты, река, на север,
Рвусь и я душой туда.

1961

ОСЕННИЕ СОЛОВЬИ

Прополоскав росинками осенними
Серебряные горлышки свои,
Зацели утром, мне на удивленье,
В саду Джелалабада соловьи.

Над временем ли мостик перебросили,
Иль спал еще я и в угоду сну,
Минувя зиму, перешел из осени
В зеленую внезапную весну?

И, грудью всей вдыхая воздух утренний,
Такой несоловьиною порой
Был полонен я соловьиной удалю
В тени листвы прохладной и сырой.

Айву уже собрали, тем не менее
Еще не начинался листопад.
И соловьи, наверно, из Туркмении
Явились зимовать в Джелалабад.

Хоть трели их звучали обольщающе
И разлилась по небу бирюза,
Весенним соловьиным обиталищем
Душе моей предстала Фирюза.

Когда земля в зеленый цвет окрасится
И полон мир дыхания любви,
В Туркмении пад чашею оазиса
С ума влюбленных сводят соловьи.

1961

СЕЛЕНА

На земле словацкой доброй,
Где дороги звезды метят,
Я гостил недавно долго,
А точнее — целый месяц.

Встретил там в колхозе «Лето»
Трактористку — звать Селена...
Где-то слышал имя это,
Надо вспомнить непременно.

И припомнил: в древнем Риме
Звали так Луны богиню.
Устремилось страстно имя
Прямо в небо к звездам синим.

Ну, а тут — сидит девчонка,
Улыбается задорно,
И в руках, трудом ученых,
Руль вращается покорно.

Трактористка в платье ситцевом,
Ни минуты нет простоя.
И волнуется пшеница,
Словно море золотое.

Низко стелется поспешно,
Что-то сердце понимает,
Что и впрямь богиня девушка.
Но не неба, а земная.

1961

СЕМЬ БРАТЬЕВ

«Семь братьев» — так называли чинару —
Зеленое чудо в садах Фирюзы.
Вдвоем постоять с этим деревом старым
Весной прихожу, после первой грозы.

...Воюя с корнями кавдыма и руты,
Из теплой земли прорастало зерно.
Потом к молоку облаков белогрудых
Лепечущей кровью тянулось оно.

Меняла листва свои краски,
Метели мели, проходили века.
Стволы разошлись, но стояли по-братски.
Как дружный народ одного кишлака.

Побеги их — отчая крона тесна им —
К реке добегают толпою босой.
Имен их не помня, им счету не зная,
Семь братьев стоят над моей Фирюзой.

1961

ПЕСНЯ ЧАБАНА

Лежит усталая отара.
Зарницы блещут вдалеке.
И у костра, еще не старый,
Чабан играет на рожке.

Над голубым, как сумрак, дымом
Плывет напев в ночную тьму.
Вокруг, поросшая капдымом,
Земля прислушалась к нему.

Поет рожок — кудесник скромный,
И звуки тонкие светлы.
То плеск воды они памятят,
То листьев шум, то звон пчелы.

Рожок привычно держат руки,
Чабан играет у огня,
В простой напев

вплетая звуки

Природы завтрашнего дня.

1962

СУВОРОВЕЦ НА ПОБЫВКЕ

Листья старого ореха
Зашумели:
— Эй, гляди, —
Из училища приехал
На побывку Нургельди.

Он походкою степенной
Вдоль аула держит путь,
Представительный военный,
Любо-дорого взглянуть.

Как тюльпаны на зеленых,
На сверкающих лугах,
У суворовца погоны
Пламенеют на плечах.

На околыше фуражки
Видно красную звезду.
И горят на медной пряжке
Буква «С» и буква «У».

Не спеша свернул направо
По тропинке Нургельди.
Вдруг мальчишечья орава
Показалась впереди.

И при встрече с земляками
Удержаться он не мог,
Чтоб не щелкнуть каблуками,
Чтоб не взять под козырек.

А потом уселись рядом
У канала,
и тотчас
Нургельди повел ребятам
Об училище рассказ.

И узнали тут в ауле
Все, кто юн и ростом мал,
Что не раз он в карауле
Перед знаменем стоял.

Что зимой с лесной опушки
На днепровском берегу
Лично он стрелял из пушки
По условному врагу.

Приукрашивал не слишком
Он рассказ толковый свой
И примерить всем мальчишкам
Дал фуражку со звездой.

Даже дал ее примерить
Черноглазой Гюльсене,
Что пришла, как все, на берег,
Но сидела в стороне.

Скрылось солнце.
Появился
Тонкий месяц в вышине.

И хороший сон приснился
Черноглазой Гюльсене.

Будто по воду с кувшином
Вышла утром из дверей,
А навстречу из машины
Генерал выходит к ней.

Блещут золотом погоны.
Десять планок на груди.
Шепчет девочка спросонок:
— Здравствуй, храбрый Нургельды!

1962

ОГНИ КИЕВА

На войне я был солдатом,
Все умея перевозмочь...
Дым над степью горьковатый.
Бой.

Украинская почь.

Мы пошли в атаку ночью,
А когда рассвет настал,
Киев мой,

тебя воочью

Я впервые увидал.

Мы тебя не забывали.
И в боях среди огня
Пламя гнева и печали
Билось в сердце у меня.

Над тобой, неколебимым,
Над твоим Днепром родимым
В небеса рвались огни
Окантованные дымом
Языкатые огни...

...Киев, Киев,

мирным светом

Залит вечер голубой.
И солдатом и поэтом
Я стою перед тобой.

Ты шумишь листвою зеленой.
И, волнения не тая,
С головою обнаженной,
Улыбаясь, плачу я.

Тихий свет за каждой рамой,
И куда я ни взгляну, —
Подступают к сердцу прямо
Дружелюбные огни.

1962

ЗНОИ

Был небосвод в апреле — синим.
Теперь он стал белесым сплошь.
Стоит июнь.

И зной пустыни
На тигра поровом похож.

Нет,
мы не красными кострами
Вокруг него кольцо сомкнем, —
Его зелеными садами
Мы в окружение возьмем.

И навсегда он —
желтоликий —
Свое забудет торжество,
Когда,
как петлю,
мы арыки
На горле стянем у него.

1963

* * *

Настала ночь.
И снова стынет воздух.
Полынью горькой тянет за версту.
И, вспыхивая,
маленькие звезды
Пытаются осилить темноту.

Но скоро мы поможем этим звездам:
Вот на плотины ринется вода —
И загудят в пути тысячеверстном
Высоковольтных линий провода.

Великим разольется океаном
Сияние немеркнущих огней.
И станет вдруг
на всех меридианах
Моим друзьям от этого светлей.

1963

САЛЮТ

Под окном ракета разорвалась,
Гром орудий грянул в тишине,
В этот миг испуганно прижалась
Доченька двухлетняя ко мне.

— Не пугайся, ласточка, родная,
Улыбнись, как все твои друзья,
Потому что это Первомаю
Салютует родина твоя.

1963

УЛИЦА МИРА

Яблони под окнами красуются,
А дома белы, как облака.
Новая в ауле нашем улица
Выросла — светла и широка.

Льются звуки музыки веселые.
В синем небе звезд не сосчитать.
И решают гости с новоселами,
Как им эту улицу назвать.

Вот, похожий на степного беркута,
Отставной промолвил старшина:
— Пусть в ее названии, как в зеркале,
Будет наша жизнь отражена.

Хороша твоя Латвия! —
Слово туркмена-поэта.
Здесь, на верфях, металл
Закаляют, сверлят и куют.

В прибалтийском колхозе,
Где жил я в мшившее лето,
Полюбились мне песни,
Что в поле девчата поют.

Но однажды я видел,
Как люди штурмуют трясину,
По колено в воде
Углубляют канаву...
И вот
Удивительно стало
Безводной Туркмении сыну.
Что вода отступает
Из этих озер и болот.

Не бывал я в краях,
Где б ключи и озера мешали.
Я родился и жил
На земле каменной, степной.
И не видел я там,
Чтоб поля под посев осушали, —
Там,
Где воду из рек
Выскапывает полуденный зной.

Друг, да будет повсюду
Успешною наша работа!

Где бокал твой?
Нельзя,
Чтобы он оставался пустым.
За латвийский народ,
Осушающий эти болота!
За туркменский народ,
Обводняющий земли пустынь!

1965

«МАХТУМКУЛИ» ИДЕТ К АТРЕКУ

«Припадаю с мольбой к тебе, всеблагой,
Пощади, дай дождя, мой султан!
Стражду я, жажду я, горю пред тобой,
Пощади, дай дождя, мой султан!..»

Так взывал ты к аллаху, Махтумкули.
Но не слушал поэта — молчал аллах.
И дымилась от пыли края земли,
И сгорали рис и хлеб на полях.

Не молитвой — руками, силой своей
Полноводный канал мы ведем в пески.
...Смотрят сборщицы хлопка из-под бровей,
Смотрят вдаль мирабы¹ из-под руки.

Люди смотрят туда, где, подняв пары,—
День торжественный этот неповторим!—
Голубою дорогой идет в Мары
Судно, именем названное твоим.

За штурвалом стоит молодой туркмен.
И народ ликует вблизи, вдали:
«Кораблем к нам вернулся Махтумкули!
Как никто, о воде он писать умел».

Вперед — Каахка, Ашхабад, Баши
И Атрек, где поэт открыл свой пенал.
...На развернутый свиток гляжу с кормы:
Как развернутый свиток, лежит канал.

1966

ПО МОТИВАМ СТАРЫХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

* * *

Как с другом, с народною песней
Сидел я не раз у костра,
Встречался на горной тропе с ней
И ехал в машине с утра.

---

¹ Мираб — лицо, ведающее распределением воды.

Она возникала, как пламень,
Под небом прибрежных долин,
Где рубят лазоревый камень
И красный находят рубин.

Среди недосужего люда
Дышала заботами дня,
Умело седлала верблюда
И в кузне ковала коня.

Сердца волновала и грела,
Из уст кочевала в уста.
Как птица, — привычное дело, —
Гнездовый меняла места.

И, действуя, словно огнивом,
В пути заслужил я права
На то, чтоб с народным мотивом
Мои породнились слова.

1966

* * *

Я стою в ожидании милой,
Ночь вокруг или ранняя рань?
Пожалей меня, ливень постылый,
Я стою в ожидании милой,
Заклинаю тебя: перестань.

Ах, любовь, она стоит полцарства,
То тигрица, то робкая лань,
Для пронзенного сердца — лекарство.
Ах, любовь, она стоит полцарства, —
Я молю тебя, дождь: перестань.

Ты свиданью влюбленных помеха,
На тебя моя сыплется брань.
Подав зов — не откликнулось эхо.
Глупый дождь — ты свиданью помеха,
Заклинаю тебя: перестань!

1968

* * *

Влюбленного все касается...
Яркая, как звезда,
Насмешливая красавица,
Куда ты спешишь? Куда?

Слово свое забывшая,
Не слишком ли ты горда?
Сердце мое разбившая,
Куда ты идешь? Куда?

Под шелковою накидкой,
По-девичьи молода,
Перед моей кибиткою
Куда ты идешь? Куда?

Обрадную иль разгневаю —
Не ведаю никогда.
Схожая с королевою,
Куда ты идешь? Куда?

1966

* * *

Ты в красной накидке прошла у реки —
И пурпурны стали у рыб плавники,
И стали быки краснороги.
Но след твоих ножек над быстрой водой
Уже покрывается пылью седой,
Пройди еще раз по этой дороге.

С утра тебя ждал, но дожждаться не смог,
И вечер светильник на небе зажег,
И вижу я в горькой тревоге,
Что пылью покрылись следы твоих ног,
Целую следы твоих ножек, мой бог,
Пройди еще раз по этой дороге.

Лицо твое — будто бы пламя свечи,
А я — мотылек, не заснувший в ночи,
Сгорю на заветном пороге,

И холоден стану, п сделаюсь сед,
Как пыль, что заносит ступней твоих след.
Пройди еще раз по этой дороге.

1966

* * *

Живу с богатством не в ладу,
И мне не быть сановником.
Стань розою в моем саду,
Стань розою в моем саду,
И стану я садовником.

Твоей печали вешним днем
Не буду я виновником,
Ты розой стань в саду моем,
Ты розой стань в саду моем,
А я — твоим садовником.

Я на поклон к тебе иду,
Слывя твоим паломником.
Ты розой стань в моем саду,
Ты розой стань в моем саду,
И стану я — садовником.

Коль не войдет любовь в мой дом,
Он зарастет терновником.
Ты розой стань в саду моем,
Ты розой стань в саду моем,
А я — твоим садовником.

1966

* * *

Пыль дорог отряхнувший с ног,
Я ли не жених?
Пусть судьба отложит срок
Похорон моих.

Ты лицо свое в платок
Прячешь для чего?
Сделай так, чтоб я не смог
Позабыть его.

Словно буйволиный рог
Месяц молодой,
Скоро станет от дорог
Голова седой.

Скрип колес, кочевий дым.
Одного боюсь,
Что, проснувшись молодым,
Я седым вернусь.

1966

* * *

Кто-то шел не по тропе,
И зарделась на заре
То ли ягода в траве,
То ли девушка в чадре.

Сидя в поле у костра,
Варит ужин на костре
То ли поздняя пора,
То ли девушка в чадре.

Погляди-ка из окна:
Кто гуляет на заре —
То ли в облаке луна,
То ли девушка в чадре.

Видит зоркая любовь:
У соседа на дворе
То ли свет за шторой вновь,
То ли девушка в чадре.

И, о святости моля,
Где-то прячется в шатре
То ли тайна короля,
То ли девушка в чадре.

1966

— Я ушла
Из отцовского дома,—
Сын пастуший,
Садись на коня.
Уголок
Мы отыщем укромный —
Увези
Поскорее меня!

— Твоя мать, твой отец
Всё узнают,
Я — бедняк,
А ты — байская дочь.
Слуги быстро
Добычу поймают,
Нас не скроет
И темная ночь.

— Пусть отец
Предо мною не склонит
Головы — к моим чувствам
Он глух.
Пусть хоть сотню
Он выпшет в погоню —
Все равно убежим,
Мой пастух!

— Нет подков у коня,
Нет попоны,
И никто
Мне не сможет помочь.
Кто в дорогу
Коня мне накормит?
Не пойду я,
Байская дочь!

— Вот браслеты —
Бери на подковы,
Я попоны
Сошью из платка.
Мы коня
Жемчугами накормим.

Сын пастуший,
Дорога близка!

— Как же будем
Мы жить, где кормиться?
Как людскую молву
Превозмочь?
Нам вдвоем
Даже нечем укрыться.
Не поеду я,
Байская дочь!

— Нам кошмой
Станет дуг в маках алых,
Мои руки —
Подушкой тебе,
Мои волосы —
Вот одеяло,
Так помчимся
Навстречу судьбе!

— Ты — дочь бая,
А я — сын пастуший,
Лучше я от беды
Уйду прочь.
Тут овец без меня
Волк подушит —
Не поеду я,
Байская дочь!

— Пусть баранов твоих
Режут волки,
Ноги пусть
Поломает твой конь.
С трусом я
Говорила без толку —
Ты меня
Даже взглядом не тронь!

1966

ДАГЕСТАНСКОМУ ДРУГУ

Расулу Гамзатову

Как часто, верный друг мой,
друг мой старый,
Я над твоей землею пролетал.
И сакли, словно белые отары,
Внизу толпились возле самых скал.

Я видел сверху: по лугам
альпийским
Ручьи в твоей родимой стороне
Прокладывали путь к волнам
каспийским —
Волнам, родным тебе, равно как
мне.

Стояли горы на просторах синих,
Белели на вершинах ледники,
И облака белели на вершинах,
Как на иных красавцах платки.
Я над твоею горною страной
Кружил, и мне казалось каждый раз,
Что песнь твоя летела вслед
за мною,

И этой песне вторил весь
Кавказ.

Когда меня одолевает горе,
Я к берегу каспийскому бегу:
Мне кажется, что ты стоишь
у моря,

На противоположном берегу;
Мне кажется, что море все уладит,
Все успокоит спняя вода,
Что песнь приносит и песчинки
катят

С твоих далеких берегов сюда.

1966

ТРОПА МАРКСА

Леса заповедные Карловых Вар.
Когда-то в них Маркс, говорят, побывал.

Здесь крон вековых густолистая масса
Встречала в крылатке идущего Маркса.

Любил он к деревьям пожаловать в гости,
Борец и философ с дорожною тростью.

Медлителен или стремительно пылок,
Любил он шагать по одной из тропинок.

С тропинки той, ясный, веселый и щедрый,
Любил он смотреть на леса и ущелья.

Все выше он тропкою той поднимался,
Любимую «тропкой доктора Маркса»,
Над сытой, на водах скучавшей толпой...
...Идет человечество этой тропой.

1966

О ДРУЖБЕ

Бывает дружба разная на свете:
Бывает дружба-сталь
и дружба-нить.

Иную разрывает слабый ветер,
Иную пламя может закалить.

Не знаю, с чем должна быть дружба схожа,
Но пусть она не будет словно тень,
Которая с тобою в день погожий,
Которой нет с тобой в ненастный день.

1966

ПРАГА

Город старой дружбы,
Здравствуй, Прага!
Спешил я по далеким колеям
От друзей,
С предгорий Копетдага
Передать тебе
Привет-салам!

Чистые,
Не знающие пыли,
Улицы раскрылись для меня,
Вышеграда пшили
Обступили —
Минаретов дальняя родня.

На заре,
Когда едва светало,
Я смотрел
На древние места.
Влтава, Влтава,
Как ты велпчава,
Если смотришь
С Карлова моста!

Мой поклон душевный
Принимая,
С новостроек
Нынешнего дня,
Город,
Стрелы кранов поднимая,
От души
Приветствовал меня.

Вечером,
У нижней переправы,
Словно у себя
В родных горах,
Я услышал,
На холмах под Прагой,
Песнь о подмосковных
Вечерах.

Злата Прага,
До свиданья, Прага!
Обещаю передать друзьям,
Что живут
В предгорьях Копетдага,
Твой привет сердечный,
Твой салам.

1966

В ОЧЕРЕДИ ЗА «ПРАВДОЙ»

Узнавали
В Карловых Варах
Мы о родине —
Из газет.
В ожиданье вестей,
Бывало,
Поднимались еще
Чуть свет.

Кое-как
Застилали койки,
Чтоб газету
Успеть прочесть.
«Правды»
Два экземпляра только,
А охотников, нас —
Не счесть.

Ждали мы
Почтальона с сумкой,
Не спуская с аллеи
Глаз,
Ведь не знали
Целые сутки,
Что там вынче,
Как там — у нас?

Что — колхозы?
Спешат ли с севом?
Соревнуются ль
Горняки?
Поднялась ли
В бетоне сером
ГЭС таежная
Из реки?

Открывает ли космос
Тайны?
Космос очень
Волнует всех...
Собирались
У врат читальни

Русский, немец,
Туркмен и чех.

Так в курортном
Краю зеленом,
Где листвы
Шелестела вязь,
С «Правдой»
Ждали мы почтальона,
Ждали,
В очередь стаповясь.

1966

КОПЕТДАГ

В горы твои, Копетдаг,
Я мчался издавека
Жажду свою утолить
Чистой водой родника.

С ветром беседу вести,
К эху в ущельях взывать,
С кручи тюльпаны твои
Снова, как в детстве, срывать.

Тропкой идя за водой,
Вспугивать серн со скалы,
Чай под тенистой арчой
Пить из большой пиалы.

Снова вглядеться в черты
Каменного лица.
В строгих морщинах узнать
Добрую душу отца.

1966

ТУРКМЕНСКИЕ ВОРОТА

В запутанных улицах
Старого Дели
На эти ворота
Мы долго глядели:

Старинная кладка —
От времени бурый,
Внушительный памятник
Архитектуры...

Сказал мне из спутников
Знающий кто-то:
— Зовутся «Туркменскими»
Эти ворота.

Величье их облика,
Строгость и мера
Весьма взволновали меня,
Как туркмена.

Быстрей моя кровь
Заструилась по жилам,
С вопросами я
Подступил к старожилам.

Мы общим наречьем
Не очень владели,
Но понял я все же,
Что некогда в Дели

Вели караваны
Сквозь эти ворота
Туркмены простого
И знатного рода.

Купцы-простолюдины,
Ханы и беки...
Играли их кони,
Проворные в беге.

Здесь ставили гости
Из дальнего края
Усталых верблюдов
В просторном сарае.

Индийским торговцам
За жемчуг и ткани
Здесь кожи и шерсть
Отдавали тюками,

Довольны взаимпо
Таким оборотом,
Назад уходили
Сквозь эти ворота,

Наполнив добром
Переметные сумы,
Туркменские гости
В свои Каракумы...

И жители местные
Их не забыли,
Ворота «Туркменскими»
Названы были.

1967

ТАДЖ-МАХАЛ

На скольких языках воспет ты!
Твои прекрасные приметы,
Твое бессмертное сиянье
Веками славили поэты.

Ты — сердца раненого вздох,
Живой любви пример высокий.
Тагор назвал тебя когда-то
Слезинкой на щеке эпохи...

Когда, воздушною и яркой, —
Над Красным Фортом — красной аркой —
Восходит солнечное утро,
Восходишь ты над тихой Агрой.

Взлетаешь в небо голубое
Белее пенного прибоя.
С чем мне сравнить тебя? Не знаю.
И что могу сравнить с тобою?

Ты памятник беды и счастья,
Не поделенного на части.
И каждый, кто тебя увидит,
Всем сердцем к этому причастен.

Давно уйти настали сроки.
Но все шепчу твои уроки
И непрестанно, неустанно
Читаю каменные строки.

1967

ДОМ ВЫСОКОГО ГОСТЯ

Было знойно. В садах доспевали
Винограда тяжелые гроздья,
Когда люди, волнуясь, узнали
О приезде высокого гостя.

Чтобы доброму гостю с дороги
Было где отдохнуть и умыться,
В небывало короткие сроки
Дом сложили в туркменской столице.

Он поднялся, исполненный в камне, —
Мы не знали прекраснее дома! —
Благородные красные канны
За ночь выросли у водоема.

Застеклен и обставлен с любовью,
Был он — гостя высокого ради —
Мастерами украшен резьбою,
Знаменитыми застлан коврами.

И хотя не успел насладиться
Гость прохладой этого дома,
Поприветствовав нашу столицу
Только издали — с аэродрома,

И хотя тот прием не удался —
А ведь гость бы остался доволен —
Потому что глава государства
Даже в отдыхе кратком не волен, —

До сих пор в память дружбы и братства
Этот дом у зеленого сквера
Называют тепло ашхабадцы
Домом Неру.

1967

БХИЛАИ

Возник перед нами,
Огнями пылая,
Из черного бархата ночи —
Бхилаи.

Железной исполненный
Мощи и силы,
Наш с Индией братства
Маяк негасимый.

Стеклянные крыши и окна,
Как угли,
Горели, мердая,
Сквозь темные джунгли.

На свет — вдоль обочин,
Дорогой перовой —
Шли люди погреться
У этой жаровни.

Шел старый крестьянин
И парепь безусый
И девушка, робко
Сжимавшая бусы.

Вдова, у которой
О детях забота, —
В Бхилаи найдутся
Жилье и работа.

Из окон нам под поги
Свет расстилая,
Гостей из России,
Нас встретил Бхилаи.

Его мастера
И его инженеры
Сказали нам: — Индия
В новую эру,

В новую эпоху
Сегодня вступает,

Что новому старое
Уступает.

Потом говорили
О планах, о росте...
И мы пожелали,
Как добрые гости,

Рабочему городу мы
Пожелали:
— Железным всегда оставайся,
Бхилаи!

Пусть крепнут твои
Пробужденные силы,
Наш с Индией дружбы
Маяк негасимый!

1967

АТРЕК

Два берега...
Колхозный сад на эгом,
Гряда чужих,
Иранских гор — на том.
Атрек, тебя
Я, как полоску света,
Мальчишкой мог
Перескочить с шестом.

Тебе и в полный паводок
Не снится
Простор и глубина
Великих рек.
Но есть в тебе
Величие границы
Советского отечества,
Атрек.

Спасибо, друг,
Что ты меня поэтом
Варастил... Что вновь
Тебя воспеть могу

За то, что в день счастливый
Я на этом,
А не на том
Родился берегу.

1967

БАЛЛАДА О СТАРОМ КОЛОДЦЕ

За грядкою бархапов
И обветренных скал
Я забытый колодец
У тропы отыскал.

Стебли желтой колючки
Оплетали бадью...
А когда-то святыней
Был он в этом краю.

Родниковой водою
Он славен в песках...
Даль струилась. От зноя
Кровь стучала в висках.

Я спустился к колодцу,
Снял поклажу с плеча.
Я склонился над кладкой
Красного кирпича.

.. Бросил камень... Но эхом
Не откликнулось дно,
В глубине не сверкнуло
Слюдяное окно.

Лишь, плетя паутину,
Суетился паук...
Будто вздох из колодца
Мне почудился вдруг.

Словно с грустью колодец —
Этих мест старожил —
Мне пытался поведать,
Как трудился и жил:

— Старика ты за скупость
Должен, путник, простить!
Видишь, высох я... Нечем
Мне тебя угостить.

А давно ль с кетменями
Шли дехкане сюда.
И звенела в арыках
Ключевая вода.

Парень вечером летним
Подъезжал на коне;
Из окрестных селений
Шли молодки ко мне...

До того, как зеленой
Я оброс бородой,
Их ковши и кувшины
Наполнял я водой.

До того, как по пояс
Был песком занесен,
Я дарил караванам
Сладкий отдых и сон.

Так я жил... Но однажды,
Сняв кибитки свои,
Люди к новым колодцам,
Бросив старый, ушли.

Отогнали отары,
Что бродили окрест...
И остался я, старый,
Одиноким как перст.

Мог бы всадник усталый
Здесь раскинуть кошму,
Я бы светлой водою
Мех наполнил ему.

Снова в куще зеленой.
После трудного дня,
Из колоды долбленой
Напоил бы коня...

Так с забытым колодцем,
Как со старцем-кумли¹, —
Старожилом пустыни, —
Мы беседу вели.

Не придумаеть горше
И печальный удел,
Чем остаться живому
Средь живых — не у дел!

Рано, старый колодец,
Нам с тобою на слом!
Я приду к тебе снова
Поработать кайлом

И расчистить лопатой
Водовозное дно,
Чтоб, струясь, замерцало
Слюдяное окно.

Чтоб над шкурою рыжей
Этих мертвых песков
Ты, проснувшись, услышал
Речь твоих земляков,

Шум вдушей отары,
Цокот конских копыт:
— Здравствуй, труженик старый,
Ты людьми не забыт!

1968

ЛОЖЬ

Ложь не птица,
Не черный паук —
А летает!
И своей паутиной
Людей оплетает.

Ложь не птица,
Но писком,

---

¹ Кумли — буквально: «рожденный в пустыне».

Когтями и кожей
И повадками
С мышью летучею
Схожа.

Ложь,
Готовясь сказать
Свое лживое слово,
Прячась,
Ждет не дождется
Ночного покрова.

Ей бы в тесном
Да в темном углу
Приютиться,
Повторяя:
— Я птица!
Я добрая птица!

Только с правдою,
Знающей
Эти повадки, —
Да при свете дневном, —
Ей не выдержать
Схватки.

1968

* * *

Я сидел над работой
В виноградной беседке.
Осторожно в калитку
Постучала соседка.

Постучала в калитку...
О причине гадая,
Я открыл ей калитку,
И вошла — молодая,

Поздоровалась робко
И, красивая, с ходу
Позвонить попросила
В город, по телефону.

Было лучшее время,
Час — не поздний, не ранний;
Шелком прошелестело
Сюзане¹ по веранде.

Я остался под аркой...
Разрешению рада,
Гостя, словно к подарку,
Подошла к аппарату.

Ах, какой показалась
Эта женщина хрупкой,
Когда тихо смеялась
В телефонную трубку;

Как по шелку струпились
Две косы — незамужней...
О себе я подумал,
О работе ненужной.

Я писал о любви
Тяжело в старинно,
Но казалась любовь,
И одетая рифмой, —

Не живою любовью,
А сказкою старой.
Настоящая — рядом
Жила, трепетала...

1968

* * *

В доме через дорогу
Живет у своей родни
Девушка в платье строгом
Из красного кетени.

Попалось, как птица в сети,
Сердце... И снова мил,

---

¹ Сюзане — туркменская национальная одежда.

Представший в розовом свете,
Этот весенний мир!

Розовый отблеск в росах,
Розовый пересверк
В окнах... И нежно-розов
На Копетдаге снег.

Розовые — в колымагах —
Ослики... А вдали
Розовые от маков
Степи моей земли.

Розовый на бархане
Отсвет среди холмов,
С розовыми верхами
Папахи двух чабанов.

Розовое заклатье
На всем, на что ни взгляни,—
От этой девушки
В платье
Из красного кетени.

1968

В СТАМБУЛЕ

Вах! Какие контрасты
В Стамбуле,
В пестром золоте полдня,
В ночи:
Блеск рекламный
Неоновой бури
И огарок
Подвальной свечи,

Шум и роскошь
Больших магазинов
И торговля с заплечных лотков,
На молитву призыв
Муэдзинов,
Звон трамвая
И цокот подков;

Шелк халатов,
Матросские робы,
Хвост машин
За конягой — одром...
Шепот Азии
С твистом Европы
Здесь смешались
В концерте одном.

Гости с Запада,
С Севера, с Юга...
Но, в Босфоре сходясь,
В голубом,
Корабли-иностранцы
Друг друга
Понимают,
А люди — с трудом.

И, как прежде,
Детей наставляют,
Строгой формулой
Определив,
Что, мол, Азию он
Отделяет
От Европы —
Босфорский пролив.

Только сердцу хотелось бы,
Чтобы —
Нет, не в барах,
Не в лавках менял —
Тот пролив знаменитый,
Европу
В дружбе
С Азией соединял.

1968

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА

Не на пляжах,
Не на школьных диспутах
Слушаю
Мальчишеские дисканты.

В городе,
Проназательно и броско,
Дисканты звенят
На перекрестках.

У кафе ночного,
В море света:
— Покупайте!
Свежая газета!

В грохоте портовом,
Ноткой резкой:
— Эфенди, табак!
Табак турецкий!

В многолюдном сквере,
У фонтана:
— Жареные,
Эй, кому — каштаны!

Голосок
Вонзается, как шило:
— Ичиги!
Измирского пошива!

Детский труд —
Ни для кого не тайна —
Нужен для семьи,
На пропитанье.

Детский труд —
И малый вклад, а дорог,
День рабочий,
Как у взрослых, долог.

С горечью глядел,
С душевной болью
Я на эту
Бойкую торговлю.

В улицу сворачивал
Любую —
Голоса детей
Слышны в Стамбуле

Ночью, днем —
Когда бы ты ни вышел...
Редко песни детские
Я слышал.

1968

ДОЖДЬ ИДЕТ

За портовой стеной
Серым призрачным фоном
Третий день — проливной
Дождь висит над Босфором.

Море в пене седой,
Небо пепельно-буро...
Хлещут мутной водой
Водостоки Стамбула.

В этот утренний час,
В ожидании смены,
На асфальтах торчат
Лишь одни полисмены;

Ходом редких машин
Регулируют вяло...
Дождь карнизы прошил
И зонты Истикляля¹.

В небеса углубясь,
Чуть видны мипареты,
Словно белые — с баз
Иноземных — ракеты.

Тяжела для людей
Эта самая гонка...
Утро мокрое, день
Мокрый... Ну, и погодка!

Струи мутные льют,
Как из баков бездонных...

---

¹ Истиклял — главная улица Стамбула.

Под навесом приют
Для хамбалов бездомных.

Влагодй сиящих кропят
Капли, падая с балок;
Съежась, грузчики спят,
Спят босые хамбалы.

Здесь в избытке дожди,
Льют до сумерек серых...
Где-то — жди их да жди —
Так нужны для посевов!

Хоть бы нынче такой
Выпал пахарю ливень!
Смотрит пахарь с тоской
В небо Анатолии.

О дожде, — чтоб верно
Возродилось из праха, —
Как о благе, давно
Люди молят аллаха,

Как о пропуске в рай,
Молят с верою страстной...
Дождь и засуха — край,
Жизнь и небо контрастов!

1968

НОЧЬ В АНКАРЕ

Не ложусь — все равно
Не уснешь до утра...
До утра веселится,
Поет Анкара.

Ззывает огнями
В объятъя свои
И домами, домами,
«Домами любви».

Прозябая в гаремах
Семейных сама,

Открывает столица
Ночные дома.

После дня делового,
Встряхнуться спеша,
Богатей съезжаются
Для шабаша.

Чтобы голос веселья
Ночного не гас,
Как в аду, на эстраде
Кривляется джаз.

Все дробнее гремят
Бубен, тар и чонгур.
Замер вал...
Одобренья
Варывается гул!

С бедер девушек
Рушатся шелк и батист...
Стариков подвигает
Со стульев стриптиз.

Ах, какие фигуры —
Точеной ногой!
Как легко танцевать
Совершенно нагой!

Как они, обнаженные,
В танце легки!
Как улыбки естественны
И широки!

Грузен этот клиент,
Тот — потаскав и лыс...
Будут всем улыбаться они —
До кулис.

За кулисами,
В брезжащем олове дня,
Гаснут пламя и жар
Напускного огня.

Как усталые веки «актрис»
Тяжелы!
Как от мертвых белил
Эти щеки белы!

Ранней старостью веет
От горьких морщин —
Не легко развлекать
Эти бывших мужчин...

Бог забыл ли вас,
В душах ли холод и тьма,
Как попали вы, девушки,
В эти дома?

Нищета ли, сманив
Из родного угла,
Вас, как старая сводня,
Сюда привела?

Захотели помочь ли
Больному отцу
Иль доверили
Девичье сердце лжецу?

Иль в беде этой
Не было чьей-то вины —
Просто суженый ваш
Не вернулся с войны?..

Сколько лет с той поры
Миновало и зим?
Но — светает... К молитве
Зовет муэдзин.

Просыпается город,
Туманом дымясь,
Правит старая Турция
Ранний намаз,

Слыша крик муэдзина
С вершины холма...
Но простит ли аллах
Ей «ночные дома»?

1968

СТАРЫЙ ГРУЗЧИК-ХАМБАЛ

У главной Измирской пристани,
Где ночью горланит бар,
И ты обитаешь исстари,
Старый грузчик-хамбал.

Встречаешь «купцов» на взморье,
Надеясь еще на «фарт»...
Одежда твоя — лохмотья,
Ложе твое — асфальт.

Подушкой тебе — заплечная,
Для носки тюков — «коза»...
Глядят на созвездья млечные
С тоскою твои глаза.

Как неба купол огромен
Над этой землей... На ней
Что видел ты в жизни, кроме
Складов да пристаней?

Не зная о доле лучшей,
Годами ты спину гнул,
Поклажу нося, как вьючный,
С одышкой двуногий мул.

Никто у тебя не спросит,
Где кров твой, семья, очаг?
Виски убелила проседь,
Заботы груз — на плечах.

Трубкой дымя, ночами
Следишь за причалом ты,
Но все мертво на причале —
Ни лязга, ни суеты.

О жизни людей заботиться
Хозяевам недосуг...
Проклятая безработица
Гнетет тебя, как недуг.

Ложишься, измучен холодом,
Под острой скулой — кулак,

Как шлак на отвалах города,
Трущобных окраин шлак.

Тебя повстречав в Измире,
Я помню твои черты...
Что-то неладно в мире,
Где обитаешь ты!

1968

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧИКИШЛЯР

1

Постой, водитель, не гони!
Пройдусь-ка я пешком...
Мальчишкой здесь в былые дни
Я бегал босиком.

Вот холм с вершиною двойной,
Столбы, песчаный яр...
Я слышал, он теперь иной,
Аул мой Чякишляр.

Тогда у моря, у воды,
Стоял он, одинок...
А вот колодец! Тут следы
Остались детских ног.

Когда нужна была вода,
Чуть-чуть гордясь собой,
Мы гнали осликов сюда
Веселую гурьбой.

Звенел в пустыне детский смех,
С водою шла бадья,
И наполняла тяжкий мех
Прозрачная струя...

Все те же степи! И травы
Сухой летящий шар...
И лишь колодец у тропы,
Состарясь, обветшал.

Стоит, песками занесен,
Народ о нем забыл;
На дне колодца — прах да сор,
А раньше — ключик бил.

А вот и рощица! Инжир,
Он зелен, как тогда.
Мальчишкой я мечтою жил
С утра сбежать сюда,

Чтобы не поле поливать,
Под осень, в дни страды,
А целый день с друзьями рвать
Чудесные плоды...

Постой, водитель, не спеши!
Ты, вижу, парень свой,
С воспоминаньями души
Побыть еще позволь.

На море глядя, на холмы,
Подумать, посидеть...
Постой, когда же это мы
Успели поседеть?

2

Суровый Каспий бьет волной
О берег, хмур и стар...
Салам тебе, приют родной,
Аул мой Чикишляр!

Вот так же, помню, ветер дул
И вал морской бежал,
Когда ты нас, родной аул,
В солдаты провожал.

О нас молитвы не творил,
А, снарядив бойцов,
— Не посрамите, — говорил, —
Честь дедов и отцов!

Мы не забыли твой наказ:
Морозом убелен,
В шинельках, к брустверам лепясь,
Сражался батальон.

И устоял! К концу зимы
Был крепок наш удар...
Ведь там отстаивали мы
Москву... И Чикишляр!

Мы с честью вышли, в добрый час,
Из тех железных вьюг...
Потом шагала наша часть
На запад и на юг.

Уж столько, разом не видать,
Огня, брони, колес!
Потом в боях освобождать
Европу довелось.

3

Гнездовье старое, привет!
Какая благодать!
А я, как чудо, белый свет
Стремился повидать.

Чудесней края, без прикрас,
Представить не могу!
Должно быть, старость гонит нас
К родному очагу...

Мое рыбацкое село,
В тех далях фронтовых
Не многим выжить повезло,
Но я — один из них.

Чтоб снова черный дым войны
Нам солнца не затмил,
Как ветераны, встали мы
Тогда в борьбе за мир.

Чтоб крепла дружба всех людей
Хороших на земле,
В Каир летел я, плыл в Бомбей
На белом корабле.

Вдали от родины не раз
В течение этих лет,
Твоей поэзии, Шираз,
Из кубка пил шербет.

В Сахаре воду пил — как дар
Из негритянских рук;
В гостях, в Пирее, восседал
У рыбаков с фелюг.

Но, в кочевой своей судьбе
Земной объехав шар,
Душой тянулся я к тебе,
Аул мой Чикишляр,—
Где сеть плетет Аман-ага
И сплевывает нас ¹...

Дымок родного очага
Влечет под старость нас,
Кибитка та, где в детстве рос...
Но где ж она, постой?..

4

Поверь, читатель, мой вопрос
Не праздный, не пустой!
На месте старого села,
Сбегавшего с холма,
Жизнь молодая возвела
Просторные дома.

Брожу, по улицам кружа,
На площади стою...
В два полновесных этажа
Палаты — на семью!

---

¹ Н а с — жевательный табак.

Все изменилось с той поры;
Не мех — а медный крап,
Не кошмы ветхие — ковры
Свисают тут с веранд.

А вместо тонких топольков
У прежнего жилья,—
Касаясь крыш и облаков,
Здесь встали тополя.

Трудились каменщики здесь,
И плотник, и маляр...
Но там, у бухты, что-то есть
Из детства, Чикишляр...

Там, на окраине села,
В кибитке кошмяной,
Когда-то мать моя жила
И старший брат родной.

Иной покинул берега,
Земля взяла иных...
Ни лодок тех, ни очага,
Ни близких, ни родных.

Но жизнь идет...
По кромке, вдоль
Прибоя, шла песком,
Омыта солнцем и водой,
Девчушка босиком.

Шла, со старанием большим —
Он был ей до плеча —
Старинный кованый кувшин
За ручку волоча.

Еще работа ей не в труд —
Не жалко юных сил...
— А как, юла, тебя зовут? —
Я у нее спросил.

Всерьез взглянув из-под бровей
Насупленных, юла
Мне имя матери моей,
Потупясь, назвала...

С кувшином девочка ушла,
Пригожая, домой...
Как пена волн твоих бела
Сегодня, Каспий мой!

Какой у чаек реакый крик!
Крепчает шторм, трубя...
Ты прав, что сердисься, старик,
Обидел я тебя.

Вернуться скоро обещал,
Да было недосуг,
И вот сто лет не навещал,
Как нерадивый внук.

Мою качавший колыбель,
О Каспий, не грусти!
Меня, отступника, побей
Волною, но прости.

Побей волною не спеша,—
Пойдет на пользу боль,—
Как в детстве шлепал малыша,
За дерзость,
Твой прибой.

Или по коже подирал
Тяжелою волной...
Но, между прочим, ты играл
И в камушки со мной.

Мне книгу мудрости листал,
Учил мальчишку впрок,
Чтоб, возмужав, мальчишка стал
Душой, как ты,— широк.

Здесь встретил друга я. Врагу
Ответил... Первый стих
Сложил на этом берегу
Под шорох волн твоих.

Здесь поле первое вспахал,
Впервые встал к рулю,
Здесь я впервые услышал
От девушки: «Люблю...»

Мой старый Каспий,
Как высок
Сегодня твой прибой!
Волна уходит, смыв песок,
И манит за собой.

Суровость отчую храня,
Посетуй, поворочи
И все ж в объятия меня,
Как прежде, заключи!

6

На голоса и лай собак,
Песчаную косой,
Иду к аулу... На губах
Еще купанья соль.

Иду — рубашка нараспах —
Родимой стороной.
Морскою свежестью пропах
Пиджак столичный мой.

Шуршит у ног опавший лист...
Мой долг меня зовет
Туда, где белый обелиск
Над площадью встает.

Друзей, погибших на войне,
Конечно, не вернуть —
Лишь постоять наедине,
Добром их помянуть.

Когда-то вместе мы росли,
Мир детства был широк,
Водить большие корабли
Мечтали — будет срок!

Мечте своей не изменив,
Мужали мы в бою...
Седую голову склонив,
На площади стою.

Смотрю на строгий обелиск,
Душою там, в былом...
Как много славных юных лиц
На фото под стеклом!

Вон тот, с улыбкой, мастер был
Мальчишеских причуд.
А этот холпил и любил
Свой знаменитый чуб.

Вот тот — спортивною борьбой
Прославил Чикишляр,
А этот — с темным над губой
Пушком — любил дутар...

Отпели ваши соловьи,
Вам не пожмешь руки,
Ребята славные мои,
Бойцы-фронтовики.

Но на земле, пока весна
Побеги гонит вверх,
В граните ваши имена
Останутся навек.

7

Уважь, водитель, не гони —
Не к спеху этот путь,
На чикишлярские огни
Еще позволь взглянуть!
Ночное море и холмы
Родные оглядеть...

Постой, когда же это мы
Успели поседеть?

1969

ПОЭТ

«Стал поэтом он...» —
Убежден.
Ты поэтом уже
Рожден!
В миг их счастья,
В годину слез
Ты сердечен с людьми
И прост;
В гневе — взрывчат,
Как аммонал,
Беды терпящих —
Ты сигнал,
Ты маяк —
Между тьмою и светом,
Потому что родился
Поэтом!

Ты грустишь с соловьем
В тоске,
Ты играешь с детьми
В песке,
Ты с крылатыми
Окрылен,
А с влюбленными ты —
Влюблен.

Старца каменные черты,
Словно свиток,
Читаешь ты —
Чуткий к притчам его
И советам,
Потому что родился
Поэтом!

В дальнем Перу
Тебе не чужд
Человек
Из трущоб-лачуг.

Спать тебе не дает
Судьба
Обездоленного

Раба;
Видя загнанных в беге
Рикш —
Лихорадкою их
Горишь,
Чтоб в стихах
Закричать об этом,
Потому что родился
Поэтом!

Из поездки вернувшись,
Нам
Ты рассказываешь
Про Вьетнам.

...Рев моторов
Над головой,
Бомб,
Летающих отвесно,
Вой,
Головни —
На месте жилищ,
Вдовьи слезы
У цепелиц;
Вдоль излучин
Меконг-реки —
Поминальные
Огоньки;
Палачами,
А не людьми
Очи выжженные
В Сонгми —
Все осталось
На сердце — метой,
Потому что родился
Поэтом!

Старых шейхов за власть
Грызля
И парламентская
Возня,
Выборов родезийских
Фарс,
В баррикадных боях
Белфаст,

Дивиденды заморских
Фирм,
Казематы
Ночных Афин,
Кровь и пытки
Концлагерей —
Все коснулось
Души твоей,
Все тревожит
На свете этом,
Потому что родился
Поэтом!

Ты объехал
Весь белый свет...
Но не только в стихах,
Поэт,
Не за письменным лишь
Столom
Ты сражение ведешь
Со злом,
Старой раной
В душе горит
И Каховка,
И твой Мадрид!
Где такие лежат,
Скажи,
Партизанские
Рубежи,
Где бы, спрятав блокнот,
В бою
Ты руки не тянул
К ружью —
В тундре, в джунглях,
Зимою и летом,
Потому что родился
Поэтом!

Не в постели,
На склоне лет,
Ты привык умирать,
Поэт!
Дай прожить тебе,

Под луной,
Десять жизней
Вместо одной —
Десять раз,
Как солдат прожив,
Руки накрест уже
Сложив,
Вспомнив небо
Далеких стран,
Ты бы умер
От старых ран,
Озаренный
Внутренним светом,
Потому что родился
Поэтом!

1969

ЕЖЕДНЕВНО

Мне товарищ сказал
С неподдельной досадой:
— Будь ты в деле своем
Исполнительным самым,
Утверждаю, за подписью
«С подлинным верно»,
Не хватает рабочего дня —
Ежедневно!

Может, прав он:
Загружены мы до предела...
Но минута найдется
Для доброго дела,
Если зря не теряешь,
За спешкою нервной,
А минутой в труде дорожишь —
Ежедневно!

Сколько новых открыто
В пустыне колодцев.
Сколько кладов открыто
И сколько ведется
Новостроек! И сколько
Ударивших в небо

Нефтеносных фонтанов встает —
Ежедневно!

Сколько спутников наших
Запущено в небо!
Их орбитами
Словно обвита планета...
Сколько полных витков
На просторах Вселенной
Совершают на трассах они —
Ежедневно!

Сколько в мире людей
Умирает от рака,
На фронтах, в катастрофах,
В тюремных бараках...
Но в борьбе бесконечной
С природою брэнной
Сколько в мире рождается нас —
Ежедневно!

Бьются пульсом планеты
Прибой морские.
Прозревают грядущее
Души людские,
Мир, свободу и братство,
Сурово и гневно.
Утверждая во имя свое —
Ежедневно!

1969

НЕ УНЫВАЙ!

Один, как перст, остался в доме —
Не унывай, не унывай!
Спишь на ковре — не на соломе!
Не унывай, не унывай!

Полно хлопот с женитьбой сына,
Родня невестина спесива...
Да больно девушка красива!
Не унывай, не унывай!

Сам первым парнем был когда-то,
Сам засылал к невесте свата...
Пусть жизнь не очень торовата,—
Не унывай, не унывай!

По жизни пусть крута дорога,
А у кого она полого?
Смелее в жизнь шагай с порога,
Не унывай, не унывай!

Хоть вред от сплетен и заметен,
Вступая в мир, не бойся сплетен,
Мир как-никак великолепен,
Не унывай, не унывай!

Чего на свете ни случится:
Глядишь, твой друг тебя дичится...
Хоть есть причина огорчиться —
Не унывай, не унывай!

Свершая странствие земное —
А разве может быть иное? —
Все пополам дели с женою,
Не унывай, не унывай!

1969

* * *

Сколько раз делились хлебом-солью
Мы с тобой, товарищ, на веку!
И покуда живы мы — в застолье
Не убудет нашего полку.

Теплым словом нас гостеприимно
Принял ты под кровлею своей.
Мы тебя приветствуем взаимно,
Как у старых водится друзей.

Плов, люля-кебаб, шурпа с фасолью,
И вина хватает, и сластей...
Тесно на столе от хлебосоля,
За столом — теснее от гостей!

1969

ТЫ УЛЫБНУЛАСЬ...

Мир светлеет...
Вчерашние
Скука и хмурость —
Где они?
Это значит,
Что ты — улыбнулась.

Окрылен —
Вдохновение
Сердца коснулось,—
Вновь пишу...
Это значит,
Что ты — улыбнулась.

Снег сошел,
Потеплело,
И жизнь встрепелась.
Сад расцвел...
Это значит,
Что ты — улыбнулась.

Озорство,
Острословье,
Мальчишечья дурость
Наших встреч...
Это значит,
Что ты — улыбнулась.

Думал,
Счастье прошло.
А оно обернулось
И зовет...
Это значит,
Что ты — улыбнулась.

1969

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО

Спешащие, как, впрочем, все
Иные москвичи,
Не обижайтесь на меня,

Московские врачи!
Вы, к изголовью моему
Подсев, придвинув стул,
Не удивляйтесь, что не пью
Целятельных микстур.
Похвал превыше и уход,
И белизна простынь;
Успокоительно звучит
Священная латынь;
Серьезен штат профессоров,
Консилиумов дух...
И все же не определить
Вам главный мой недуг,
Хоть вы считаетесь не зря
Ученейшею кастой...
Домой вернуться надо мне —
Вот лучшее лекарство!

Домой вернуться надо мне,
В родной Туркменистан,
К знакомым с детства, для души
Живительным местам.
Там тихой музыкой звучат
Поющие пески,
Чисты в горах там, как глаза
Газелей — родники!
Там, от подпожия хребта,
По тропке узкой, ввысь,
Не благодатно ли с ружьем
Охотничьим пройтись.
Не воскресенье ль для души
И тела — сбросить с плеч
Рюкзак походный и в тени
Арчевника прилечь!
Иль ждать в засаде, под скалой,
Где бродит зверь клыкастый,
Чтобы, сойдясь, сразиться с ним, —
Вот лучшее лекарство!

Где ж я здоровье обрету,
Как не в пустыне, — где ж?
Лишь побывать бы мне в твоих
Долинах, Солтавдешт!
На дальнем коше чабанов

Лишь побывать бы мне,
Широкой степью проскакать
На добром скакуне,
В Хорезме гостем побывать,
В Чарджоу и Мары,
Где маки красные цветут,
Где яблони щедры,
Где царство вахарманских дынь,
Лоз виноградных царство,
Где той справляют по три дня,—
Вот лучшее лекарство!
Берущих силу от земли
Недуг не вырубал...
На родину Махтумкули
Поехать бы — в Сумбар!
Где так умеет сельский люд
Стихи его беречь,
Где в родниковой чистоте
Хранят родную речь,
Где в состязаниях бахши
И песенках девчат
Дестаны вечные его
На празднествах звучат.
И кажется, склоняют слух
К прекрасным тем стихам
Все Каракумы — от Аму
До каменных Балхан...
И мне бы там, в кругу певцов,
Сидеть, вкушая яства,
И мне бы в руки взять дутар —
Вот лучшее лекарство!

Мои московские врачи,
Быть может, я не прав,
Но так заманчив дух арчи
И прикаспийских трав!
То с просветленным — в тихий час,
То с пасмурным лицом,
Там старый Каспий с детства мне
Был строгим, но — отцом.
Там, в годы юности моей,
Меня встречала та
Девчонка, с моря, чья в душе
Не гаснет красота.

Вернуться надо мне туда,
Где лодки — кверху дном,
Былое вспомнить, посидеть
На берегу ночном,
Послушать, как шуршит песок,
Скрипит канат баркасный,
Как ветер странствий манит вдаль —
Вот — лучшее лекарство!

1969

ОСЕНЬ

Старая чивара облетает,
Золотом листвы сгорев дотла...
Со ступенек
Палый лист сметает
Ветра торопливая метла.

Журавлей летящих караваны,
Трубные их, в небе, голоса...
И на синеве —
Белее ваты
Облаков бегущих паруса.

Говорят, что вет поры печальней...
А у нас,
В преддверии зимы,
Легкий распускается хлопчатник,
Сад сияет золотом хурмы.

Теплая, как лето,
Золотая,
Долгая — не видно ей конца,
Осень, нас надеждами питая,
Одаряет щедростью сердца.

1970

ПЧЕЛЫ

Нет, не даром
В тупик они ставят
Ученых,

Этот шустрый народец —
Рабочие пчелы!

Знаменитый австриец.
Француз,
Итальянец
Изучают полет их,
Работу
И танец.

Ведь не просто танцуют —
Фигуры рисуют...
Чем же
Лично меня они
Интересуют?

Наблюдая их,
В книгах о жизни их
Роясь,
Не за то полюбил я
Пчелиный народец,

Что жужжанье пчелы
Так приятно
Для слуха,
Мед цветочный душист
И сладка
Медовуха!

Не за то,
Что в сад опыляют
Плодовый
И что лучший из месяцев
В жизни —
Медовый!

Не за то,
Что, последней надеждой
Объятый,
Прибегают больные
К пчелиному яду.

Мне рабочие пчелы
Теперь симпатичны

Тем, что заняты
Общей работой —
Не личной.

Но воздать им
Вонстину надо
Сторицей
За заботу
О матери,
Улья царице.

Как на утренней зорьке,
На зорьке вечерней
Хороши они
Этой заботой
Дочерней!

1970

* * *

— Доченька, скоро свадьба!
Исчезнет твоя тоска.
Нынче к тебе посватался
Богатый сын мясника.

— Ах, мама, за этим парнем
Замужем мне не быть!
Дочь твою там заставят
Мясо весь день рубить...

— Доченька, скоро свадьба!
Партия не плоха,
Нынче к тебе посватался
Отважный сын пастуха.

— Ах, мама, за парня этого
Я не пойду, прости,
Еще твою дочь заставят
В поле овец пасти...

— Доченька, скоро свадьба!
Руки твоей попросил,

Хочет взять тебя замуж
Нынче дехканский сын.

— Ах, мама, чего, родная,
Такого нашла ты в нем?
Еще твою дочь заставят
Весь день махать кетменем...

— Доченька, приоденься,
Ждет жених у крыльца,
Хочет взять тебя замуж,
Сватает сын кушца.

— Ах, мама, пусть и не думает
Просить моей руки!
Еще твою дочь заставят
Весь день считать медяки...

— Доченька, ведь нельзя же
Отказывать без конца!
Хочет взять тебя в жены,
Сватает сын певца.

— Отдай меня, мама, замуж,
Отдай за сына бахши!
Уж, верно, я в этом доме
Повеселюсь от души...

1970

* * *

— Убегу от тебя, джигит,
Как джейран в степи — от огня,
Невзначай, молодой джигит,
Можешь ты опалить меня.

— Ах, красавица, ты права,
Уподобив меня огню...
Как ни быстро ты побежишь,
Все равно тебя догоню!

— Не боюсь я тебя, джигит:
Я сумею чинарой стать,
Чтобы ты, молодой джигит,
До вершинки не мог достать.

— Коль вершинку не склонишь ты,
О чинара моя, добром,
Как ни жаль красоты твоей,
Я срублю тебя топором!

— Ну, а я обернусь рекой,
Разведу на реке волну...
Не осилить тебе, джигит,
Глубину ее, быстрину!

— Поострее тесало взяв,
Тотчас вытешу я ладью
И осилю, река моя,
Глубину, быстрину твою!

— Если реку переплывешь,
Обращусь я тогда в змею,
Только тронешь меня, джигит,
Быстрым ядом тебя убью!

— Лишь посмеешь, змейка моя,
Изготовиться для прыжка,
Я успею тебя схватить,
Брошу, злую, на дно мешка!

— Если ты поймаетшь змею,
Стану серною я в горах,
Чтобы прятаться от тебя,
Чтобы гнал меня в горы страх.

— Я тогда смастерю манок,
В тот манок посвищу с холма,
Очарованная манком,
Ты ко мне прибежишь сама.

1970

О красные маки,
О красные маки!
Над вамп — шмелей
Торопливые взмахи...
Ответьте джигиту
В тоске и печали,
Мою Акджагюль
Вы нигде не встречали?

Уж год, как, обманут
Судьбиною черной,
Ищу я любимую,
С ней разлученный...
Уж год, как родительской
Властью и силой
Любимая отдана
Байскому сыну.

Одетую шелком,
С душой оробелой,
Ее увезли
На верблюдице белой...
Когда увозили ее
На чужбину,
Всплакнула ль она
О джигите любимом?

Ее увезли
В золотую псволю,
О маки, сквозь ваше
Цветущее поле,
Дорогой окольной —
До перевала,
Чтоб я по следам
Не догнал каравана.

О красные маки,
Вы помпите, маки,
Как здесь мы встречались
В почном полумраке?
Спешила ко мне она
Тропкою дальней

В однажды условленный час —
На свиданье...

О красные маки,
От стужи над степью
Осенней порою
Вы клоните стебли?
Иль вместе со мной
Вы о ком-то скорбите,
Как я,
На жестокость людскую
В обиде?

О маки,
И вы отвернулись от неба,
У вас сердцевина
Совсем почернела,
Как сердце мое
Почернело в печали...
Мою Ақджагюль
Вы нигде не встречали?

1970

* * *

— Ай-вай! Прошу тебя, ай-вай!
О мама, мама,
В чужой аул не выдавай,
О мама, мама!

Ай-вай! Чужой аул далек,
О мама, мама,
Засохну я, как стебелек,
О мама, мама!

Как жить без близких и родных,
О мама, мама,
И здесь найдется мне жених,
О мама, мама!

Вай, неужели суждено,
О мама, мама,
Пойти мне камушком на дно,
О мама, мама!

Свое решенье измени,
О мама, мама,
Не выдавай, повремени,
О мама, мама!

Сурова мужняя родня,
О мама, мама,
Погубишь, мама, ты меня,
О мама, мама!

Там, не водою ключевой,
О мама, мама,
Там умываться мне слезой,
О мама, мама!

Но, вижу, гневом пышешь ты,
О мама, мама!
Мольбы мои не слышишь ты,
О мама, мама!

Коль нету жалости в груди,
О мама, мама,
В ограде тополь посади,
О мама, мама!

Как дочь твоя — в недолгий срок —
О мама, мама,
Засохнет этот тополек
В тоске, о мама...

1970

* * *

Грабят сад, если он без охраны.
Хочешь, сада смотрителем стану?
Или стану, вплетенною в косы,
Для тебя я — покорною розой.

Любят милые девушки с детства
В родниковую воду глядеться...
Хочешь, в роще, у тропки знакомой,
Стану зеркалом я родниковым?

Все красавицы любят сурьмиться,
Тонко брови сурьмят и ресницы,
Чтоб спать красотой под луною...
Хочешь, стану твоею сурьмою?

В очаге твоём стану золою,
Стану звонкой твоей ппалою,
Стану чаем я, озорничая,
Обожгу нежноустую чаем.

1970

БУДЬТЕ КАК МОРЕ

Экипажу теплохода «Туркмения»

Я с вами сдружился,
Я жил с вами на корабле.
Он был моим домом,
Моей кочевой кибиткой.
Я дружбы подобной
Еще не встречал на земле,
Хотя и на суше
Друзей и знакомых — в избытке.

От свежего ветра
Соленая горечь во рту.
И слово прощания
Подсказано жизнью самою:
Спасибо за щедрость,
За искренность и доброту!
Ведь жизнь — это дальнейшее плаванье...
Будьте как море!

Как море в затишье:
Прозрачна его глубина,
В ней травы морские
Свисают со скал бахромою...
Пусть ваши души
Открытые будут до дна.
С друзьями,
С детьми и любимыми
Будьте как море!

Как летнее море,
Умейте делиться теплом:
Песок оторочен прибоем,
Как белой каймою,
Пестро от зонтов,
Отдыхает от бурь волнолом.
Есть место под солнцем для каждого...
Будьте как море!

Но это же море
Умеет и взламывать лед
Во дни ураганного ветра
Суровой зимою...
Посевший ветер
Пускай вашу бурю пожнет!
Умейте подняться на недруга,
Будьте как море!

Сквозь ночь и туман,
К незнакомым еще маякам,
Уходите вы,
Оставляя свой порт за кормою...
Как волны прилива,
Вернуться к родным берегам
Спешите, морские кочевники,
Будьте как море!

1970

В СВЯТОГОРСКОМ

Людей в толпе — не счесть...
И это — только горстка,
В июньский теплый день,
В декабрьскую ли стынь,
Из проходящих ныне
В Святогорский —
К твоей могиле, Пушкин, —
В монастырь.

У многих ли судьба
Завидная такая?
Нет, весь не умер ты!
Что ныне от столпа

Александрйского?
А тут, не всякая,
Течет под сенью кущ
И ширится толпа...

Люд с берегов Невы,
С тех, где, поднявши лапы,
Стоят твои
Сторожевые львы...
Поклонник камня черного —
Каабы —
Араб,
Индус из Дели — гость Москвы.
Гость из Америки —
Лас-Вегас, штат Невада —
Снимает шляпу здесь,
Задумавшись на миг...

И финн — знаток стихов
Твоих и Калевалы,
И друг степей безоблачных —
Калмык.

И я кладу цветы,
Я — твой читатель старый...
О, сколько видел мир
Великих перемен,
Чтобы пришел к тебе
С холмов Туркменистана
В обитель Святогорскую
Туркмен!

Чтоб, вспомнив здесь твоей
Высокой жизни вехи
И видя, как течет
Несметная толпа,
Почувствовать душой:
Сюда к тебе вовеки
Не зарастет
Народная тропа.

1970

О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Если вы явились в гости —
И незваными — к туркмену,
Уважение окажет
Вам хозяин полной мерой.

Ведь недаром поговорка
В нашу жизнь легла основой:
«В доме гостя уважают
Больше, чем отца родного».

Пригласив к себе, хозяин
Вас не спросит ненароком:
Из каких краев явились,
Как зовут, откуда родом?

И других хлопот довольно
У хозяина в избытке:
Отвести гостям, как должно,
Место лучшее в кибитке.

Место, где прохладно летом,
Место, где тепло зимою...
Он узорной место это
Поспешит застлать кошмою.

Он усадит всех, ступая
На носки — не всей ступнею,
Угостит зеленым чаем
И наваристой шурпою,

На огромном блюде белом
Он поставит гору плова...
Не смущайтесь, что при этом
Будет он скупым на слово.

Он предложит свежей рыбы
И степной отменной дичи,
Не обмолвясь лишним словом, —
У туркмен такой обычай.

1970

СТАРЫЙ ДОМ

Слыхавший ружейные залпы,
Пропе́дший сквозь мир и войну,
Мой дом покосившийся, завтра
Тебя разберут по бревну.

Без газа, паркета и ванны,
Не модного полный добра,
Мой старый, мой друг деревянный,
С тобой нам проститься пора!

Ты спит был добротнo и скроен
Умело... На месте твоём
Сверкающий будет построен,
Со всеми удобствами дом.

Век маленьких домиков прожит —
Строители века правы! —
Но жаль мне песчаных дорожек,
И яблонь твоих, и травы.

Во дворике этом, под сенью
Твоею, далекой весной
Мы справили день новоселья
Совсем молодыми с женой.

Барашка сюда на закланье,
В родины, друзья волокли.
И, старших учтя пожеланья,
Здесь первенца мы нарекли.

А как неотступно и нежно,
Мой дом, где бы я ни бывал —
В песках ли, в краю зарубежном, —
Я, вспомнив тебя, тосковал!

Уж так я, наверное, соткан,
Что дружбу меняю с трудом,
Что снится мне будет в высотном
Мой старый бревенчатый дом.

1971

Забудь и будь, как прежде, милой...
Наряд свой зимний степь сменила.
В весенних травах, зелена,
Опять нас манит вдаль она.

В денек, свободный от работы,
Забудем все свои заботы,
Пусть о любви родная степь
Опять нам будет шелестеть.

В беспечной дреме, в сладкой лени
Прилягу на твои колени
Седеющею головой,
Немолодой поклонник твой.

Средь лучших из воспоминаний
Пусть этот день весенний ранний
Пребудет. Пусть и в будни степь
О нем нам будет шелестеть...

1971

В большом удивленье
Соседи Курбана:
С чего это парень
Зарезал барана?

Нп лишней скотины,
Нп лишней овчины,
Клыбтка дырявая...
Что за причина?

Баран-то последний!
И каждый гадает,
И каждого
Червь любопытства
Снедаст.

Соседи стеной
Обступают Курбана:
— Не шутка!
— Зарезать...
— Такого барана!

Со знанием дела
Гадают, судача:
— В подарок ишану баран,
Не иначе!

— Да нет, мусульмане,—
Курбан отвечает,—
Ишану
И ваших баранов хватает!

Соседи гадают:
— Зарезал барана...
Наверно, решил он
Задобрить мираба!

— Да нет, мусульмане...
О чем тут судачить!
Мирабу хватает
И ваших подачек...

— Ай-вай, догадался —
Не быть мне живому! —
Барана Курбан
Отвезет к становому...

— Ошибся, сосед,
Греховодник ты старый!
Баран этот ходит
С твоею отарой...

Взгляни,
Не видать на тропе каравана?
Жду друга я...
Вот и зарезал барана!

1971

Говорили
Старые поэты:
Ничего опасней
В мире нету
Женских глаз,
Поклонников разящих,
Взглядов их,
Уклончиво скользящих;
Хуже западни,
Страшнее яда
Сила одного
Такого взгляда.

Я поэтов старых
Уважаю,
Недоверьем их
Не обижаю.
Выскажусь, однако,
Откровенно:
Времена меняются,
Наверно!
Ты, идя навстречу,
Не свернула,
Ты глазами теплыми
Взглянула.
Нежность —
Как бесценная награда
Твоего потупленного
Взгляда.

Старые поэты
Вас корили:
— Женщина опасна! —
Говорили.
Сравнивали страсть свою
С недугом,
Брови милой
Сравнивали с луком,
С жалящими стрелами —
Ресницы:
Никуда от них
Не уклониться...

Я поэтов старых
Уважаю.
Может, было так —
Не возражаю.
Даже с луком —
Пусть оно не внове! —
Я сравню твою,
С разлетом, брови,
С золотыми стрелами —
Ресницы,
От которых трудно
Уклониться...
Но в душе моей
Одно решение:
Быть всегда п всюду
Их мишенью.

1971

* * *

Как молва утверждает,
В миновавшие дни
Не любил в аулах
Пустой болтовни.

Чтобы добрую славу
Себе заслужить,
Каждый сказанным словом
Умел дорожить.

Слышал сын от отца
В стародавние дни:
— Слова лишнего попусту
Не оброня!

Должен младший не спрашивать,
А отвечать.
Но достоинство высшее —
Это молчать.

Многословные речи
Понять мудрено,

Многих лучше — весомое
Слово одно!

Потому-то порой
Не богатство и чин,
А умение молчать
Отличало мужчин.

И, стоявший в горах
Между каменных скал,
Этим качеством славился
Некий аул.

Говорят, если слушать
Людскую молву,
Из него-то и вышли
Однажды в Хиву

С караваном своим
По безлюдным холмам
Два погонщика добрых —
Аман и Заман.

Отправлялись,
Пополнив казну у родни,
За товаром
В Хивинское ханство они.

Нарождавшийся месяц
На небе стоял...
Путь не близкий обоим
В песках предстоял.

Но приметы
И звездный язык понимал
Безошибочно
Старший годами Аман.

По сыпучим барханам,
По жухлой траве
Вот идут они молча
Неделю и две.

Вдаль шагают,
Ни слова еще не сказав...

Возникает и тает
Мираж на глазах,

Греет кольца змея
Меж обветренных скал,
Свою песню ночную
Заводит шакал...

В час ночной и полуденный,
В утренний час,
Как мужчинам положено,—
Оба молчат.

Да, по правде, и не о чем
Им говорить —
Развести ли костер
Или чай заварить,

Вьюк поправить,
Верблюда ли переседлать,
На биваке ли кратком
Кошму разостлать,

Из колодца ли воду
Достать бурдюком —
Каждый с делом своим
Без подсказки знаком!

Так в пути они
Месяц молчат и второй...
И в начале второго,
Вечерней порой,

Над пустынею —
В небо густой синевы —
Поднялись наконец
Минареты Хивы.

И, дивясь минаретам,
Дворцам и домам,
Пораженный виденьем,
Воскликнул Заман:

— Эти башни белей,
Чем нагорный снега...

О, смотрите, смотрите,
Амап-ага!

— Вижу, слава аллаху,
Еще не ослеп!
Вай! Со многими я
Перемалывал хлеб,

Соль делил не с одним,
Пил вино допьяна...
Но такого, как ты,
Не встречал болтуна!

1971

**СЫНУ —
В ДЕНЬ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ**

Сын мой! Исполнилось ровно
Тебе восемнадцать лет.
Жизнь, как большак огромный,
Зовет — на зеленый свет.

И я тебя в путь-дорогу
Благословить хочу,
Ее витки-повороты
Лишь сильному — по плечу!

Я бы сказал: седлая
Собственного коня,
Будь верен родному краю,
Не посрами меня!

Я знаю, ты славный парень,
Ты в доброй семье возрос.
Подумай-ка, в жизнь вступая:
Какой с тебя будет спрос?

В ее лабиринтах сложных,
В час сумасшедший пик,
Не спутай знаков дорожных,
Не врежся в глухой тушик!

Возникает и тает
Мираж на глазах,

Греет кольца змея
Меж обветренных скал,
Свою песню ночную
Заводит шакал...

В час ночной и полуденный,
В утренний час,
Как мужчинам положено,—
Оба молчат.

Да, по правде, и не о чем
Им говорить —
Развести ли костер
Или чай заварить,

Вьюк поправить,
Верблюда ли переседлать,
На биваке ли кратком
Кошму разостлать,

Из колодца ли воду
Достать бурдюком —
Каждый с делом своим
Без подсказки знаком!

Так в пути они
Месяц молчат и второй...
И в начале второго,
Вечерней порой,

Над пустынею —
В небо густой синевы —
Поднялись наконец
Мипареты Хивы.

И, дивясь мипаретам,
Дворцам и домам,
Пораженный виденьем,
Воскликнул Заман:

— Эти башни белей,
Чем нагорий снега...

О, смотрите, смотрите,
Аман-ага!

— Вижу, слава аллаху,
Еще не ослеп!
Вай! Со многими я
Перемалывал хлеб,

Соль делил не с одним,
Пил вино допьяна...
Но такого, как ты,
Не встречал болтуна!

1971

СЫНУ —
В ДЕНЬ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Сын мой! Исполнилось ровно
Тебе восемнадцать лет.
Жизнь, как большак огромный,
Зовет — на зеленый свет.

И я тебя в путь-дорогу
Благословить хочу,
Ее витки-повороты
Лишь сильному — по плечу!

Я бы сказал: седлая
Собственного коня,
Будь верен родному краю,
Не посрами меня!

Я знаю, ты славный парень,
Ты в доброй семье возрос.
Подумай-ка, в жизнь вступая:
Какой с тебя будет спрос?

В ее лабиринтах сложных,
В час сумасшедший пик,
Не спутай знаков дорожных,
Не врежься в глухой тупик!

Опыта наставленья
Умей, мой сын, уважать,
Верное направление
И скорость умей держать.

В жизни, как в автогонках,
Готовься брать виражи.
Равняйся на одноклассов,
Младшего — поддержи!

Свой у каждого рошчерк,
Приемы в гонках — свои.
Но честность — регулировщик,
А то и сама ГАИ.

Езжай, не рискуя слепо,
С пайком сухим про запас.
В путь возьми амулетом
Отцовский этот наказ.

1972

* * *

Плывет по морю судно,
На море благодать.
По морю плыть нетрудно,
Когда покой да гладь.

Но не всегда лазурным
Быть морю суждено.
Порой бывает бурным
И пагубным оно.

Нас ждут валы и мели,
А плыть и плыть недели;
Нам в море суждено
Кому дойти до цели,
Кому пойти на дно.

Бушуют в море воды,
А наш корабль в пути.
Мы люди-мореходы.

У моря ждать погоды?
Так может жизнь пройти.

Наперекор стихии
Корабль не тонет мой.
Нам всем валы морские
За слабость мстят бедой.

Дай бог, не будет худо,
Корабль мой ладно сбит,
Корабль мой цел покуда,
Хотя порой трещит.

Пусть беспокойно море
И передышки нет,
Чтоб со стихией спорить,
Я и рожден на свет.

1975

* * *

Как я шел на свидание с милой,
Сквозь калитку и заросли тмина,
В сад, дышавший покоем и миром,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

Как нарвал тебе роз, что алели
На ведущей к террасе аллее,
Рук, исколотых в кровь, не жалея,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

Как томилось тревогой напрасной
Сердце, чувством пылавшее страстным,
Как открылась мне дверь на террасу,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

Как ты вдруг на террасу вступила,
Как меня красотой ослепила,
Как союз наш улыбкой скрепила,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

Дуги-брови и стрелы-ресницы,
Свет очей будто отсвет зарницы;

Как румянцем нам жалпло лица,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

Как, сияя улыбкой счастливой,
Ты меня обняла торопливо,
Как в глаза заглянула пытливо,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

Как в беседке, укрытой кустами,
Губ твоих мои губы искали,
Как уста мы сливались с устами,—
Не заметил ни сторож, ни сад.

1975

* * *

На вершинах гор, Бибиджан,
Черный ветер,
Белый туман...
Ты открой мне свои объятья,
Обогрей меня, Бибиджан!

Приминая в степи траву,
На конях, моя Бибиджан,
От врагов
Нам с тобой в Хиву
Убежать пора, Бибиджан.

Попади им в руки,
Они
Нас убьют с тобой, Бибиджан.
Ускакать бы от злой родни
Нынче ночью нам, Бибиджан!

Уведу тебя на коне,
На лихом своем скакуне.
Будь спокойна,
Доверься мне,—
Не догнать им нас, Бибиджан.

1975

Ночь пришла неслышным шагом,
Землю ночь одела мраком,
Месяц встал над Копетдагом...
Спи, мой мальчик, спи, ягненок,
Голосок твой слишком звонок.
Поскорее из пеленок,
Мой козленок, вырастай!

Надо спать в ночную пору.
Подрастешь и станешь скоро
Ты надеждой и опорой
Мне на жизненном пути.
А пока тебя от зноя
И от холода укрою,
Спи, дитя мое родное,
До утра спокойно спи!

Светел сад от лунных бликов,
Чуть журчит вода арыков,
Спят чинар и повилика...
Дай и мне поспать самой!
Баю-баю, спи, ребенок,
Голосок твой слишком звонок,
Поскорее из пеленок
Вырастай, ягненок мой!

Спи! Арыки отжурчали,
Мы сыночка укачали.
Завтра солнышко лучами
Озарит родимый край.
Спи, сынок, смежив ресницы,
Пусть сыночку сладко спится
Под зеленой шелковицей,
В колыбели, баю-бай!

1975

УТРЕННЯЯ МЫСЛЬ

Мысль, что приходит в ранний час,
Мудрее всех других бывает.
Так ранним озареньем нас
Порой природа награждает.

Я персчел немало книг,
Изъездил много стран на свете
И понял: озаренья миг
Всегда был мигом на рассвете.

Мысль ранняя, твой белый свет
Светлее озарений прочих.
В тебе уже горит рассвет,
Еще мерцают звезды ночи.

И моего богатства суть
В том, что я верую: быть может,
Ты озаришь когда-нибудь
Опять мою кибитку тоже!

Я в жизни не скопил добра,
Я не стремлюсь к иному благу:
Лишь ты бы с моего пера
Порой стекала на бумагу.

1976

ПО ПОВОДУ ОКОНЧАНИЯ ПЕРЕВОДА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Цветы расцветали,
И белые падали снега.
И десять минуло
Работой наполненных лет...
И вот завершен
Переводом «Евгений Онегин»,
«Евгений Онегин»
Выходит в Туркмении в свет.

По сельским проселкам
Ходил я за Пушкиным следом,
На шумных балах петербургских

Был принят, как свой,
На санках к театру летел,
Увлекался балетом,
В раздумьях о жизни,
Бродил златоголовой Москвой.

В имении дяди,
Охвачен хандрою вселенской,
С Опегиным вместе
За книжкой французской скучал,
Влюблялся у Лариных в Ольгу
С мечтательным Ленским
И с грустной Татьяной
Сидел у окна по ночам.

Вчерашних приятелей,
В дань фатовству и злословью,
Поставил к барьеру,
Хотел и не мог развести.
И снег на рассвете
Безвинной окрасился кровью,
И юная жизнь
Отлетела из мира... Прости!

Я жил в девятнадцатом веке.
Онегина с Ленским,
Татьяну и Ольгу
Учил своему языку.
Свободно беседовал
С Пушкиным я по-туркменски,
Делил с ним раздумья,
Восторги его и тоску...

И вот этот день!
Завершенной работы громада
Смущает и радует:
Как это все удалось?
И в путь, не прощаясь,
Уходят герои романа —
Им жить своей жизнью теперь,
С переводчиком врозь.

Идите! Вас ждут не дождутся
В моих Каракумах

В кибитках кочевников бывших.
Спешите, пора!
О времени вашем,
О чувствах, поступках и думах,
Беседовать будут, сойдясь,
Чабаны у костра.

Взойдите на судно —
Вас ждут речники на канале,
И дальше, в пески,
Где еще теплоход не трубил.
Войдите в аулы,
Чтоб девушки наши узнали
В Татьяне — себя...
В этом возрасте кто не любил?

Не меркнут от времени
Гения строки живые.
Пусть труд завершен
И на отдых пора, на покой,
Я с Пушкиным снова...
И снова листы черновые
Листою осеннего сада
Шуршат под рукой.

1976

ДРУЗЬЯМ ЮНОСТИ

Друзья, с кем сблизила меня война,
Связала насмерть дружбой настоящей,
Мне ваши лица, ваши имена
Все чаще вспоминаются и чаще.

Где вы, в какой далекой стороне?
Но если живы, верю я: быть может,
Как нынче я о вас, и обо мне
Вы вспомните порою тоже.

Я сам не понимаю, что со мной:
Друзья, дарованные мне войной,
Я чаще вас зову, а это значит,
Что путь земной, который за спиной,
Длинней пути, что впереди маячит.

Я чаще вспоминаю вас сейчас,
Откликнитесь на зов мой, ради бога.
Хотя бы потому, что нынче нас
Осталось на земле не так уж много.

Что цену обретенный я утрат
Теперь мы знаем,
В этом наша сила,
Ведь каждому из нас за пятьдесят
Не так давно, но все ж перевалило,

У старости благое свойство есть:
Ей с высоты своей не так уж сложно
Переосмыслить жизнь и предпочесть
Все то, что истинно, всему, что ложно.

Пусть запоздалой мудростью грешу,
Но понял я:
Никто из нас не вечен.
Друзья мои, я жажду с вами встречи,
Пока еще я мыслю и дышу.

1977

БОГАТЫРЯМ ПУСТЫНИ

«Чабан —
Наш богатырь пустыни!» —
Так говорят
В краю родном.
...А нынче
Горы, доли стынут,
Пришли морозы
В отчий дом.

Таких ветров,
Как нар¹, безумных,
Таких рассерженных,
Давно
Мы не видали!..
Каракумы

---

¹ Нар — самец верблюда.

В халат
Оделись ледяной.

Над овцами —
Богатством нашим
Нависла
Грозная беда:
Бескормье овцам,
Голод страшен,
Еда нужна им
И вода.

О чабаны,
Лишь вам под сплу
Овец от гибели
Сберечь.
Пойдут машины
Степью стылой,
Круша зимы
Голодный меч.

Вам в жизни
Многого не надо —
Проста одежда,
Гордый взгляд.
В пустыне вам —
Не до парадов,
Самумы смелых
Не страшат.

Вас не пугают
Злые ночи,
Крик, вой шакалов
И волков.
Кто спит,
Когда живым пророчат
Бураны гибель
Средь песков?

...Уже весна
Не за горами,
О ней мечты —
Как в сладком сне,
Она несет
Тюльпанов пламя...

Ягпят считают
По весне!

Луга
Зеленым изумрудом
Весна оденет
В свой наряд —
Чабан
Окрестности разбудит
Оравой
Маленьких ягпят.

Тогда я в гости
К вам приеду,
Ночь проведем мы
У костра...
Я, ожидая ту беседу
Желаю
Счастья вам, добра!

1978

ДАЛЬНИЕ ПРИВАЛЫ

Как часто
Удивляюсь я тому,
Что годы быстро мчат
В седую тьму.
На плечи взяв
Забот тяжелый ком,
Взошел я
На шестидесятый холм.

Мне кажется,
Недавно было то —
Я из аула
Вышел на простор.
У огненных барханов
На виду
К заветной цели —
Творчеству иду.

Вновь надо мной
Прохлада ветерка,

Пригубил влагу
Я из родника
По имени большому —
Вдохновение,
И чудится мне
Боевое пенье...

Стой, память:
На Каспийском берегу:
Я будущее счастье
Берегу —
Тайком встречаю
Милую свою,
Из алых уст
Мне слышится: «Люблю!..»

...И будто вновь
Пылают этажи,
В огне
Одолеваем рубежи.
Украинка,
Склонившись надо мной,
Бинтует рану
Нежною рукой.

Не баловала
Нас судьба, о нет,
Земли родной
Сиял заветный свет.
Быть сильным, стойким
Родина учила,
Быть верным дружбе —
В этом наша сила.

Года бегут,
Не увидеть лица.
И нет им
Ни печали, ни конца.
Над новым миром
Новая заря —
Мы прожили
Достойно и не зря.

Всё испытали —
Голод и мороз,
Весну и лето —
Каждый
Честь пронес!
Жизнь — это бой
И пенье соловьев.
Я с радостью бы
Повторил ее!

1978

В ПОЕЗДЕ

Иной
На быстром самолете
Стремится путь свой
Совершить...
А мне удобней
И охотней
На скором поезде
Спешить.
Всё — позади!
Волнений столько
Уляжется в моей груди.
Вот чемодан
Уже на полке,
Свисток
Протяжно загудит.
Никто меня
Не беспокоит,
Нет заседаний
И звонков.
И можно сразу же —
За столик,
За сочинение
Стихов.
Свободный
От служебных буден,
Пиши,
Читай,
Смотри в окно.

А если стих
Дается трудно,
Пей чай —
Он лучше, чем вино.
На горизонте —
Степь и горы.
Потом в купе
Придет сосед...
За откровенным
Разговором
Мы вместе
Встретим наш рассвет.
И вот леса
Летят навстречу...
Сходить
Соседу моему.
Мы прощаемся
Под вечер,
И станет грустно
Одному.
Я гляну за окно
С волпением,
Летя
Сквозь сонные поля...
Людьми богата,
Откровеньем,
Родная
Матушка-земля!

1978

ЖАЖДА

Земли моей
Простые краски
Орнамент новый
Обрели.
Была
Судьба туркмен
Без ласки,
А жажда —
Спутницей земли.

Мы жаждали
Воды отведасть,
Прохладной,

Чистой.
Не вина —
Земля сухая
Наших дедов
Слезами их
Увлажнена.

В нужде народ
Стонал забитый,
На племена
Был раздроблен.
Печали прошлого
Забыты,
Народ мой —
Дружбою
Силен.

Мы жаждем
Творчества, науки,
Путь роста —
Жажда
Новых сил.
Мы крепко
Атом взяли в руки,
Чтоб делу мира
Он служил.

Мы жаждем дружбы,
Светлой эры,
Где мудрость
С красотой — суть.
От Каракумов
До Венеры
В грядущее
Проложим
Путь.

Эпоха дел
Полна событий,
Видна
Стремлений новых грань.

О жажда сладкая
Открытий,
Нам спутницей
Навеки
Стань!

1978

РОДИМЫЙ КРАЙ

Родимый край!
Священный смысл,
Высокие слова.
Восторженно
Несет их ввысь
Стоустая молва.

Та роза,
Что в краю родном
В красе нежна, горда,
Не станет
Высохшим кустом,
А будет цвести всегда.

Тем, кто разлуку
Перенес,
Близки слова мои —
В чужой земле
Джейрана кость
Заметить ты в пыли.

Объездил я
Немало стран,
Но, где бы ни бывал,
Я исцеленья
Старых ран
У матери искал.

Родной мой край,
Я был с тобой
И буду до конца.
Дороже горсть
Земли простой
Мне шахского дворца.

Твой сын
Не проживет и дня,
Как без лучей земля:
Ведь каждый
Без тебя — бедняк
В безжизненных полях.

О Родина,
На труд и бой
Сынов ты подняла.
Мы до конца,
Всегда с тобой —
И в песне, и в делах.

1978

МАТЕРИ НЕ СПЯТ

Меняет все
На белом свете
Годов грядущих
Четкий ряд...
Луна над миром
Спящим светит —
И только матеря
Не спят.

И днем, и вочью
Нет покоя
У колыбелл
Матерям —
Они весь мир
Накормят, вспоют
Как малое
Свое дитя.

Любовь их —
Глуби оксана,
Забота —
Широта его.

Встает опять
Рассвет багряный
В свершеньях
Века моего,
Что предков доблестных
Достоин...
Мать сына
Садит на коня,
Чтоб новым Гёроглы¹
Был воин,
Как Прометей,
Нес жар огня.

Опора слабым
И несчастным,
О мать,
Даешь ты силу нам!
Ты камень
Делаешь прекрасным
И горе
Делишь пополам.

Твоя любовь —
Недуг врачует,
Быстрее несет
По жилам кровь.
В пустыне
Жаждающий кочует —
Подарит воду и любовь.

О матери,
В долгу пред вами
Мы будем вечно!
Как назвать,
Как выразить
Любовь словами?
О Родине
Мы скажем — Мать!

1979

---

¹ В образе Гёроглы воплощен народный идеал героя.

МОИ ПОБРАТИМ

Года прошли
И скрылись в дымной мгле...
Я вновь на Украине,
В том селе,
Где в дни войны захватчиков громил,
Где обелиски встали у могил.

Я здесь опять
Припомнил боль свою,—
Здесь мой товарищ был сражен в бою...
И ночью
Вновь война приснилась мне,
И встретил я товарища во сне:

— Ну, здравствуй,
Мой геройский побратим!
Ты выглядишь, как прежде, молодым...—
Но он,
Вглядевшись в седину мою,
Сказал:
— Ты — сед.
Тебя — не узнаю.

Встревожили меня его слова,—
Неужто впрямь седая голова?
...Проснулся я.
И, свой не пряча взор,
Повел с погибшим другом разговор:

— Мой друг,
Горжусь я подвигом твоим,—
Не властна сила Времени над ним:
В народной памяти ты навсегда
Живой.
И вечно юным
Будет образ твой.

В потоке горном,
В песне соловья —
Твой голос звонкий слышу снова я,
И вижу,

Глядя на цветок в лесу,
Твоей нетленной юности красу.

Есть в юных лицах
И твои черты,—
В них повторяясь,
Стал бессмертным ты!
К тебе не прикоснутся никогда
Забвенья тлен
И старости года.

1979

ПЛАТОНУ ВОРОНЬКО

Возвращение в прошлое —
Памяти дар!
И опять
Зазвонят золотые ручки...

Как невесты,
Каштаны пришли на бульвар,
Чтоб ловить тихий вечер в ладони свои.
Мы бродили по Киеву.
Всюду — весна!
Говорили про молодость,
Дружбу,
Любовь...
И певуче
В сердцах зазвучала струна,
Словно годы былые
Вернулись к нам вновь.

Вот ты вспомнил заставу на Кушке...
Порой
Там горячие ветры металась во мгле.
Вспомнил давних тех дней
Боевой непокой,—
Ты три года служил на туркменской
Земле...
Вспыхнул юный румянец на смуглой
Щеке.
Седина —
Не помеха сиятью очей.

Будто:
В стремя — погою,
И сабля — в руке,
А за дальним барханом —
Орда басмачей!..
Зной пустыни печет,
Все живое губя.
Солнце льется с небес
Сотней огненных рек...
Но туркменская мать
Утощала тебя,
Предлагая, как сыну,
И чай,
И чурек...

Я же вспомнил иное:
И ночью,
И днем,
Через гром канонад,
В непрерывном бою.
Мы идем Украиной, спаленной огнем, —
Вызволяем любимую землю твою.
Я упал в черный снег...
Но лишь кончился бой,
Украинская мать,
Называя «сыном»,
Добрим зельем из трав
Отвела мою боль,
А потом —
Отпоила парным молоком...
...Пролетели года.
Но за нами вдогон
Полыхают зарницы боев в тишине!..

Пусть же славятся:
Дружбы — великий закон
И любовь матерей на спасенной земле,
И сердца,
Что по-братски стучат в унисон, —
Чтобы солнцу сиять,
А не тлеть в дымной мгле.
Всем народам ясна этой истины суть:
Если братья дружны —
То как скалы они.

Им тогда
Будет легок и радостен путь,
Будут полниться солнцем и счастьем
Их дни!

Так с тобой
Разговор мы о дружбе вели...
А вокруг —
Зелепела, лпкую, весна.
И смеялся Днипро.
И каштаны цвели.
И певуче пад миром звучала струна.

1979

ВОЗЛЕ РАДИОПРИЕМНИКА

Задумчивый вечер...
Такая пора
На воспоминанья и грезы богата.
Включаю приемник.
И песня с Днепра
Вплывает ко мне,
Как волна переката.

И сердце качнулось на гребне волны, —
В былое,
Сквозь память,
Плыву к Приднепровью,
С которым давно,
Еще в годы войны,
Навек породнился я пролитой кровью...
В той песне я слышу:
Поют соловьи,
Шумящие рощи ведут хороводы.
В той песне:
Просторы весенней земли
И вешнего Буга
Бурлящие воды.

В той песне:
Над шахтой — звезда в пять лучей,

Как символ победы,
Добытой в забое.
В той песне:
Металл — как огнистый ручей.
И Черное море рокошет прибоем...

От пашен твоих, Украина,
И рек —
За сто переходов мои Каракумы,
Но всюду ты рядом со мной,
Ты навек
Сердечною песней вошла в мои думы.

1979

СЕЛО В ДОЛИНЕ

Среди холмов
Село в долине...
Речушка,
Мостик,
Даль полей,—
Вы сохранились и поныне
В солдатской памяти моей.
Там,
У мостка,
В сорок четвертом,
Среди полевых горьких трав
Я — ранен...
Ни живой, ни мертвый —
Лежал,
Сознание потеряв.
И вечно б мне встречать закаты
Вблизи притихшего села,
Но чья-то мать,
Меня — солдата,
От верной гибели спасла.
...С тех пор
Как раненым упал я,
Уже прошло немало лет,
Но врезался навеки в память
День воскрешенья
Ясный след.

Мне вспоминается доныне,
Хоть я живу я вдалеке:
Холмы,
И то село в долине,
И тропка,
Что ведет к реке.

1979

УКРАИНЕ

О тебе
Прочел учитель книжку
В тот засушливый, голодный год.
И меня —
Туркменского мальчишку
Поразила ширь днепровских вод.

Издревле
Туркмены ценят воду.
Потому-то
В школе детвора
Слушала, как сказку,
Про природу
На пшеничных берегах Днепра...

Мог ли я тогда
Подумать даже,
Что в зловещем пламени войны
Сам приду
Спасать от силы вражьей
Сказку детства,
Мирный плеск волны?..

Гроном битв
Война путь отмечала,
Но ждала Победа впереди...
Украина,
Ты, как мать, встречала,
Прижимая нас к своей груди.

...Вновь я здесь, —
Мудрее став и старше,

Над Днепром
И нивой —
Даль ясна...
Украина,
Ты намного краше,
Чем была в моих ребячьих снах.

Ты меня встречаешь,
Будто сына.
Здесь для всех —
Я словно брат родной...
Сказка детства,
Ненька-Украина,
Пусть сияет солнце над тобой!

1979

ПОД ВИННИЦЕЮ

Под Винницею
Хатки сел цветут,
В венки сплетаясь...
Место знаменито:
Устроил Гитлер свою Ставку тут...
Да выбит был отсюда динамитом!

О чем мечтал здесь бесноватый кат?
Что будет цел,
Коль в глубину залезет?..
Укрыт холмом трехъярусный накат,
А бункер —
Из бетона и железа.

По договору
«Вервольфовцы»¹ ползли,
Метались хищно в подземелье тени...
Кто верил здесь —
Фельдмаршалы,
Послы, —
Что третий рейх
Спасут вот эти стены?..

---

¹ Личные охранники Гитлера из дивизии СС «Вервольф».

Сбежал Адольф —
К себе назад, в Берлин,—
Ему страшны герои наши были.

Где «Gott mit uns!»¹
В том хаосе руин?
Как «бог войны»,
Здесь наши пушки били!

Мы били
По окопам и штабам
Из дальнотойных
И прямой наводкой!
Идти на штурм
Здесь приходилось нам
В проломы,
Что пробиты самоходкой...

Сюда
Учеников приводишь ты
И стынешь с непокрытой головою:
Растет трава
И шепчутся кусты,—
Где каждый шаг
Солдаты брали с бою.

Свидетель тех сражений —
Южный Буг:
Лик солнца волны синие качают...
И зреют вишни алые вокруг.
И хатки в белых кофтах
День встречают.

Мир переполнен:
Солнцем,
Синевой!..
Но прошлое
Еще так сердцу близко.
Твои виски покрыты сединой.
И ты
Цветы
Кладешь у обелиска...

---

¹ «С нами бог!» — надпись на пряжках поясных ремней оккупантов.

Пусть солнце светит павшим
И тебе.
Пусть будет мирным
Небо Украины.
Пусть перед Правдой
Кривда на земле
В прах падает,
Как эти вот руины!

1979

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

Целую тебя,
Моя мать с Украины.
К рукам твоим ласковым льну...
Пред тобою
Склоняюсь опять
С благодарностью сына,
Упав на колени,
Как перед святою.

Что значит «покой» —
Твои руки не знали.
О, сколько добра
Руки сделали эти!
Они
Нас от гибели верной спасали,
Чтоб вновь оживали бойцы
На рассвете.

...Подобранный после жестокого боя,
Метался в бреду я,—
Страшны были муки!
Но дикую боль
И страданье любое
Снимали с меня
Твои нежные руки.

И адская пытка моя
Прекращалась,—
Спасала меня твоя добрая сила!
И в душу

Желание жить возвращалось,
Горячую кровь сердце гнало по жилам.

И раны быстрее заживали от ласки,
Когда волшебство
Твои руки творили:
Как сыну родному,
Меняли повязки,
Парным молоком меня с ложки поили...

Ты
Смерти моей одолела коварность,
И вот пред тобой я —
Живой,
Не калека.
Прими же, родная, мою благодарность
И сердце
Рожденного вновь человека.

Целую тебя,
Моя мать с Украины.
К рукам твоим ласковым льну...
Пред тобою
Склоняюсь опять
С благодарностью сына,
Упав на колени,
Как перед святою.

1979

ЛУКАШОВКА

Лукашовка, Лукашовка, —
Дорогое мне село!
Разлилось вишневым цветом
Вешних дней твоих тепло.

Помнишь ли ты, Лукашовка,
Стужу страшной той зимы,
Как поплыли над тобою
Битвы яростной думы?..

Здесь, тогда,
В одной из хаток
Умирать я не хотел...
Тикич,
Скованный морозом,
Не в закатах багровел,—
Это кровь бойцов убитых
Растопила даже льды...

Не смогли тогда фашисты
Отыскать мои следы.

Потому что мне дала ты:
И приют свой,
И бинты...
Жизнь,
Что в теле угасала,
Мне, как дар,
Вернула ты.
С уст моих
С тех пор не сходит
Имя милого села.
Из Туркмении к тебе вот
Память сердца привела.

Я к тебе
Под мирным небом —
Ехал,
Шел,
Пути искал:
Я б тебя —
Сквозь даль и годы —
Среди сотен сел узнал.

Лукашовка, Лукашовка,—
Как же изменилась ты!
Белизна садов и хаток —
Половодье красоты!

И меня
Опять встречаешь
Ты людскою добротой.
Вновь печаль души врачуешь
Ласкою и теплотой.

Хоть все так же речка Тикич
Солнечный качает диск,
В память всем солдатам павшим
Здесь воздвигнут обелиск.

И все так же
Вешним утром
В тополях грачи кричат.
А вокруг цветут улыбки
Удивительных девчат.

Лукашовка, Лукашовка, —
Дорогое мне село!
Разлилось в цветах сирени
Вешних дней твоих тепло.

Лукашовка,
Сколько буду
Жить я в ласке и тепле,
Столько лет мне помнить сердцем
То,
Что есть ты на земле!

1979

ВНОВЬ В ТОМ СЕЛЕ...

Трудно нам было пробиться вперед
Здесь
У села,
Что стоит на Подолье:
Шли,
Не гадая:
— Убьет?..
— Не убьет?..
Страшными взрывами дыбилось поле!

Трудно нам было пробиться вперед!
Трудно нам было пробиться вперед!..
Но поднималась в атаку пехота,

Хоть,
Сея смерть,
Люто бил пулемет
Из амбразуры фашистского дота!..

Все это вспомнил я нынче,
Когда
Быстрый автобус нас вез по Подолью.
Вот то село...
Но войны — нет следа.
Люди встречают нас хлебом и солью.

Трудно нам было пробиться вперед:
Хлопцы и девушки радостно льнули...
Лаской,
Цветами встречает народ
Тех,
Кто прошел сквозь осколки и пули...

На рушниках каравай поднесли,—
Пышность дала ему чудо-пшеница.
И разлилось половодьем весны,
В щедрых улыбках цветущие лица...

Как хорошо,
Когда трудно пройти
Здесь,
Среди тех,
Кто гордится тобою,
Кто не забыл, что помог обрести
Ты
Этот мир
В схватке жаркого боя!

Как хорошо,
Когда трудно пройти,
Если вокруг — все друзья
И все братья,
Если улыбки цветут на пути,
Если крепки так сегодня объятия!

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Люди,
Сюда подойдите поближе...
В этих лесах,
Где гремели бои,
В братской могиле под холмиком рыжим
Спят вечным сном
Побратимы мои.

Ливень весенний,— листва тебе рада!—
Лей посильнее!
Пусть травы встают!
Пусть и громов прогремит канонада,—
Павшим героям
Весенний салют!

Ива плакучая,
Плачь на рассвете,
Прядки седые склоняя к земле:
Матери,
Чьи здесь покоятся дети,
Вечную скорбь передали тебе...

Кленов печаль —
Глубока, неизменна.
В слезах
Березы понуро стоят.
Здесь
Украинцы, грузины, туркмены,
Русские,—
В славе бессмертия спят...

Это они,
Не нарушив присяги,
Чтобы от тьмы
Мир собой заслонить,
Пали в бою!..
И победные стяги
В камне застыли, чтоб память хранить.

На обелиске мерцая отсветом,
Вечный Огонь,
Как дыханье, возник.

Ало пылают немеркнущим цветом:
Розы,
Тюльпаны
И россыпь гвоздик...

Люди,
Поближе сюда подойдите,
Память почтите в тиши заревой...
Здесь,
Воплощенный в суровом граните,
Встал на бессменный свой пост часовой.

Ветры,
Прогнав табуны дождевые,
Снова в победные трубы
Поют!
И побратимы мои,
Как живые,
В памяти
Вновь на поверку встают...

Вы не исчезли!
И каждой частицей
В мир,
Что спасли,
Возвращаетесь вы:
Тонкой травинкой,
Стремительной птицей,
Звоном ручья
И шуршаньем листвы...

Вы
Даже Временем непобедимы!
Подвиг ваш —
В наших свершеньях земных!
Спите спокойно, мои побратимы...
Вам —
Благодарная память живых.

1979

Дни поэзии
На Украине...
Не забыть мне
Те встречи, о нет!
Сотни глаз
Вспоминаются ныне,
Хоть прошло много дней,
Много лет!

Говорят,
Что навек попадают
В плен поэзии
Наши глаза,
Если душу
Они отражают,
Как озера весной —
Небеса.

Те глаза улыбались,
Смеялись,
В них и дружба была
И любовь...
Горем горьким
Они наполнялись,
Когда стих
Про войну был и кровь
Побратимов,
Уснувших навеки
Молодыми
У красных калин...
Слез родительских
Горькие реки
Не забудет никто,
Ня одив!
Но мгновенье —
И радостным светом
Зажигались
Глаза у друзей.
И звучало в них
Солнце привета
От Днепра
И зеленых полей...

Говорят,
Что навек попадают
В плен поэзии
Наши глаза —
Силу слова
Они отражают,
В них и радость видна,
И слеза.

О глаза,
Словно солнце и песня,
И слова,
Что как правды полет —
Вы навек сплетены
Доброй вестью
Для того,
Кто о братстве поет!

1979

**ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО В АШХАБАДЕ**

Воскреснув в слове,
Оживая в камне,
Ты встал
Над улицей и суетой...
С почтением коснусь тебя руками,
Лицом к лицу
Застыну пред тобой.

Твои стихи и думы — сокровенны..
Тарас-ага,
Тебе народ мой рад:
Как к роднику,
К тебе идут туркмены,
Чтоб после встречи
Стать сильнее в сто крат.

И аксакал
В любое время года
Приходит, —
Мудрости твоей осмыслить взлет...

Твои стихи —
Источник для народа,
К ним никогда тропа не зарастет.
Ты не изгнанник здесь,
Хоть все — иное...
Ты и не гость,
Ты с нами — на века!
Арча
Ветвями оградит от зноя,
С прохладой мчат ветра издалека.
И розами
Твой пьедестал украшен, —
Арык готов им воду предложить...
Тарас-ага,
Дружны народы наши,
Семьей единой радостно нам жить!

1980

УТРО ТАЛЛИНА

Лучом пронзая
Холод облаков,
Спешит рассвет
Из краснощекой дали
Взглянуть на сказку
Из волшебных снов —
Как пробуждается
Старинный Таллин.

Несут ему
Из Балтики седой
На крыльях чайки
Радостные вести
О счастье
О рыбацком —
Вестью той
Они разбудят
Сонные предместья.

Как минареты,
К небу поднялись
Шпили балтийской
Готики холодной,

Что сквозь века
Тянулись к небу ввысь,
Моля о счастье
Долго и бесплодно.

А счастье не на небе —
На земле,
И потому спешат
К работе люди,
Их путь —
У дерзких планов
На крыле,
Их новый день —
И радостен,
И труден.

Люблю я старый Таллин
Без прикрас,
В районах строек —
Молодые лица.
Желаю счастья
В этот ранний час
Друзьям-эстонцам
В их родной столице!

1980

ДВА ВОДОПАДА

Шавкату Ниязов

Однажды
Средь памирских гор
Я увидал
Такой простор,
Такое чудо
Было рядом!
Там
С двух вершин
Два водопада,
Стремясь
В безумном реве
Вниз,
Как барсы,

Яростно слились,
Ревели,
Бились
В гордой силе —
Тесны
Им эти горы
Были!
Но вот,
Скатившись вниз,
В долину,
Они,
Как братья,
Воедино
В спокойном русле
Дальше мчались,
В Амударью
Попасть старались,
Чтоб людям
На родных просторах
Добром служить,
Работать споро!

1980

МАРИТЕ

Марйте,
Марйте,
Марйте!
Вновь имя твое
На устах.
Волнение
В вопросы отлито:
— Откуда
Твоя красота?

— Литву мою
Вы повидали,
Лесные дубравы,
Поля.
Они мне
Красу свою дали,
Родная навеки
Земля.

— Скажи мне,
Откуда разливы
Такой голубени
В глазах?

— То чистых озер
Переливы,
Весенний простор
В небесах.

— Откуда
Певучий твой голос,
Что спать не дает
До утра,
Звенит,
Как волшебное соло,
Мелодией счастья,
Добра?

— Весной
Надо мною звучали
В тиши молодой
Соловьи,
Подолгу уснуть
Не давали,
Слагая напевы
Свои.

— Марите,
Марите,
Марите!
О, как
Поразила меня
Краса твоих губ
Приоткрытых
И щек,
Что алее огня.

— Весенней порой
На полянах
Там алые маки
Цветут.
О, сколько
Соцветий багряных
Мне дарят
Свою красоту!

— Кто волосы
Дивной волною
Раскинул
По нежным плечам?
Кто их
Золотой желтизною
Окрасил
На радость очам?

— Хлеба
Наливаются, зреют,
Как волины
В просторе морском,
И волосы
Жгуче желтеют
Пшеницею
И янтarem.

1980

МОЛДАВСКИЙ ВИНОГРАД

— Что за диво,
Что за чудо —
Склоны будто
В изумрудах?
— Это славный
Зелен-сад —
Наш
Молдавский
Виноград!

— Что за гроздья
Там видны,
Золотым
Серьгам сродни?
— Каждый
Видеть его рад —
Наш
Молдавский
Виноград!

— Что за сладость
Дивных сот —

Может, это
Майский мед?
— Слаще меда
Во сто крат
Наш
Молдавский
Виноград!

— Ягоды
С каких полей
Глаз прозрачней
И светлей?
— Сок веселый,
Мир и лад —
Наш
Молдавский
Виноград!

— Что за дар,
Уйдя в полет,
Аист в клюве
Нам несет?
— Другу дарят
Стар и млад
Наш
Молдавский
Виноград!

1980

СОФИЯ

София! В зданиях стройных
Глядишься в небосклон...
От Каракумов знойных
Привез к тебе поклон.

Хоть путь от Ашхабада
Неблизкий, непростой,
Но сходству сердце радо:
Вы — словно брат с сестрой.

Прекрасна ты, Софья,
Твой облик вечно нов,
Сады твои густые
И лица молодые,
Дома — до облаков.

Здесь сердцу все знакомо:
Я у родных людей
И чувствую как дома
Себя в кругу друзей.

Чудесная Софья!
Пути твои легки.
Бегущие, крутые
Проспекты широки.

Долой из тихих комнат —
По трассе по прямой,
Пусть Витоша напомнит
Мой Копетдаг родной!

О горы-побратимы,
Вершинный чистый снег!
Вы солнышком любимы,
Оно — одно на всех.

Как памятник — те горы.
Внизу лежат поля,
Широкие просторы,
Счастливая земля.

Здесь веет стариною,
А рядом с нею — новь...
София, я с тобою,
Прими мою любовь!

Прекрасна ты, Софья!
Твой облик вечно нов,—
Сады твои густые
И лица молодые,
Дома — до облаков!..

1981

ХОРО

Слово верное поэта:
Старый ты
Иль молодой,—
Пляска огненная эта
Вовлечет тебя
В свой строй.
От болгарского
Хорó
Смех звенит,
Как серебро!

Кто, откуда ты —
Не спросят,
Пляшут —
Сердцу горячо!
Сразу в круг тебя попросят,
Сразу —
Руку на плечо!
От болгарского
Хорó
Смех звенит,
Как серебро!

Пляшут, пляшут
Вереницей,
Руки крепкие
Сплелись,
И взмывает песня птицей
Прямо в солнечную высь!
От болгарского
Хорó
Смех звенит,
Как серебро!

Места нет здесь
Для опаски,
И тоске здесь
Места нет.
Пусть бы
Огненная пляска
Захватила
Целый свет!

От болгарского
Хор^о
Смех звенит,
Как серебро!

Други, крикнем:
Прочь раздоры,
Тверже пляски
Бурный бег,
Чтобы войны,
Споры, ссоры
К вам
Не подпускать вовек!
От болгарского
Хор^о
Смех звенит,
Как серебро!

1981

СЛИВЕН

Надев наряд зеленый,
Рассветом озаренный,
Близ гор, чей сон глубок,
Лежит привольно Сливен,
Тенист, просторен, дивен, —
Отменный городок!

Там Голубые скалы —
Суровые завалы,
Там трудятся ткачи,
Все жители — таланты:
Поэты, музыканты, —
Как звездочки в ночи!

Да вот название только
Не нравится несколько,
Признаюсь в этом вам:
Он — самым славным равен,
Его назвать бы Славен
Я предложил друзьям!..

1981

У МАВЗОЛЕЯ ДИМИТРОВА

На площади
У мавзолея
В Софии праздничной
Стою.
Знамена гордые
Алеют —
Свободы праздник
Я пою!

Улыбки радости
На лицах,
Каштапы пламенем
Горят.
У Мавзолея
Септемврийцы¹
Рядами юными
Стоят.

Они пришли
В знак уваженья
К вождю народа
Своего.
Я вспомнил детство
И волненье —
Как мы боролись
За него!

Те годы детства —
Не забыты!
— Димитров
Должен быть спасен! —
О, мой аул,
Ветрам открытый, —
Боролся за него
И он.

Как за него
Переживали
В аулах, селах,
Городах!..

---

¹ Септемврийцы — болгарские пионеры.

— Рот фронт! —
Мы руки поднимали,
Сжав кулаки,
Врагам на страх.

Фашистов
На суде умело
Разил Димитров,
Словно меч.
Гестапо цепи
Разлетелись —
Он правдой
Их сумел рассечь.

И вот
В день праздника Свободы,
Когда повсюду
Счастья новь,
Димитрову
Несут народы
И уваженье,
И любовь.

Идут
Всем сердцем поклониться,
Чтоб ближе мыслью,
Делом стать.
Чтоб у него,
Как септемвристы,
Учиться жить
И побеждать!

1981

ОЛИМПИЙСКИЕ ГОРЫ

Берег объят
Белопенной каймою,
Теплой
    лазоревою дрожью.
Море Эгейское
Ласково моет
Гор Олимпийских подножье.

Лоз виноградных
Сиянье и звон.
Дружит античность с веками.
Здравствуй, далекий наш
Прастадион,
Трогаю
        древний твой камень.

Глядя на игры,
Тут Зевс восседал,
Честно
        сражались
                        атлеты.

Щедро сюда
        приносили свой дар
Зодчие,
Маги,
Поэты.

Дисков сверканье,
Мельканье стрел,—
Мускулы горбились мощно.
Знойно огонь
Олимпийский горел —
Вечно:
И денно,
И ночью!

Люди и боги
Под небом — одни.
Сердце у них
Ликовало.
В те олимпийские
Ясные дни
Распрей и войн не бывало.

Каждый — обет благородный давал.
Подлость и ложь —
Отметали.
Дружбы и радости
Дух побеждал,
Братство и мир
Побеждали.

...Долго
У гор Олимпийских стою.
Дети двадцатого века.
Радостно дышим мы
Чувством одним —
Гордостью
за Человека.

Нам бы те чувства
Хранить и растить —
Нету забот благородней.
Нам бы традиции те воплотить
В каждое наше
Сегодня.

Чтобы ладони
Касалась ладонь,
Путь прерывая потемкам,
Наших сердец
Олимпийский огонь
Передавая
потомкам.

1982

У ПАМЯТНИКА БАЙРОНУ

Байрон, славою увитый,
С грудью, широко открытой...
Солнце ль празднично лучится,
Туча ль щит подставит свету,
Он стоит среди столицы —
Гордый памятник поэту.

Не нашел в своей отчизне
Ни признанья, ни свободы.
Стал легендой он при жизни, —
Перед ней бессильны годы.
Пушкин наш не зря любил
Байроновский гнев и пыл.

Боль, тоска, тревога, ярость
Выпали ему на долю.

За чужой народ сражаясь,
Он погиб в бою за волю.
Рухнул на землю устало,
Не сыскавши идеала...

Преисполнены кручины,
Лавры скорбные поникли.
Благодарные Афины
Этот памятник воздвигли.
Памятью, как пулей, ранен,
Снимет шапку горожанин.

Солнце ль празднично лучится,
Туча ль щит поставит свету,
Он стоит среди столицы —
Гордый памятник поэту.
Славой мировой увитый,
С грудью, всем ветрам открытой.

1982

ПАРФЕНОН

Высокий холм, осенний мир без края,
Литые тени мраморных колонн...
О славном прошлом миру возвещая,
Стоитверху бессмертный Парфенон.

Вокруг — чинары с кроною густою,
С утра листвою ветер шелестит...
Сверкая днем и ночью белизною,
Храм древний словно в воздухе парит.

Днем солнце золотит его живое,
Луна ночами щедро серебрит.
Едва ли чудо встретишь ты такое —
Неповторим седого зданья вид.

Днем облаков белоголовых стая
Ему помашет, уходя в закат...
Выходят звезды, сладостно мерцаая,
И тихо «добрый вечер» говорят.

И печально
И влюбленно
Слышу я,
Как плачешь ты.
Нету в белых крыльях звона,
Нет, как в детстве, высоты.
Нет с усталым сердцем сладу,
И во взгляде грустном мгла.
Как попала ты в Элладу,
Сколько ж рек
Пересекла?

Сколько гор
Перелетела,
Сил последних не тая,
Ну, а может, ты хотела
Лишь на время,
Словно я?

Под чужого моря рокот
Не поет твоя душа?
Пролетаешь одиноко,
Невысоко,
Не спеша.

Может быть, разлука — кара,
Как меня,
Тебя гнетет,—
Теплый берег Чикишляра
Душу манит
И зовет?!

Если так,—
Летим с тобою
На Каспийский отчий зов!
Там полдневною порою
Рыбаки берут улов.

И увидишь, чайка, ныне
В шелестенье тополей
В Каракуме, там,
В пустыне! —
Много белых кораблей!

И не будешь больше грустной,
Грусть и сам я
Не люблю,
Рыбой —
В мире самой вкусной —
Там тебя я накормлю!

1982

ДОРОГА НА ЗАПАД

Стальной корабль
Несется в поднебесье,
Стремительно уходит синева.
Везем друзьям мы
Лучшие из песен,
О Родине певучие слова.

И, видно, из простого интереса,
Глядевший вниз,
Сказал сосед один:
— Вгляните:
Вон они, массивы леса —
Над Западной Германией летим.

И упираясь лбом в иллюминатор,
Я заглянул
В зеленый лес, туда.
И сразу встали
В памяти солдата
Иные дали, давние года.

По снежным косогорам,
По болотам
Ползла и шла пехота,
Полз я сам.
Мы шли на запад,
Обливаясь потом,
По ныне зеленеющим лесам.

Тогда мы шли,
Не жалуясь, не плача,
Сквозь черный ад осколочных ночей.

Была у нас
Великая задача —
Поставить на колени палачей.

Ужель забыла
Та земля лесная,
Что родиною Гитлера была?
Не может быть,
Она, конечно, знает, —
Ведь мы спасли
Людей Земли от зла.

Плывет лесов под нами полукружье.
Во всей Европе
Мир и тишина.
Но снова кто-то
Бряцает оружием.
Ужели позабылась
Та война?

...Стальной корабль
Несется в поднебесье,
Стремительно
Уходит синева.
Везем друзьям мы
Лучшие из песен —
О мире
И о Родине
Слова.

1983

УТРО АМСТЕРДАМА

В каналах весь,
В мостах высоких весь,
Старинный град
Прощается со снами.
Впервые утро
Я встречаю здесь,
Здесь,
В Западной Европе,
В Амстердаме.

У человека
Есть одна черта:
Прибыв в места,
Что вдалеке от дома,
Он сразу мчит
Осматривать места
Те, что ему из книг
Едва знакомы.

И я по узким улицам —
Пора! —
Пошел туда
Средь зыбкого тумана,
Где продаются
С самого утра
Прекрасные
Голландские тюльпаны.

Затем направил стопы
На базар,
Где сыр голландский
Подают на блюде.
Но не толпились там —
Ни мал, ни стар —
Ни у тюльпанов,
Ни у сыра люди.

Народу много,
Мало продавцов...
Какая же, скажите,
В этом правда?
Вот так, бродя,
Пришел в конце концов
К музею
Всемирного Рембрандта.

Я на порог
С волнением ступил.
Бездонный океан
Добра и света!
Меня он
Правдой жизни ослепил,
И свежестью,
И мудростью поэта.

И каждое
Светилось полотно,
Глубокой мыслью
Озарялись лица.
И кажется,
Что было им тесно
В полупустых
Просторнейших светлицах.

Я шел опять
По городу пешком,
Приветствуя
Хорошую погоду.
И увидел
Один невзрачный дом
И вокруг него
Темным-темно народу.

Что привело их
В ранний час сюда,—
Я их спросил.
И мне сказали:
— Трудно
Всю жизнь скитаться
В поисках труда,—
На этой бирже
Вечно многолюдно.

Ах, вот куда
С утра спешит народ.
Загадки нет,
А существует драма.
Вот где
Начало сущее берет
Безветренное
Утро Амстердама!

И понял я,
По улицам идя:
Здесь у людей
Различные заботы —
Кому-то
Нет укрытия от дождя,
Кому-то
Наплевать на непогоды.

Не залежится
В городе товар,—
Была б работа,
За другим не стало.
А без нее —
Музей и базар
Для Амстердама
Значит
очень мало.

1983

В ГААГЕ

Мы с ног
В Гааге сбились,—
Глядим.
И вот остановились
Пред зданием одним.

Оно желто
От пыли,
От бурь фасад рябой.
Должно быть,
Помнит были
Не те,
Что мы с тобой.

Взгляд окон
Осторожен.
Нам объяснили:
— Тут
От века расположен
Международный
Суд.

Да,
Это дом, в котором,
Сойдясь со всей земл,
Решали страны
Споры
И тяжбы
Здесь вели.

О нем
Я слышал много,
Его характер крут.
Он судит
Очень строго —
Он самый главный
Суд.

Какие были
Сцены
В глубинах долгих лет!
Гляжу
На эти стены,
Взираю, как поэт:

Пускай бы здесь
Судили
Зачинщиков войны,
Чтоб войнам
Не простили
Ни отзвука
Вины.

Чтоб матери
Не знали
Ни горя, ни потерь.
Чтоб жены не стонали
Ни завтра,
Ни теперь.

Чтоб здесь
Батрак и грузчик
Отстаивали честь,
Чтоб правда
Неимущих
Держала
Слово
Здесь.

Пускай бы
В этом зданье
Внесли на смерть
Запрет,
Рождались
Наказанья
За сговор
И навет.

Чтоб защищали
Братство
От множества невагод,
Чтоб здесь судили
Рабство,
Неравенство
И гнет.

Чтоб расщепляли
Атом
С добром
И в добрый час.
...А зданье
Вывовато
Глядит,
Глядит на нас.

1983

ОЖИДАНИЕ

Амстердам.
Аэропорт.
Вновь нелетная погода.
Двое суток —
Как два года.
До каких же это пор?
Курим в аэропорту.
Неужель нельзя пораньше?
Ожидаем
Милый «Ту»,
Что летит
Из-за Ла-Манша.

Нам
С улыбкой говорят:
— Нету в Лондоне погоды,
Не валетают
Самолеты
Скоро третий день
Подряд.

Что-то вспомнилось. Ну да.
Это было много раньше.
Фронт второй
В войну,

Тогда
Ждали мы
Из-за Ла-Манша.

Долго ждали
Этот фронт.
Воевали без подмоги.
То ль мешали им
Дороги —
Был в тумане горизонт.

Что же,
Это ожиданье
С тем —
В сравненье не идет.
«Ту»!
Родимый самолет
Извиним
за опозданье.

1983

КРАСОТА

Доброго утра
И мира желая
Людам
В синеющей мгле,
Солнце с востока
Свой путь начинает,
Луч посылая
Земле.

Тот же, кто, рано
Поднявшись с постели,
Был равнодушен
К лучам,
Тот, кто не слышал
Дыхания ели,
Говор
Лесного ручья,

Кто не умылся
Цветочной росой,
Не пошутил

С ветерком,
Тот, кто не дружит
С зеленой лозою,
Кто с соловьем
Не знаком,

Кто не заметил,
Как облако нежно
Льнуло
К вершине горы,
Словно ребенок,
Сосущий прилежно
Матери грудь
До поры,

Кто не встречает
На чистых озерах
Звонкой весной
Журавлей,
Не обращает
Вниманья на шорох,
Шепот и шелест
Полей,

Тот,— уж поверьте,
Друзья молодые,—
Чувства лишен
Красоты,
Зря пролетят
Его дни золотые
В шуме людской
Суеты.

1984

МАТЕРИ

На свете все меняется мгновенно.
Чем дальше жизнь,
Тем смена все быстрее...
Но вечно на планете неизменна
Бессонница усталых матерей.
Сравнить любовь их можно,
Без обмана,
Қолъ светлый дар воображенья дан,

Лишь только с глубиною океана
И широтою с этот океан...
Они стоят у каждой колыбели.
Их силуэт нам с детских лет знаком.
Они нас укрывают от метели
И вскармливают добрым молоком.
На пристанях
И на перронах мокнут,
Смотря нам долго вслед из-под руки...
Любовь их
Озаряет светом окна
И зажигает в доме очага...
Взрослеем мы.
От милого порога
Уходим мир огромный постигать.
Скорбь узника,
Безумие пророка
Всегда понять
Способна
Только мать...
И в светлый день,
А чаще — в самый черный
Приходит мать седая,
Как луна.
Опору слабым,
Веру обреченным,
Любовь несчастным —
Даст всегда она.
Мать не способна верить кривотолкам.
Она глядит в глаза твои светло.
Всей долгой жизнью
Не оплатишь долга
За жизнь
И свет,
За веру
И тепло...
Поделимся с ней радостью и болью.
К ее ногам по-детски припадем...
Ведь неспроста,
С сыновнею любовью
И Родину
Мы Матерью зовем!

СОЛНЦЕ

О солнце,
Что живому всюду светит,
Бесценное богатство
В выси милой!
Нет дива
Грандиознее на свете,
Чем луч твой жаркий
Чудотворной силы.

О солнце,
Без тебя нет хлопка, сада,
Морей глубоких
И речной долины.
Нет полудня
И нет ночной прохлады,
Нет новостроек
И дворцов старинных.

Твои лучи,
Земле дав кровь и вены,
Создали мудро
Свой порядок в мире.
От них взлетает
Ввысь морская пена
И тает гордый снег
Средь белой шири.

И радости,
И чувств больших сторица
Заплетены
В твои златые кудри.
Обласканы
Кудрями теми лица
Всех земляков моих —
Простых и мудрых.

И солнечным
Зовут недаром краем
Туркменистан —
Республику родную.
И славятся
Отменным урожаем
Поля, что дарят
Дыню золотую.

О солнце, властвуй
Над простором светлым.
Неси тепло
Земле от рода к роду,
Чтоб под лучом твоим
Страна Советов
Дарила счастье
Своему народу.

Сияй вовеки
Над земной картиной,
Славь труд народа —
Радостный, ударный,
Чтоб черный дым
Войны неукротимой
Нам не затмил
Твой облик лучезарный.

1984

ПРАВДА

Я славлю
Красный ветер
И зарю,
Людей,
Что дали знамя
Октябрю.
И тот, кто ногу
Возлагает в стремя,
Отсчитывает:
— Время!..
Время!..
Время!.. —
И поступь
Времени
Упорна и тверда.
С ним чудо
Человеческое:
Правда.
Она в труде,
Она всегда
В пути.
А ложь шустрит,
Чтоб Правду
Обойти.

Ничто пред ней —
Ни атомные
Бомбы,
Ракеты,
Яды
И фашисты-зомби¹.
Ложь —
Мышь летучая
При ярком
Свете дня,
Она
Бойтся
Правды,
Как огня.
Я твердо
Знаю:
Правда —
Не убудет.
Она придет
Ко всем
На свете
Людам.
Придет
Как солнце,
Красная заря,
Как знамя
Боевое
Октября.
И тот, кто ногу
Возлагает в стремя,
Отсчитывает:
— Время!..
Время!..
Время!..
И поступь
Времени
Упорна и тверда,
С ним чудо
Человеческое:
Правда.

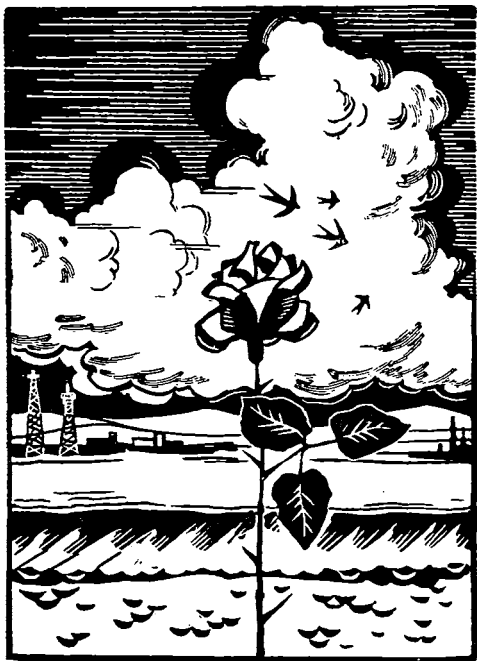
1984

---

¹ Зомби — мертвец, покорно выполняющий приказы злых сил.

ПОЭМЫ

МОЙ АУЛ

1. В пути

Попавшая в огромную пустыню,
Как скорлупа ореха в океан,
Машина наша на рассвете синем
Ползет, кряхтя, с бархана на бархан.

Курлыча,
                    журавли под облаками
Летят на юг.
                    Осенняя пора,
Но здесь еще над желтыми песками
Стоит неумолимая жара.

Я путь держу туда,
                    где, сердцу близкий,
Между пустыней
                    рыжей, как пожар,
И поседелой бездною каспийской
Лежит аул родной мой —
                    Чикишляр.

Там в колыбели мать меня качала
По вечерам при тусклом оговьке.
Там навсегда у старого причала
Осталось детство с удочкой в руке,

Которое сейчас передо мною
Вставало за песчаною грядой,

Шумливое,
босое, озорное,
В туркменской тюбетейке золотой.

2. Детство

Гремит буран.
Все небо в тучах серых.
Песок взлетает вихрями кругом.
И волны,
как испуганные черы,
Ревут на черном пастбище большом.
Ударил гром,
как залп артиллерийский.
И молнии светящейся клинок
Прорезал тьму над берегом каспийским,
Смешались ливень, ветер и песок.

Кибитка наша с бурей в поединке
Дрожала и рвалась в ночную тьму.
И с войлока промокшего
дождейки
Срывались на широкую кошму.

Кошмою мать покрыла одеяло,
Чтобы ее трехмесячный сынок,
Которого к груди она прижала,
В полуночную бурю не промок.

Раскаты шторма слышатся глухие,
Овеян мрак дыханьем ледяным.
И две лепешки,
пресные,

сухие,
При шквалах бури бьются о тарим¹.

Мать верит,
что должны лепешки эти,
Болтаясь на шнурке в спальную ночь,
Согласно древней дедовской примете,
Хозяину ушедшему помочь.

---

¹ Т я р и м — деревянный осто́в кибитки.

Пишу:

«Ата»,

«эне», — пишу, —

«Ватан»¹.

Ветрам-бродягам,

каменистый, голый,

Дорогу в степи берег распахнул.

Синеет даль.

Парят стрижи над школой,

И прямо к морю тянется аул.

Лежат на партах перед нами книжки.

По этим книжкам

вот уже с зимы —

Аульские девчонки и мальчишки —

Грамматку усваиваем мы.

Потом, когда кончаются занятия,

Несемся к морю шумною гурьбой.

И Каспий, принимая нас в объятья,

Веселый гомон слышит над собой.

* * *

Нас кормят море,

но напиться

Не сможешь в нем.

Ведь даже в зной

Ни человек, ни зверь, ни птица

Не могут пить воды морской.

Встает аул мой на рассвете.

Что невелик он — ничего.

Он ловит рыбу, чинит сети,

Да мало ль дела у него.

Вокруг аула нет ни речек,

Ни говорливых ручейков,

Бредут белей гуртов овечьих

Над ним отары облаков.

То самолет двукрылой тенью

Скользнет по выжженной траве,

---

¹ Ата, эне, ватан — отец, мать, Родина

То беркут черным опереньем
Сверкнет в бездонной синеве.

То чайка облака коснется,
И с белоснежного крыла
Морская капелька сорвется
И над землей сгорит дотла.

Здесь дождь бывает редким гостем.
Но если хлынет он —
тотчас

Его в тазы,
бочонки,
в горсти
Хозяйки ловят всякий раз.

Вода нам трудно достается,
И, чтоб добыть ее,
должны
Мы в землях наших рыть колодцы
По сорок метров глубины.

И верить можете туркмену,
Что в жизни, как никто иной,
Он знает истинную цену
Бесценной влаге питьевой.

И потому у нас, наверно,
До дна, по знаку тамады,
Всегда мужчины тост свой первый
Пьют за искателей воды.

Мне этот день забыть едва ли:
Промчался слух меж земляков,
Что вырыт в трех верстах — не дале —
Колодец в стороне песков.

В аул быстрее иноходца
Донес он имена пяти
Друзей—
строителей колодца
У караванного пути.

И я, узнав про подвиг славный,
Услышал теплые слова:

«Сергей Иванович там главный,
Всему он делу — голова.

Кочует под горячим ветром
В песках уже не первый год.
И у палатки белой
  щедро
Сегодня воду раздает».

Недолго собирались люди.
И все, кому нужна вода,
Кто на коне, кто на верблюде,
Кто пешком — двинулись туда.

Мать, снарядив меня в дорогу,
Мне два бочонка подала.
Когда же сел я у порога
На вислоухого осла,

Отец мой вынес свежей рыбы:
— Держи-ка,
  в дар преподнесешь,
Да скажешь за воду «спасибо»,
Да в гости к нам их позовешь!

* * *

Лучам полуденным подвластный,
Струился воздух над песком.
Я ехал в тюбетейке красной,
В штанах холщовых, босиком.

Был ворот выпцветшей рубахи
Распахнут так же, как у всех.
Под камни лезли черепахи,
Заслышав на дороге смех.

И так,
  текущие без цели,
Барханы были горячи,
Как будто джиппы¹, в самом деле,
Их в жаркой создали печи.

---

¹ Джиппы — злые духи.

Ни дна тебе и ни покрывки,
Пустыня — логово песков,
Лупили пятками мальчишки
Своих ленивых ишаков.

Я тоже крикнул для порядка:
— А ну, лентяй, быстрее иди! —
И вскоре белую палатку
С холма увидел впереди.

3. Сергей Иванович

Ясноглазый, загорелый,
С флягой на ремне,
Человек в панаме белой
Подошел ко мне.

Теплый взгляд,
  лицо живое.
И на мой поклон
Поздоровался со мною
По-туркменски он.

А потом по-русски начал
Спрашивать о том,
Кто в семье у нас рыбачит,
Ходит за скотом.

Как учился в семилетке
Нынешней зимой
И какие я отметки
Приносил домой.

Ясноглазый, загорелый,
Он сказал, как друг:
«Подрастай! Немало дела
Ждет тебя вокруг.

Не песок, что зол и топок,
Дорог для детей.
Нужен людям белый хлопок,
Что зимы белей.

Не дадим песку мы ходу.
Знай: через года
Мы с тобой живую воду
Приведем сюда.

Пригласим сады-подростки
Жить в твоём краю...»
И погладил по-отцовски
Голову мою.

«Всей страной разбогатеем,
Так-то, мальчуган.
А зовут меня Сергеем,
По отцу — Иван».

Я его, волнуясь, помню,
Пригласил в аул.
А потом подарок скромный
Молча протянул.

* * *

Зарю дарует ясный час рассвета,
А друг приносит счастье на порог.
Не раз Сергей Иванович в то лето
К нам в гости заходил на огонек.

Он на меня,
                    бывало, глянет с лаской,
Закурит трубку,
                    сядет у огня.
И поведет рассказ,
                    как будто сказку,
Про жизнь и облик завтрашнего дня.

Слова умело подбирал геолог,
Расположившись, словно на привал,
И предо мной
                    кибитки темный полог
В небытие на время исчезал.

То видел я,
                    охваченный волненьем,
В канале отраженную звезду,

То чудилось, что варит мать варенье
Из красных яблок в собственном саду.

То слышалось,
как нефтеналивные
Гудят суда над вспененной волной.
Любил Сергей Иванович такие
Картины рисовать передо мной.

Он разыскал железо у предгорий
И нефть нашел отсюда за версту.
С моим отцом ходил за рыбой в море
И бил, охотясь, уток на лету.

В просторы края моего влюбленный,
На старой карте видел он одно:
Как заплывает краскою зеленой
Пустыни дикой желтое пятно.

* * *

Я не считал исписанных тетрадей
И книг, прочтенных мною на веку.
Мне довелось учиться в Ашхабаде
И в знаменитом городе Баку.

Спешил ли в институт я на рассвете,
В еще не пожелтевшем сентябре,
Смотрел ли, как забрасывают сети
С баркасов рыбаки в Амударью;

На транспортном летел ли самолете,
Пробившись сквозь густые облака,
Поглядывая весело в полете
На рыжую пустыню свысока;

В воскресный день купался ли с друзьями
В источниках зеленой Фирюзы,
Бродил ли я нагорными лесами
Под небом, что синее бирюзы,—

Всегда Сергей Иванович был рядом —
Он неизменно вспоминался мне.

Но от его улыбчатого взора
Шел тот же теплый, мне знакомый свет.
Казалось, не утратила задора
В нем молодость за два десятка лет.

Былое, как прочитанную повесть,
Мы тихо вспоминали с ним вдвоем.
— Я помню, как мы вырыли колодец,
А ты приехал на осле верхом.

— А помните ли вы, как вечерами,
Присев на край разостланной кошмы,
Пред очагом, в котором билось пламя,
Заглядывали в будущее мы.

И знаете, вы словно рисовали
В ту пору облик нынешнего дня.
— Могу я быть художником едва ли,
Но есть, не скрою, слабость у меня:

Люблю я путешествовать на крыльях
Высокой человеческой мечты,
Чтоб завтра, друг мой,
                        повстречаться с былью,
Вчерашней сказки видя в ней черты.

Вот жду машину,
                                с нею в час рассвета
Я по заданию двинулся на Атрек...—
И я подумал: «Как мне близок этот
Седой, неутомимый человек».

Над нами вились ласточки-подруги,
 Качнул цветок присевшую пчелу.
 Хозяйка предложила вымыть руки
 И пригласила ласково к столу.

Мой Чикишляр — гнездо родное,
 Меня ты гостем не зови,
 Ведь всякий час ты был со мною.
 В моих мечтах, в моей любви.

С утра,
                                какая бы погода
Ни волновала моря грудь,
Дымятся трубы рыбзавода
И в небе дым, как Млечный Путь.

Вот школы дом светлооконный,
И молодые деревца
До декабря листвою зеленой
Шумят у школьного крыльца.

И любят шустрые мальчишки
Под ними посидеть в тени.
Вдали под вечер нефтьвышки
Зажгут сигнальные огни.

Готов я с морем по соседству
Бродить в раздумье день-деньской.
Нет от недуга лучше средства,
Чем ветер ласковый морской.

Покрыто море сединою,
А купол неба голубой...
Мой Чикяшляр —
                                гнездо родное,
Мы оба выросли с тобой.

1954

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

«Нет повести печальнее на свете, —
Кто этих строк не хочет перечесть, —
Чем повесть о Ромео и Джульетте...»
И все-таки печальней повесть есть:

У всех свои разлады и любви
И собственная боль и торжество.
И кажется влюбленному любому —
Нет повести печальней, чем его.

И я когда-то полюбил впервые.
Разлука.
Фронт.

Дороги колея.
И убежден я, как и все другие:
Нет повести печальней, чем моя.

1

И отрочеством обернулось детство.
А отрочество — юностью...
И вот
Мне никуда не спрятаться, не деться
От грусти, что явилась в свой черед.
Как это началось,
Как это было?..
Осилит память времени броню?
Признайся, Огулджан, ты не забыла?
Я не забыл. Я этот миг храню.

Я помню сам
И почему-то верю,
Что и в тебе не угасает свет
Той первой встречи возле школьной двери
И той последней — через много лет.

Тебе я первой уступил дорогу,
Ногою створку придержал дверей,
А ты смутилась и сказала строго:
— Зачем стоишь, сам проходи скорей!

Еще и ныне сердцем не забыта
Та «грубость»,
Та неловкость чистоты —
Смешная полудетская обида,
Когда в дверях остановилась ты.

Ты совершенно новая, иная,
Наивна, безыскусна и светла,
В мой мир простой,
Сама того не зная,
Сама того не ведая, вошла.

Так с той поры нуждались мы друг в друге —
Едва простимся,
Снова сердце ждет;

День тянется неделею в разлуке,
Ну а неделя тягостней, чем год.

Я ошастливлен иль попал в немилость?
Как разобратья мне в себе самом?
В тот миг и наша школа изменилась:
Ты помнишь, я — в десятом, ты — в восьмом.

Однажды в школе допоздна остался,
С ребятами склонялся к чертежам,
И, помнишь, по ошибке расписался
В альбоме для черчения:
«Огулджан».

Я ожидал, когда наступит вечер,
Томился я и днем и поутру.
Но все записки с просьбами о встрече
Клочками разлетались на ветру.

В той неумелой бескорыстной силе
Любовь, пожалуй, отражалась вся.
Мы взглядами с тобою говорили,
Еще ни слова не произнеся.

Теперь нам недоступно то смущенье,
Неловкость грубоватости смешной,
И каждый раз при встрече —
Ощущенье,
Что перестал вертеться шар земной.

Стихало все:
Ни шороха, ни гула,
Рыбачья сеть дремала на шесте,
И только у пустынного аула
Бессонный тар¹ негромко шелестел.

Да около песчаного изгиба,
В тиши,
Почти не размыкая уст,
Тебе про Шасенем и про Гариба
Рассказывал я что-то наизусть.

¹ Тар — струнный музыкальный инструмент.

И от себя присочинял, бывало, —
Влюбленные за это не бранят.
И за полночь, простившись у дувала,
Бегом я возвращался в интернат.

Забыл упомянуть я правды ради:
Подростки без отцов и матерей,
Мы жили в нашем школьном интернате
Не хуже, чем иной в семье своей.

Как говорится, жили — не тужили.
Нередко, чуть окончатся урок,
Сюда на репетицию спешили
Девчата в интернатский драмкружок.

День проучились —
Силы не псыякли, —
И в полночь репетиция идет.
Мы о Тахире и Зохре спектаклем
Закончили тогда учебный год.

Ребята дружно хлопали актерам.
А нам найдется ль лучшая игра,
Чем та — в спектакле памятном,
В котором
Я был Тахир, а ты была Зохра!

Театра зал под интернатской кровлей
Был подготовлен силами ребят,
И даже для Тахира изготовлен
Сундук старинный, чтобы плыть в Багдад.

Когда закрылся занавес
И с шумом
Помчались все,
Я подождал Зохру...
Ты — помнишь — сверток со своим костюмом
Передала мне:
— Завтра заберу!

И любопытства не сумел сдержать я:
Не в силах дожидаться до утра,
Расшитое разглядывал я платье,
В котором час назад жила Зохра.

Среди традиционного узора,
Что впору вдохновению плести,
Я разобрал два слова...
Больше взора
Не мог я от рисунка отвести.

Увидел не шитье я золотое,
Не древние увидел письма,
А — вышитые детскою рукою,
Простою ниткой —
Наши имена.

В традиционной вышивке,
В узоре,
Орнаментальной линией под ним,
Я прочитал, знакомые до боли,
Два имени,
Вдруг ставшие одним.

Известно целомудрие туркменки
(Иль как угодно это назови),
Она умрет,
Под пулю станет к стенке,
Но первой не признается в любви.

О худенькое, робкое создание!
Какой же ты преодолела страх
Для этого отважного признанья
У школы, у аула на глазах.

Иль это показалось, примечталось
Мальчишке, что без памяти влюблен,
Иль это подсказала мне усталость,
Такой желанный, долгожданный сон?..

Но осчастливлен надписью такою,
Что, может, и не прочитал аул,
Я до утра —
На вышивке щекою —
Счастливым богатырским сном уснул.

Год миновал...
 Восточной брошью — осень,
 А листья — вроде золотых монет.
 Дни коротки, тягучи ночи очень,
 И далеко от сумерек рассвет.

Прекрасен Ашхабад в таком наряде,
 Я перестал считаться гостем тут,
 Мой дом родной отныне в Ашхабаде:
 И общежитие и институт.

В разлуке не грустить мы научились:
 Хоть ты осталась в дальней стороне,
 Мы словно ни на миг не разлучились,
 И постоянно ты со мной, во мне.

В предгорья Копетдага я, к примеру,
 Поеду — и тебя в душе везу,
 С тобой иду по Ленинскому скверу
 И в воскресенье еду в Фирюзу.

Всегда ты рядом —
 Как тут разобраться? —
 Не фото, не письмо, а ты сама!
 Не днями стало время измеряться,
 А сроком от письма и до письма.

И не листки в карманчике нагрудном,
 А преданность и верность я ношу.
 Училась ты в десятом классе трудном,
 Переступая важную межу.

* * *

Стал слишком поздно различать теперь я:
 Гнев с ревностью — любовью не зови,
 Лишь самое высокое доверье
 Достойно зваться спутником любви.

Моя ж любовь проверить все хотела,
 И сразу же улики все в руке;

По общежитью мечется Отелло,
А Яго торжествует вдалеке.

Ложь с клеветою —
Ревности подружки.
Пришел я с лекций в середине дня,
И, как обычно, на моей подушке
Копверт голубоватый ждал меня.

Но почему кольнуло подозренье?
Все как обычно:
Адреса строка,
Почтовый штемпель,
Номер отделения,
Однако это — не твоя рука.

О чем оно?
Зачем же безымянно?
Зачем мне пишет кто-то из друзей
Без адреса обратного,
И — странно —
Стыдится он фамилии своей.

Но вот раскрыта первая страница:
«Мы очень уважаем горожан,
Но Огулджан в разлуке не томится,
Давно тебя забыла Огулджан.

Она теперь свободна, словно птица,
И крылья распрямила Огулджан.
Без жениха неплохо веселится,—
Должно быть, не любила Огулджан.
Подумаешь ее призвать к ответу,
Она захочет замести следы,
Фальшь выдавать за чистую монету,—
Не доверяй,
Не поддавайся ты.
В ауле нашем мести места нету,
Но знай, что «заместитель» твой — Берды».

Я снова перечитывал и снова:
Кто Огулджан оклеветать посмел?
Я слово перечитывал за словом,
Искал я оправдания в письме.

А я-то ничего не видел,
Я-то
Ей сочинял послания свои.
Расплата!
В анонимке столько яда,
Что не извлечь ни из одной змеи.

— Дождешься ли? —
В последнее мгновенье
Полушутя спросил я, грусть гоня.
Заплакала она:
— Твое сомненье
И твой вопрос обидели меня.

Обидели?..
Обрублено все разом.
Ответное письмо, окаменев,
Непросто написать —
Мутится разум,
На языке два слова:
«Мечь» и «гнев».

Переменив «отмщенье» на «прощенье»,
Клеветника бы гневом наказал,
Но я писал письмо без обращения,
Лишь на конверте имя указал:
«Пришло известье,
Что с Берды вы вместе.
Свободна ты с сегодняшнего дня —
Свободна ты от совести и чести,
Но только не свободна ты от мести,
От гнева не свободна,
От огня,
Неверную сжигающего, если
Она живет, обета не цenia.
Свободу не могу я дать невесте
От ненависти,
Что зовет меня.
Предпочитал бы я подобной вести —
В могилу лечь, доверие храня».

Я не искал себе успокоенья,
Писал я под диктовку гнева, зла,
Искал я утоленья, утоленья
Той жажды мести, что во мне росла.

Я до утра по улицам шатался,
Пока не стерло солнце с улиц тьму.
И с утренними толпами смешался —
Довольно оставаться одному!
Не Чайльд Гарольд я,

Хоть прекрасен Байрон,
Я даже не Печорин, черт возьми!
Побудь, студент,
Побудь, туркменский парень,
Среди людей, на людях и с людьми.

Ты к институту запагай, пружиня,
Как ежедневно молодой народ.
Студенческая верная дружина
Тебя в свои объятия заберет
И, как часов надежная пружина,
Проверит ход
И поведет вперед.

За солнцем мчится улица куда-то:
На лекции, на смены, на посты...
Скуластые туркменские ребята,
Счастливые ровесники!
А ты?

Побудь, студент,
Простой туркменский парень,
В товариществе набираясь сил.
...Вдруг зазвенели листья на чинаре —
То ветер издадека доносил:

«Война! Война!
Сегодня на рассвете
Фашистскими армадами убийц
С жестокостью, невиданной на свете,
Покой нарушен западных границ.
Исподтишка, внезапнейшим ударом
Обрушили дивизии свои,
Бомбили Киев,
Львов объят пожаром,
У Бреста продолжаются бои...»
Сравнится ли коварство это с жалом
Неслышно подползающей змеи?!

Я, как чинар, подрубленный под корень
Умелым дровосеком с двух сторон,
Едва стоял...
Но рядом с общим горем
Мое —
Как рядом с криком тихий стон.
Мое померкло с общим горем рядом.
«Мать-Родина зовет!» —
Везде плакат,
Кто другом был,
Стал в этот полдень братом.
Пункт призывной. Райком. Военкомат.
— Коли штыком!
— В атаку!
— Бей прикладом! —
Звук незнакомых для меня команд.

Назавтра я в солдатской гимнастерке.
К моей беде
Всеобщая беда
Прибавилась.
Часы прощанья горьки.
Уносят добровольцев поезда.
Вкушают новобранцы дым махорки,
Подшучивают,
Думали тогда,
Что едем воевать на месяц только,
Не то что на года
Иль навсегда...

3

Состав, стуча на стыках постоянно,
Одну и ту же ноту повторял.
Туркмения,
Просторы Казахстана,
А дальше — Зауралье и Урал.

О, сколько полустанков пролетело,
Промчалось паровозов, голоса.
Пейзажи изменялись то и дело:
То степи, то леса —
Россия вся.

Потом в тиши и в скрежете металла
Подстерегала смерть повсюду нас.
И думалось:
Любовь отбушевала,
Счастливый пламень юности погас.

Тяжелые, обугленные даты
В истории сжижались внесены.
Но кровью истекавшие солдаты
Людьми остались и в котле войны.

Войною наши души не согнуло,
Хотя, как в песне, был «подсчет» таков:
Пять тысяч километров до аула,
До смерти меньше четырех шагов.

Мы в час затишья пришивали лычки,
Не попадая ниткою в иглу,
И я сказал солдатам по привычке,
Что и меня невеста ждет в тылу.

Опять в многоголосье человечьем
Твой голос заглушил все голоса.
У женщин, выходивших мне навстречу,
Я видел вдруг совсем твои глаза.

И за полночь в сугробе перед боем,
Когда любая ветка смерть тайт,
Мне показалось, будто нам обоим
Идти сейчас под пули предстоит.

И руки ощутил я на шинели —
Родные, полудетские, из сна...
Любовью первой все переболели.
Меня ж не излечила и война.

Я в эпоре, продолжавшемся с тобою,
То обвинял,
То суд свой выносил.
В одном письме перед тяжелым боем
Прощения за ревность попросил.

Я с той минуты начал ждать ответа.
А, как известно, на передовой

Дождаться и дожить...—
Труднее это,
Чем пасть с пробитой пулей головой.
Писал в аул я, сам не зная, где ты,
Еще полвека было до победы,
Менялся номер почты полевой.
Не ведал я, что затерялся где-то
Среди фронтов ответ короткий твой.

А может, я в тот самый день, к несчастью,
Был ранен...
На записочку твою
Ответил писарь:
«Выбыл, мол, из части,
По случаю ранения в бою».

Меня переправляли по России,
Из госпиталя в госпиталь,
Пока
Окреп и возвратился в боевые
Порядки незнакомого полка.

Но привыкают на войне к потерям,
К смертям друзей, убитых наповал.
Я в твой ответ уже все меньше верил,
Тебя саму все больше забывал.

Мне стало все равно:
Пусть промолчала.
Давно забыты ревность, гнев и страсть.
Вернулся в строй, все началось сначала.
Война волной каспийскою качала:
Из части в часть
И вновь из части в часть.

Казалось, что печали я не ведал.
Читал немецких улиц имена.
Как для всего народа,
Днем Победы
И для меня окончилась война.

Мы жили так легко и озаренно
В те кровью завоеванные дни.
И вот у ашхабадского перрона
Счастливых глаз радушные огни.

Мы в них читаем преданность и веру,
Что помогли нам одолеть беду.
И вот уже по Ленинскому скверу,
Как до войны, с друзьями я иду.

Растения здесь солнечны и буйны,
Российским снегом — тополей пушок.
Туркменской песни зазвенели бубны,
Я к ней, как по локатору, пошел.

А в этой песне о заветном пелось,
И воспевалась в ней джигитов смелость;
Мне подпевать невольно захотелось.
Звала она:
«Приветствие весне».

Еще в ней пелось о туркменских розах,
О девушках туркменских чернокосых
И о недавно отгремевших грозах.
Прошла война —
Приветствие весне!

О ветре пелось с запахом цветочным,
Гостеприимстве истинно восточном,
О дружбе, о добре и мире прочном.
Пой, тишина,
Приветствие весне.

Еще в ней пелось о каком-то тое,
О Дне Победы, что ли,
Свадьбе, что ли,
Но главное, — что может на просторе
Пропеть струна
Приветствие весне.

Еще в ней пелось о простом солдате,
Что воевал четыре года ради

Весенней этой песни в Ашхабаде.
И тут я понял:
Песня — обо мне.

Хотя солдатом я прослыл бывалым,
Как фронтовик теряться не привык,
Но увидал скамью перед дувалом —
Признаюсь — одеревенел язык.

Одной рукой облокотясь о спинку
Скамьи садовой,
Туфельки поджав
И смуглую головку запрокинув,
Прислушивалась к песне Огулджан.

Я, осмотреться не успев, мгновенно
Услышал фразы околчавье лишь,
Обидно, чересчур обыкновенно:
— Присаживайся,
Отчего стоишь?

Стряхнула тополиные пушинки.
Пусть перед ней я трижды виноват,
Но почему, отбросив край косынки,
Так равнодушно опустила взгляд?!

Спокойствия ее не мог понять я,
Иль это просто-напросто игра?
Она была в национальном платье,
В таком, как много лет назад — Зохра.

Я посмотрел, совсем не для укора:
Орнамент тот же был и у Зохры,
Но я не разобрал среди узора
Тех двух имен —
Отрады той поры.

Ах, Огулджан,
Внимала ты в испуге
Словам, где был мне одному упрек,
Которые вынашивал в разлуке,
Которые для встречи приберег.

Ведь я с войны,
Чтоб успокоить душу,

Заехал по дороге в наш аул.
Там о тебе расспрашивал и слушал,
По-новому на старое взглянул.

Заглядывал в твой дом я и в соседний,
Был гостем приглашен во все дома.
Узнал я, как тебя чернили сплетней,
Узнал и про историю письма.

Тебя хотел запачкать сплетней злою
Ёллы...

Но тут виновен не Ёллы,
А я, пошедший следом за хулою,
А я, что шел на поводу хулы.

Еще узнал:
Ты близких потеряла,
Жила одна, все отдала войне,
Но не сдалась и в институт попала,
Хранила долго память обо мне.

А институт оканчивая, там уж,
Я слышал, познакомилась с другим.
Решив, что не вернусь я,
Вышла замуж,
Назвала сына именем моим.

Мне Огулджан ответила не сразу.
Сидела молча, опустив глаза,
Скрывая боль, невидимую глазу;
За словом слово
И за фразой фраза —
Былого отзвук в сердце поднялся:
— Нет, одного тебя винить нельзя!

И я должна была не обижаться
На вспыльчивые, гневные слова,
Добиться, разыскать тебя, дождаться,
Ведь я-то знала, что во всем права.
За много тысяч верст по разным векам
Так далеко мы друг от друга шли,
Чтоб увенчались все-таки успехом
Старания плешивого Ёллы.
Однажды пригрозил он в разговоре:
«Коль за меня ты замуж не пойдешь,

То проклянет тебя любимый вскоре...»
Я хохотала:
«Чепуха и ложь!»
Его я обругала в раз последний,
Меня угрозы не пугали те,
Тогда он и прибегнул к подлой сплетне,
К своей достигшей цели клевете.
Война прошла.
Мы, слава богу, живы.
Судьбу, как говорится, не гнечи.
Наверно, оба мы не заслужили —
Мы были не по росту той любви.
Теперь, пойми, нам никуда не деться,
Уж такова, как говорится, жизнь...

А мне хотелось крикнуть:
— Наше детство,
Не верь рассудку,
Хоть на миг вернись!

И мне казалось, может, от бессилья,
Острее накатившаяся боль
И во сто крат
Печальней и красивей
Та первая, последняя любовь.

Я худенькую в пальцах сжал ручонку.
Не женщину в тот вечер провожал,
А чудо —
Восьмиклассницу, девчонку,
Хозяйку Каракумов — Огулджан.

Пусть время для меня необратимо,
Скажу я всем мальчишкам на земле:
— Придет любовь —
Не проходите мимо,
Погрязнуть не давайте ей во зле!

У школьной двери топчется, робея,
Она — хрупка,
Но верною сильна.
Не окажитесь вы ее слабее,
Не будьте ниже ростом, чем она.

В огне войны она для нас померкла,
Дороги наши были не просты.
Ведь первая любовь
Есть первая проверка
Доверия, отваги, чистоты.

В года недоеданий,
В лязге стали,
В безбрежном море пламени и тьмы
Мы с Огулджан пред нею спасовали,
Экзамен свой не выдержали мы.

Войною испытало нашу веру,
Разлукою проверило в бою.
Не следуйте вы нашему примеру,
Храните нежность первую свою.
А мы идем по Ленинскому скверу,
Вернее, я уже один стою.

Вот Огулджан свернула за ограду,
Растаяла в вечерней тишине.
За позднее раскаянье в награду
Лишь сладкая печаль осталась мне
Да ясность, что пришла в минуты эти,
Надежда, что явилась в эту ночь —
Что я смогу кому-нибудь на свете
Печальной этой повестью помочь.

1966

СИНИЙ КАРАНДАШ

Как бы забытые в веках,
Рыжѐй верблюжьей шкуры,
В пролысинах, в солончаках,
Лежали Каракумы.

Вилась тропа, как след шлеп,
Песчинки шелестели,
И суслики — не соловьи
В холмах пустых свистели.

Ствол саксаула-старика,
Тяжелый, как железо,

С подростком из молодняка
В песках — казался лесом.

Бежал выносливый ишак,
Верблюдица шагала,
Губой тянулась, что ни шаг,
К побегам астрагала.

Вставала белая луна,
Да шли, верны обету,
Через пустыню племена
В кочевьях и набегам.

Гюрзой ужален, конь хромел,
В песках арбу кренило...
Была пустыня для туркмен
И крепостью, и нивой.

Текли бархапы, жизнь текла,
Растрескивался камень
В пустыне, выжженной дотла
Минувшими веками.

Казалось, в сон погружена,
От звезд до дна колодца,
Необозримая страна
Вовеки не проснется.

Но, грунт песчаный вороша,
Пришла пора канала,
Пора лопаты и ковша,
Людей и аммонала.

Пора больших рабочих дней,
Короткого привала,
Пора негаснущих огней
Над зевом котлована;

Пора побед не даровых,
Гремящих большегрузов,
Машин начальства легковых
У белоснежных плюзов;

Пора великих мощностей.
И лошадиных силищ.

Корреспондентов и гостей
У тех водохранилищ.

Уж трассу ту — за Ашхабад,
От шлюза головного,
Отряды новые столбят,
И это нам — не ново!

У стенок белые суда
Маячат величаво.
Канал... Откуда и когда
Он взял свое начало?

Уж позади Геок-Тепе!
Кипит работа, спорясь.
Идет канал... О нем тебе
Расскажет эта повесть.

* * *

Люблю в горячке пристанской
И шум, и гам посадки,
И тесноту в толпе людской
С утра, у сходней патки.
Корзины, сумки, рюкзаки,
Подолы, шляпы, пиджаки,
Контроля проволочку,
И трапа грохот, и гудки,
И тот прощальный взмах руки
С порхающим платочком.
Арбузный, свежий дух земли
В смеси с машинным чадом...
И теплоход «Махтумкули»
Отходит от причала.
Буруна пенная кайма
Вдоль корпуса стального...
И за кормой уже дома
Поселка Головного.
Матросы молодо спуют
От бака и до юта,
И путешествующий люд
Спешит занять каюты.
Понаблюдав воды замер,

Проход плотов с буксиром,
Идет Батыров-инженер
В свою — с подростком-сыном.

Речная даль, матрос с шестом,
Воды бегущей всплески...
Годами он мечтал о том,
Чтоб отдохнуть в поездке.
Мечтал не просто отдохнуть —
Немало мест красивых! —

На дело рук своих взглянуть,
На дело — вместе с сыном.
Со стороны — оно видней!
Не много и не мало —
Он был почти что с первых дней
Строителем канала.
Воспоминаний даль скрестить
С сегодняшнею новью:
И мать-старуху навестить,
Утешить долю вдовью:
Пусть повидает внука мать
В летах, перед могилой...
И деда старого обнять,
Коль жив — Курбан-Векила...

В каюте вещи разместив,
Чтоб под рукой — любая,
Докучный радиомотив
В динамике убавя,
Спустив каютного окна
Податливую раму,
— Не прогуляться ль, старпна?—
Он говорит Байраму.—
Вон за окном какая синь!
По горизонт — измерь-ка...

И вот сидят отец и сын
На палубной скамейке.

Отец и сын — одна душа,
Задумались о многом,
Для размышлений хороша
Неспешная дорога.

В пути хорош предлог любой
Душою вострепнуться,
На все, что пройдено тобой
За годы — оглянуться.
Ближайшему из всех сердец
Открыться сердце радо.
И сыну говорит отец,
Рукой обняв Байрама:

— Среди поросшего быльем,
Все бережней с годами,
В семье у нас, в роду твоём,
Среди иных преданий,
У всех и каждого в душе,
Как теплая зарница,
О Ленинском карандаше
Предание хранится.
О деле важном и большом
К народным комиссарам
В Кремле Ильич карандашом
Писал — вот этим самым!

И словно бы — издалека,
У сердца сохраненный,
Аман достал из пиджака
Тот карандаш граненый,
Тот синий, в кожаном чехле,
Как в маленьком пенале,
Под цвет воды — как дар земле,
Мечтавшей о канале.
Послушаем же не спеша —
В запасе дней немало!
Историю карандаша,
Историю канала.

День первый

Рассказ первый

Высок и неразъединим
Союз тот — жизнь свидетель! —
Когда стремлением одним
Живут отцы и дети,

Когда одни — из рода в род —
Их связывают узы.

Все выше всходит теплоход,
Вверх — по ступеням шлюза.
Отец и сын на степи, вдоль
Канала, смотрят оба...

— Как ты — и я был молодой,
Как ты — кончал учебу.
Чтобы отметить этот день —
Вдовой растила сына! —
Соседей, близких нам людей,
Мать в гости пригласила.
Чтоб пощедрей гостей принять,
Жилось в то время тяжко,
Собравшись, в сельской лавке мать
Купила полбарашка,
Головку масла добыла
Да рис прибереженный,
Кинзы да луку нарвала,
Наполнив таз луженый;
Поспевших вовремя плодов
Из маленького сада...
И говорили гости: — Плов
У матушки что надо! —
Сидели гости дотемна.
Но сколько ни сидится, —
Еще пригубили вина
И стали расходиться.
И в думах — каждый о своем,
Мать, строгая по-вдовьи,
Мой дед Векил и я — втроем
Остались в тихом доме.
Себе уже я слово дал, —
Я был до дела бойкий,
Пойти работать на канал:
Шел слух о новостройке...

С невольной строгостью в лице,
Мне матушка тогда-то,
Как знак, как память об отце,
Как дар отца-солдата
И как велел обычай наш,

За дастарханом сидя,
Передала мне карандаш
Граненый этот, синий,
Она его вручила мне.
А я, в тот миг короткий,
Вглянулся на фото — на степе,
Где мой отец — в пилотке:
Как будто кто меня толкнул
В его лицо вглядеться...

И я припомнил свой аул
Времен войны и детства.

Тогда я был, конечно, мал,
Но пас уже баранов
И горе взрослых понимал —
Тогда выросли рано!
Как все, я встречи ждал с отцом,
А вышла — похоронка,
И, с расцарапанным лицом,
Мать голосила тонко...

Потом, когда я спину гнул
В прополке огородной,
Нежданно прибыл к нам в аул
Проездом парень с фронта.
Отвоевался — без руки,
В пожухлой плащ-палатке...
Пришли во двор к нам старики
И женщины-солдатки —
Все, кто своим трудом ковал
Победу в буднях тыла.
Как не послушать? Воевал!
В высоком звании знавал
Курбанова Батыра!
За стол с едою и питьем
Солдата усадили.
И тот поведал о своем
Погибшем командире:
Как наступление врага
Сдержали в Подмосковье,
Как обагрились там снега
Своей и вражьей кровью,
Как их десант несла броня

В стремительных атаках,
Как люди слепли от огня
И глохли в громе танков,
Как жили вместе в блиндажах,
Считай — четыре года,
Как по земле чужих держав
Шагали в непогоду,
Как навсегда остался там,
В конце военных действий,
Как пал в сражение капитан
Курбанов — по-гвардейски...
— Там, в десять шанцевых лопат,
Могилу мы отрыли,
Там, у подножия Карпат,
Батыра схоронили.
Подняв стволы — отдать салют,—
Нажали на гашетки...
На память — если не убьют —
Я взял его планшетку.

И медленно — одна рука! —
Сам уцелевший дивом,
Достал солдат из вещмешка
Планшетку командира.
И все смотрели не дыша,
Как вился там неброский
След синего карандаша
По выцветшей двухверстке.
И там же — в кожаном гнезде,
В планшетке сохраненный —
Товарищ в боевой страде,
Тот карандаш граненый...
Нет, не достался он врагу!
Шла пнала по кругу...

Все это вспомнил я в кругу
Родных — перед разлукой.
Сказала мать: — Ты старший паш.
Отец твой, в час прощальный,
Оставил этот карандаш,
Как дар, как завещанье.
Истерся он, — сказала мать,—
На фронте вполовину...
Ты береги его, не трать

Без нужды сердцевину.
О деле важном и большом
К народным комиссарам
Писал Ильич карандашом
Когда-то этим самым...

Шел теплоход «Махтумкули»,
Гудел машинным шумом,
Как и другие корабли,
По мирным Каракумам.
Бежал к отарам резвый нер¹,
Цвел край, водой богатый...

И смолк Батыров — инженер,
Известный ирригатор.
А с ним сидевший рядом сын,
Не уступавший в росте
Отцу, задумчиво спросил:
— А что же было после?
— А после... После был Канал,
Труд в головной колонне...
Ну, а теперь не худо б нам
Занять места в салоне!

День второй

Рассказ второй

Нет красок чище и печней,
Нежней и мягче линий,
Изменчивей полутеней —
Чем в утренней пустыне!
Прозрачной дымкою роса
Восходит, дымкой алой,
Темнеет лесополоса
Над насыпью канала.
У крепкой сваи, на цепи,
Прикованная лодка.
А дальше, в розовой степи,—
Бахча и поле хлопка.
Селенье утренний восход
Встречает боем в рельсу.

---

¹ Нер — одnogорбый верблюд, отличающийся силой и выносливостью.

По Каракумам теплоход
Идет привычным рейсом.
И отдохнувший за ночь люд,
Позавтракавший плотно,
Спешит подняться из кают
На палубу, к шезлопгам.
Каюту скромную свою
Покинув, как все люди,
Нашли свободную скамью
Батыровы — на юте.
Мелькают чайки над водой,
Над встречными судами,
Да за песчаною грядой
Светло синеют дали.
— Не здесь ли, — вглядываясь в даль
Песков, садами ставших, —
Учились жать мы на педаль? —
Сказал Батыров-старший, —
Чтоб шел сегодня караван
Судов через пустыню,
Мы углубляли котлован,
Опор бетон растили.
Чтобы волна стучала в борт
У скал водораздела,
Мы здесь крепили фронт работ,
Пустив машины в дело.
И тем наука дорога,
Что стойкости и риску
Не кто-нибудь — Захар-ага
Учил бульдозеристов!
Как мой отец, на фронте он
Был прежде командиром.
И в наш отряд, как батальон,
Он прибыл — бригадиром.
— Кривую выработки вверх
Не двинешь, в будках сидя! —
Сказал нам этот человек,
Умелец из России.
Словами крепкими, как жечь,
И как приказ — простыми,
Сумел «Старик» сердца зажечь
В сражении с пустыней.
Мы шли в пески — как на врага!
И дорог стал, как родич,

В походе том Захар-ага,
Торцов Захар Петрович.
Такого в деле не предашь,
Не в труд — с таким трудиться...

Узнав про синий карандаш,
Кивнул он: — Пригодится! —
Домкрат к машине волоча,
Чуть усомнился вроде:
— Таких легенд про Ильича
Полно живет в народе! —
И пояснил: — К тому уклон,
Чтоб ты не загордился!

А карандаш, как думал он,
И верно — пригодился.

Холмы вокруг уже с весны
Дымились, как горели...
Дивились даже чабаны
Той засухе в апреле.
Без ветерка стояли дни,
Хрустел песок в рессорах,
И поднималась ртуть в тени
В термометрах — за сорок.

Тоска по дому — хоть беги! —
Ночами донимала.
Песок въедался в сапоги,
В ковбойки и панамы.
По дну кабины, как живой,
Песок струился рыжий,
Песок шуршал над головой
По полотняной крыше.
А ты с бульдозером кружись
Под этим «опахалом»...

Зной убивал, казалось, жизнь
Уже в самих барханах!

Степной варан и тот в жару
Ложился в тень под кустик,
Тушканчик прятался в нору
И суетливый суслик.

Змеи проползшей колея,
Уйдя в песок, терялась.
В песок зарывшись, и змея
Свою теряла ярость.
И лишь будил моторов рык
Тот мертвый край горпстый...

Сквозь гул моторов, помню, вскрик
И мат бульдозериста:
В моторе гасчным ключом
Копавшийся в ту пору,
Прижался голым он плечом
К железному капоту.
Без дела загорал потом,
Лежал пластом тяжелым,
Оплечь опутанный бинтом
Товарищ наш с ожогом.
У рычагов, кляня жару,
В железном караване
Мы подошли к Шайтан-бугру
И там — забуксовали.
На трассе не встречали мы
Сложней, трудней участка.

На вездеходе к нам в холмы,
Глядим, катит начальство!
Без форсу, многим не в пример,
Мол, речь не о параде,
Мамедов — главный инженер —
Людей собрал в бараке.
Пригубив с чаем пшалу,
Толкуя о канале,
Он карту трассы на полу
Раскинул перед нами:
С тропой пунктирной в песках,
Рыжей верблюжьей шкуры,
В пролысинах, в солончаках
Лежали Каракумы,
Вдавался в степи горный кряж
Хребтом окаменелым...

— Куда-то делся карандаш! —
Привстав, сказал Мамедов.
Сказал: — Потеря — не печаль,

Но был же! Что за диво! —
И как бы с просьбой — выручай! —
Взглянул на бригадира.
— Утрата впрямь не дорога,
Не дорога, а все же...
Но есть, — сказал Захар-ага, —
Находка подороже! —
И, той минутой дорожа,
Добавив: — Так-то, братцы! —
Историю карандаша
Пересказал он вкратце:
— О деле важном и большом
К народным комиссарам
Писал Ильич карандашом
В Кремле вот этим самым!
Хранит его товарищ наш...
Как говорят, с почином! —
И мой, в футляре, карандаш
Мамедову вручил он.
А тот: — И впрямь работ внавал!
Кончай, ребята, дневку! —
Взяв карандаш, обрисовал
По карте — обстановку.

Теснились мы, взглянуть спеша,
Как от участка синий
Широкий след карандаша
Струился по пустыне,
Струился след из-под руки...
Об ожидающих пески
Великих перемен
С приходом Каракум-реки
Нам говорил Мамедов.
Он говорил, что наш канал
Иных крупней гораздо,
И, намечая вехи, гнал
Все дальше чудо-трассу.
Все дальше Каракум-река
По карте уходила...
Казалось, Ленина рука
Его рукой водила.
Все оживить, создать, успеть,
Открыть земные клады! —
Такою видеть нашу степь

Хотел Ильич, богатой,
Когда, как он один умел,
Тепло, как в отчем доме,
Однажды ходоков-туркмен
Он принял в Совнаркоме...

Кричали чайки над водой,
Над встречными судами,
Да за холмистою грядой
Густели зноем дали.
И как бы память лет иных
В душе перелиставший,
— Я расскажу еще о них! —
Кивнул Батыров-старший, —
В Москву дехкане-ходоки
Тянулись правды ради,
И с ними — дедушка Векил,
Твой знаменитый прадед.
Ведь повесть о карандаше
В Москве берет начало...
Но на подходе мы уже
К Марыйскому причалу.

День третий

Рассказ третий

По берегам сады цвели
Гранатником и рутей.
Шел теплоход «Махтумкули»
В песках — своим маршрутом.
Дорожкой пенистою след
Ложился за кормою;
Вставал сиреневый рассвет
Над Ашхабадским морем.
Шел теплоход, гудком басил.
Скрипел пешлонг, пружинясь...
На палубе отец и сын
Опять расположились.
Горячий день вставал в песках,
Пустыню зноем полня.

— Ты говорил о ходоках, —
Отцу Байрам напомнил.

К эпохе обратясь иной,
Уже легендой ставшей,
Тряхнув задорно сединой,
Сказал Батыров-старший:
— Быльем былое поросло!
Но были дни такие...
Когда-то знало все село
О Ходоке-Векиле.
Знаток воды, знаток земли
И древних сур Корана,
Недаром нес в селе Кумли
Он звание мираба!
К нему почтение хранит
Простой народ и ныне.
Но стал особо знаменит
Векил на всю пустыню
Тем, что году в двадцать втором,
Событиями богатым,
В Москву старик своим селом
Был послан делегатом.
Из края дедовских могил
Общественным решением —
В Москву, где поднял бы Векил
Вопрос об орошении.
Событие редкое!

Едва

Смышленным став, бывало,
Любил я слушать, как молва
О том передавала.
Послушать я поближе лез
К огню, в худой кибитке,
Где у певца — еды в обрез,
Фантазии — в избытке.
Сказитель пел на свой мотив,
Соседям вечер скрасив,
Рассказ, как сказку, расцветив,
Как сказку, приукрасив:

«Тогда Векил, скажу я вам,
Припасы взяв и ружья,
С утра на север караван
Повел тропой верблюжьей.
Чтоб до самой Москвы дойти,
До города-громады,

Невагод и бед они в пути
Перенесли немало —
Не пощадил ни жар лучей,
Ни пыльный ветер лютый...
Но сквозь пески и мрак почей
И сквозь разъезды басмачей
Их пронесли верблюды;
С бубенчиками на груди
Машисто шли да резво...

Хива осталась позади
И вся земля Хорезма.

Про путь дальнейший у людей
У встречных расспросили.
И вот — уже который день —
Шагают по России.
Темней леса, пестрей цветы,
И выше стали травы.
Уже Уральские хребты
Остались где-то справа.
В уремах птица так и прет
Под порох одностволки...
Дивится, видя их, народ
Левобережной Волги.
Ни пристаням, ни островам
Реки той — нету счету.
Уже подходит караван
К Москве, по всем расчетам!
Дает почувствовать зима
Ветров своих свирепость...

Москва! — дворцы, мосты, дома,
Посередине — крепость.
Стоит над городом она,
У входов — часовые,
Вокруг — зубчатая стена
И башни вековые.

Кремль! — средоточье дум и дел,
Путей всесветных узел.

Другой бы, верно, оробел, —
Курбан-Векил не струсил.

Под всплески голубиных крыл,
Брусчаткою, как в сказке,
Свой караван ведет Векил
К воротам башни Спасской.
Идет Векил, как будто зван —
Не поздно и не рано, —
И пропускает караван
Кремлевская охрана.
Вошли. К Царь-пушке во дворе
Верблюдов привязали...
Уж комендант, при кобуре,
Их ожидает в зале.
Ему представился Векил,
Как должно по уставу.
Военный видит: ходоки,
Пришли из Туркестана.
Военный видит: свой народ,
Какие тут вопросы! —
И женщине передает
Простой, русоволосой.
Та улыбается просто:
— Вам во дворе гостином
Уж приготовлены места,
Как жителям пустынным! —
И, ободрив их, как своих,
Без лишних наставлений,
Ведет с собой: мол, примет их
Сейчас товарищ Ленин.
В просторный вводит кабинет:
Мол, тут и подождите.
Мол, Ильича на месте нет,
Но будет — подождите!
Мол, в Коминтерне он теперь,
На заседание, верно...

Сидят... И входит Ленин в дверь,
Такой обыкновенный.
И говорят: — Мы ждали вас.
Вы что-то шли не шибко. —
И теплится в прищуре глаз
Веселая смешинка...

Взволнован каждый и открыт,
Душа излпться рада.

— Но — к делу! — Ленин говорит. —
Послушаем мпраба!

Поведать — лучшая из всех
Минута тут настала —
И про успех и неуспех
Дехкан Туркменистава!
Векил рассказывал потом
Без ложного стеснения,
Что поначалу воздух ртом
Ловил он от волнения,
Сбираясь с мыслями, молчал,
Но — справился, однако.
Была недаром от сельчан
Дана ему бумага!
Хоть и не очень был учен,
А все, кто был, дивились,
Как домовито с Ильичем
Они разговорились:
О ситце и о басмачах,
О школах и посевах...
И долго так текла, журча,
Живая их беседа.
И тут ребром и в полный рост,
Потребовав решенья,
Векил поставил свой вопрос,
Вопрос об орошении.

Сказал Векил: — Мы шли сюда,
Потели, в стужу стыли,
Чтобы поведать, как вода
Нам дорога в пустыне.
В связи с водой каких примет,
Каких запретов только нет!
Чтоб жаждой — бог оборони! —
Полей не иссушило,
С ладоней капли не стряхни,
Умывшись из кувшина!
Рубился насмерть белым днем
Порой сосед с соседом,
Шел брат на брата с кетменем,
Чтоб дать воды посевам.
Из-за одной бадьи со дна
Колодца — убивали,

Из-за арыка племени
Веками враждовали,
Бели войну — из рода в род —
Среди степей угрюмых...
А ведь и нынче мой народ,
Живущий в Каракумах,
Беды извечной не избыл —
Нет счета свежим ранам...

И Ленин понял, словно был
И сам всю жизнь — мирабом.
Чужая боль — ему своя:
— Учтем, само собою!
Слышал я: шла Амударья
Когда-то по Узбою...
Проблема важная! И мне
Сравнительно знакома,
И будет, есть уже вчерне
Решенье Совнаркома.
Чем сможем — что и говорить! —
Поможем вам охотно.
Пора большой канал прорыть,
Быть может — судоходный!
Расходы с экспертами я
С карандашом прикину —
И для полей и для жилья...—
Сказал Ильич Векилу.—
Вот и про срочность — запишу.—
И, с кресла встав упруго,
Он к синему карандашу
Протягивает руку.
Там целый лес карандашей
Стоял в стакане медном...
Векил смекает... И в душе
Волнуется заметно:
— Нельзя ль, товарищ Ленин, ваш,
Вот этот самый, синий,
На память этот карандаш
С собою взять в пустыню?
Не прихоть это и не блажь...
Хоть люди мне поверят,
Но лучше, если карандаш
О том удостоверит!

А мы, вернувшись, кликнем клич,
Чтоб дело всех сплотило.

И тут, в Кремле, вручил Ильич
Свой карандаш Векилу.
Вождю желая долгих лет
И счастья многократно,
Свой караван Векил чуть свет,
Собрав, повел обратно...»

* * *

По берегам сады цвели
Гранатником и рутой...
Шел теплоход «Махтумкули»
В песках — своим маршрутом,

Тутовника подрост густой
Гляделся в плес блиставший,
Когда окончил свой простой
Рассказ Батыров-старший.

И лишь окончил, как вдали,
Сквозь тутовую заросль,
Его село — село Кумли
В пустыне показалось.

Носил название села
Поселок — глянуть любо! —
Со средней школой в два крыла,
И с чайханой, и с клубом.
Над гладью Каракум-реки,
От бликов серебристой,
Уже воздвигли речники
Товарный склад и пристань.
И, словно в праздник, полсела,
Собравшись у причала,
Оставив важные дела,
В песках корабль встречало!
Он подходил, гудком басил
По утреннему бодро...
И тут своих отец и сын
В толпе узнали с борта:
В одежде сельской, налегке,
Стояли у причала

Вдова солдатская в платке
И старец величавый —
Баранья шапка, смуглый лик...
Родоначальник, предок! —
Взглянуть на правнука старик
Явился напоследок,
С лицом открытым всем ветрам
Стоял он под ракитой...
В нем сразу прадеда Байрам
Узнал — Курбан-Векила.
Сходил по трапу люд, спеша...

И тут бы кончить надо
Историю карандаша,
Историю канала.

Но жизнь — и праздник и страда,
Бессменное движенье.
Нельзя представить жизнь, когда
Она без продолженья.
Она в полете, в смене лет —
От пеших троп и конных
До трасс космических ракет
Среди миров окольных...

Сошли — родные ждали их, —
Придерживая шляпы,
На землю пращуров своих
Батыровы по трапу.
Мать сына с внуком обняла
И, плечи гордо вскинув,
Всех за собою повела
В дом свекра — в дом Векилов;
Вступила с внуком на крыльцо:
— Входи, Батыров-младший! —
Хранило строгое лицо
След красоты увядшей.
Сама раскинула сачак¹.
Глаза вдовы лучатся...
Вот все уселись в гуще чад,
Родных и домочадцев.

---

¹ С а ч а к — скатерть, в которую заворачивают хлеб, символ гостеприимства; раскинуть сачак — принять гостей.

И, первым встав, заговорил,
И дом внимал миру, абу,
И так сказал Курбан-Векил,
Ходок-Векил — Байраму:
— Ты молод — сил не занимать,
Отваги и сноровки...
Я слышал, ты решил избрать
По жизни путь не легкий.
Не то, что в нас — иная стать
У вас, идущих в Завтра.
Мечтаешь ты пилотом стать,
А там — и космонавтом!
И я, твой прадед, мальчик наш,
На склоне дней последних,
Оставить синий карандаш
Хочу тебе в наследье.
Тебя, быть может, подвиг ждет,
Как многих — из училищ...
Готовясь в вечный свой полет,
Ты карандаш очинишь.
Покинув всех, кого любил,
В суровый в миг прекрасный
В одной из штурманских кабин
К звезде проложишь трассу,
К звезде мальчишеской мечты —
К Арктуру или Веге...
И о великом вспомнишь ты
Вожде и человеке,
Ты вспомнишь в космосе большом:
К народным комиссарам
Писал Ильич карандашом
В Кремле — вот этим самым...

1970

ВЕЧНО МОЛОДЫЕ

Светлой памяти Нурмурада Сарыханова

1

Издалека доносится
Живая
Мелодия, чарующая слух.
В тебе вовек, о мать-земля родная,

Добра и мужества
Неиссякаем дух.

Бесследно канули,
Ушли в забвенье
Твоих владык всеильных имена.
И, как веков обманутых прозренье,—
Пришли весны народной времена.

И всюду, от пустыни до Памира,—
Свободы песнь, искоренившей зло.
А где вы, ханы, правившие миром?
Ваш след песком забвенья замело.

О вас узнают только на страницах
Заплесневелых пожелтевших книг...
Но смотрят на меня иные лица —
Живые лица —
Со страниц других.

И день встает от той рассветной кромки,
И утро возгорается от ней...
Хочу поведать вам,
Мои потомки,
О подвиге и славе наших дней.

Здесь не фантазия взволнованного сердца,
Не плод воображения ума,—
Здесь чувства вашего единоверца,
И правда жизни здесь,
И жизнь сама.

2

Птичьей песней,
Молодыми травами
О себе напомнила весна.
Тьма густеет.
Звезды над дубравами.
Ночь не ночь — солдату не до сна.

Не весенний гром, не пробуждение
Первой освежающей грозы,

Слышен в этом рокоте усталом
Отдаленный колокольный звон,

Слышится победный гул металла
Сквозь стенания родной земли,
Приближая срок,
Чтоб солнце встало,
Над Днестром деревья расцвели,

Чтоб на берег, как невесты, вышли,
Сбросив с плеч свой траурный наряд,
Молодые яблони и вишни,
Те, что опечаленно стоят.

Сердце, онемевшее от боли
И от жажды отомстить врагу,
Все стучит,
Кричит в груди: «Доколе
Быть врагу
На правом берегу?»

За клочок чужой земли цепляясь,
Враг ожесточался здесь не раз,
Отдалить свой черный день пытаясь,
Выполняя фюрера приказ —

Удержать во что бы то ни стало
Каждый выступ, и окоп, и дот.
Но кому своих просторов мало,
На чужих себе он смерть найдет.

Замысел продуман очень четко:
Отвлекая на себя врага,
Путь откроет маленькая лодка
Главным нашим силам для броска.

Ежели удастся перебраться,—
Очутясь во вражеском тылу,
С боем непременно продвигаться
К Делакеу — ближнему селу...

А покуда бешено качает
Смельчаков днестровская волна.
И зловещей тишиной встречает
Берега глухого крутизна.

Нурмурад, сын бедного туркмена,
Армии великой рядовой,
То, о чем писал ты вдохновенно —
В сердце отозвалось сокровенно.
И пришел час испытанья твой.

Над тобой —
Смертельный вой сваряда,
Под тобой —
Кипение волны.
Но плечом к плечу с тобою рядом
Многоликой Родины сыны.

Защитят слова друзей хороших
И от пули, и от тяжких ран.
Вот грузин по имени Алеша,
Молдаванин этих мест Богдан.

И судьбе своей ты благодарен,
Что свела вас, словно братьев, здесь,
Вот Кампль, отчаянный татарин,
Украинец весельчак Олесь.

С командиром отделение ваше,
А точнее — командир при нем,
Добрый парень отделенный — Саша
С пушкинской фамилией — Гринев.

И приходят мысли непременно
О стихах, о самом дорогом,
Поднимая война-туркмена
Над волной,
Над смертью,
Над врагом:

«Боевых друзей надежны узы.
Нас судьба нелегкая свела.
О, моя восторженная муза,
Ты воспой их смелые дела!

Не сотрется подвиг благородный,
Ратной славе вечно жить да по
В благодарной памяти народной...
Только б не пойти сейчас на дно.

Я о них правдиво и с любовью,
Как о братьях, должен рассказать.
Скреплено такое чувство кровью —
Ведь одна у нас Отчизна-мать.

Друг от друга нам теперь не деться
Никуда.
Крепка той веры нить.
Бьется в нас одно большое сердце,
Нас и смерти не разъединит!»

Был у них обычай в отделеенье —
С клятвой «смерть за смерть и кровь
за кровь»:

Старшему почет и уваженье,
Младшему — доверье и любовь.

И поскольку среди всех он старший,
То, когда ходили на врага, —
Отделенный звал его «папашей»,
По-туркменски называл: «ага».

Вот ракета задрожала ярко,
Оставляя в небе дымный хвост,
Знает Нурмурад, что будет жарко,
Что короткий этот путь не прост.

Только где короче он и проще
В этой суматохе огневой? —
Чтобы защитить поля и рощи,
Чтобы край спасти родимый свой.

Отделенного любил «ага», как друга:
Сколько вместе прошагать пришлось
Под студеной и свинцовой вьюгой,
Где так много крови пролилось.

По земле — не мало и не много —
Тыщи верст прошел с полком своим.
И сегодня
Водная дорога
Грозно расстилалась перед ним.

Он по зову Родины любимой
Уходил на фронт.

И на заре
Первый бой, в душе неизгладимый,
Он вот так же припал на Днепре.

И какие бы ветра ни дули,
Он не гнулся, молодой «ага».
Левое плечо прошили пули,
И осколком ранена нога.

Но не о своих раненьях думы,
Понял он, врага огнем круша,—
Если небо над страпой угрюмо,
Родины кровоточит душа.

Берег приближается высокий.
Ну еще,
Еще один рывок...
Вот уже кустарник и осока,
Вот уже —
Береговой песок...

3

Словно тонкой пряжи покрывало,
Поднимался реденький туман.
И едва заметно проступало
Все: и лес, и речка, и лиман.

Тишина среди деревьев бродит.
И от этой странной тишины
Мысль к бойцу неожиданная приходит:
Может, нет уже ее, войны?

Может, кончилось кровопролитье
И простыл огня горячий след,
Ты спишь сейчас в своем укрытье,
А над миром
Мирный встал рассвет?..

Залпы отдаленные, глухие
Стали все отчетливей слышны...
Вот она, свинцовая стихия,
Нурмурад, реальный мир войны.

Чуть светает...
До начала боя,
Может, целый час еще пройдет,
Встанет командир —
И за собою
Молодость в атаку поведет.

Каждая минута и мгновенье
Их сердцами взяты на учет.
Ощутимо времени движенье:
Словно речка памяти течет.

И в минуты эти ожиданья
До предела все напряжено.
Да плывут, плывут воспоминанья,
Точно кадры мирного кино.

Так всегда в предощущенье боя
Нам потребны несколько минут,
Чтобы встретиться с самим собою,
С тем,
Который где-то,
А не тут,

В мире том волшебном и далеком,
Что единственный у каждого и свой:
С речкой травянистой неглубокой,
С бабушкой, пока еще живой.

Может быть, на тверди этой глины,
Здесь вот и придется умереть.
Только б детства милого картины —
Этот фильм хороший досмотреть.

О минуты,
Вечности предтечи.
Бьются в лад солдатские сердца.
И своей любви заветной встречи
Досмотреть бы тоже до конца...

«О земля, любимая, родная,
Как ты там встречала Первомай?
И сегодня, в день четвертый мая
От меня приветы принимай!

Вспоминаешь ли п ты солдата,
Славный мой, зеленый Ашхабад,
В праздничный одевшийся наряд,
Где клялись мы в верности когда-то?

Я не позабыл.
То время — свято.
Как нам токи памяти нужны,
Милый голубь мой из Ашхабада,
Весточка от дорогой жены!

Пишет милая,
Что дома все в порядке,
«Ждем тебя с победою домой,
У меня уже седые прядки...
А дочурка — точный образ твой.

Подросла. И говорит все четко...
Завтра — собираемся в аул...»
Нежно снял солдат свою пилотку
И еще раз
На письмо взглянул.

Что дороже может быть солдату
Этой малой весточки одной,
Доброй мысли, что его когда-то
Со слезами встретит дом родной.

И в своем коротеньком ответе
Он писал вчера, присев на пень:
«Завтра будем биться на рассвете,
Чтоб приблизить долгожданный день...»

Пусть летит далёко птица сердца
Через горы, степи и холмы, —
Постучится в маленькие дверцы,
Чтобы снова вместе были мы.

Пусть летит в долину Копетдага
И в предгорья, где ковром — цветы.
В Каракумы, где земная влага
Окропила вечности мечты.

Степью, утопающей в тюльпанах,
Где промчится, как стрела, сайгак,

Где кружатся томные орланы,
В сочных травах полыхает мак.

Где когда-то пас овец в пустыне,—
Вспомнил свое детство Нурмурад,—
Пусть же знает злобный враг отныне,
Будет он чужой земле не рад.

Той земле,
Что в трудный час взрастила
Дружбу всех народов и племен,
Свет которой
Богатырской силой
От времен глубинных наделен.

Дружбу эту, как зеницу ока,
Нам всегда завещано хранить
И нести в своих сердцах высоко,—
Вечна их скрепляющая нить.

Выпало ему крепить
Основу
Нити той,
Связующей сердца.
Как гордился он когда-то новым
Званьем Красной Армии бойца.

Душными туркменскими ножами
По степям, по кушкинским холмам
Он шагал с винтовкой за плечами
И к учебным привыкал боям.

Только дней потерянных не жалко.
Что без них бы делал на войне?
Помогла солдатская закалка
Мужественней сделаться вдвойне.

Вспомнилась армейская газета —
Первый опыт слова и пера...
Кажется, давно все было это,
Вместе с тем как будто бы вчера.

Отслужил.
В родном ауле снова.

Возмужал и строг не по годам.
Но звало, звало в дорогу
Слово
По аулам и по городам.

Рукописи,
Ценные страницы
Классиков, восточных мудрецов
Ищет он,
Чтоб чуду удивиться,
Заглянуть истории в лицо.

Слушает советы аксакалов,
Слово то из глуби достает,—
Что во тьме столетьями лежало.
Мудр в своих сказаниях народ.

Он уходит с головой в работу,
Без остатка отдается ей.
И как пчелы наполняют соты,
Полнит соты
Памяти своей.

И восходит
Слово,
Молодея,
Со страниц журналов и газет...
«Ты теперь писатель,—
Сам Фадеев
Дорогой вручал тебе билет.

Ты писатель.
Есть ли званье выше?
Благодарен ты своей судьбе.
В трудный путь,
Но и в прекрасный,
Вышел,—
Пусть же не изменит он тебе.

Первым окрыленные успехом,
Где теперь вы, братья по перу?
Может, так же орудийным эхом
Стала вам побудка поутру?»

Вспоминает, как сидел порою
Над строкою
Ночи напролет.
И сейчас идут к нему герои
Книг его,
Что полюбил народ.

Вот увидел он родную школу.
И спешит, спешит, ясней зари,
Сверстница его по комсомолу,
Славная и добрая Ширин.

Вот из тьмы
Старик с душой младенца
Тоже неожиданно возник —
Велмурат-ага, золотое сердце,
Из аула Яшулы старик.

Сбросив недоверия вериги,
Для людей раскованной земли —
За верблюда выменял он книги
Дорогого всем Махтумжули.

И Шукур-бахши спешит чедаром
По горам, долинам и пескам
С верным на плече своем дутаром —
Бросить вызов хану и векам.

Но не кровью, не на поле брани,
Где порой все средства хороши,
А высокой музыки звучаньем
Он решает спор, Шукур-бахши.

В честном поединке побеждает,
Показав большое мастерство.
И за это
Хан освобождает
Брата подневольного его.

И поныне слышится звучаье
Музыки неповторимых дней...
Потому-то и воспоминаья
Пробуждаются в душе твоей.

Только вы совсем не исчезайте,
Словно этот утренний туман.
Вы, как прежде, душу согревайте.
Пусть навек исчезнет —
Кто не зван.

И прошу я вас, воспоминанья,
Не гасите свой зеленый свет.
Нет теплее вашего дыханья
И нужнее вас на свете нет.

Здесь, под орудийные раскаты,
С белыми повязками в крови,
Молодые сильные ребята
С нежностью мечтали о любви.

И совсем не лишнею бывала
Лирика такая для бойца.
Именно любовь и наполняла
Мужеством отважные сердца.

Именно вот так,
Перед сраженьем.
И сейчас ты убедишься, враг:
Есть в душе металл
И вдохновенье,
От любви до ненависти — шаг.

...Светит небо серо-голубое.
На часы свои взглянул Гринев:
— Приготовиться, — сказал он, — к бою,
Через несколько минут начнем.

4

Жиденькая полоса рассвета
Разрослась над лесом, поплыла,
Словно парус огненного цвета.
Меж стволами растворилась мгла.

Первый луч озолотил верхушки
Сосен вековых и берез.
Две развороченные избушки
И воронки свежие вразброс.

Как война тебя перепахала,
Вон следы отчетливо видны,
Мать-земля,
Родная, ты устала
От кровавых всполохов войны.

Даже соловьев твоих не слышно,
Страшно стало им в родном лесу;
Где весна цвела когда-то пышно,
Славили они твою красу...

Где вы, песни молодых красавиц
И лихих, удалых молодцов?
Где ты, страстный молдаванский танец,
Гордость славных дедов и отцов?

Притаившись у высоких сосен,
Озирают местность смельчаки:
Здесь фашистов предстоит отбросить
Натиском внезапным от реки.

Обнаружить надо и приметить
Местонахождение врага.
Гитлеровцам предстоит ответить
За поруганные берега.

Чуть поодаль в небольшой лощинке —
Командир — он выдвинут вперед.
Глаз не сводит командир с тропинки,
Что к землянке в зарослях ведет.

Легкий знак рукою «осторожно!»
Делает кому-то не спеша:
Лишним звуком и движеньем можно
Все сорвать,
Терпи, терпи, душа.

Пригибается солдат пониже,
Прижимается
К земле сырой,
Дорогой, в лесном рассвете рыжей,
Пахнущей цветами и корой.

Он лежит в твоей канаве тесной, —
Тайну ты, земля, ему открой, —
Твой спаситель,
Парень неизвестный,
Может, без пяти минут Герой.

А меж тем
В глухом лесу раздался
Говор приглушенный, топот, свист...
Вот он, у землянки показался
К нам с войной нагрянувший фашист.

Вышел на поляну разминаться.
А другой с ведром спешит к нему.
Офицерик начал умыться
С мылом, как положено ему.

Выглянул Алешка из засады
Осторожно,
Палец — на курок...
Но Гринев спокойным
Строгим взглядом
Дал понять: повремени чуток.

С котелками семян солдаты,
Точно мухи, устремясь на мед.
Но иная трапеза их ждет —
Та, что приготовили ребята...

Немцы на поляне, голосисты,
Собрались, о чем-то говорят...
Вдруг
Свинцовый
Разразился град,
Скошенные
Падают фашисты.

Застрочили наши автоматы.
Из землянки выбежав едва,
Вражеские падают солдаты,
Как под острым лезвием трава.

Те, что уцелели, — в лес рванули,
Обезумев, в панике бегут.

Но и там их настигают пули,
Всюду стоны,
Вопли: «Рус! Капут!»

И пошли ребята .
В наступление
И теснят фашистов с двух сторон.
Но, оправившись
От первого смятенья,
Враг открыл неистовый огонь.

Из глубин подтягивает силы,
Воздвигая огненный заслон,
Чтоб они волну атаки сбили.
И обход предпринимает он.

Впереди то самое селенье,
Та деревня...
Пробиваться к ней
С боем.
В разыгравшемся сраженье
Наших вспать не обратить парней.

Вдалеке уже белеют хаты.
Но трудней дается каждый шаг.
По напору чувствуют ребята —
Подтянул свой резервы враг.

До последнего дыхания бьются
Преданные Родине сердца.
И врагу живыми не сдаются —
Вот закон для каждого бойца.

С новой силой ринулись ребята.
Вот Алешка через ров ползет,
И его последняя граната
Накрывает разъяренный дот.

Ну, еще,
Еще одно усилье,
Рядом Далакеу, впереди...

Нурмурад бежит,
Но словно крылья
Надломились,
Слышит, боль в груди.

Командир к нему метнулся: «Батя!»,
Видя, как упал его боец,
Думая в тот миг лишь о солдате...
И его
Остановил свинец.

Раненные, кровью истекая,
У большой сосны они лежат,
Автомат из рук не выпуская.
Чуть пошевелился Нурмурад,

И раздался голос:
— Рус, сдавайся!
У тебя другого шанса нет...—
Нурмурад что было сил напрягся,
Всей обоймой
Дал ему ответ.

Точно гром над лесом прокатился,
Эхом отозвался вдалеке,
И мгновенно этот выстрел слился
С залпом орудийным на реке.

— Это наши, Нурмурад, послушай...—
Саша, умирая, произнес.
Да, знакомым голосом «катюша»
Возвещала всем,
Что началось...

Только ничего уже не слышит
И не видит ничего «ага»:
Под сосной лежит он и не дышит.
Навсегда сомкнулись берега...

Смолкли орудийные раскаты,
Наши прекратили артобстрел,
Значит, подкрепленья жди, ребята:
Оживились те, кто уцелел.

Лес наполнен гулом небывалым,
С переправы, прямо от Днестра,
Наступали наши грозным валом,
Приближалось громкое «ура!».

Значит, с ходу в бой пошли солдаты,
И теперь несдобровать врагу,
Значит, близок,
Близок час расплаты,
И уже —
На этом
Берегу.

5

В Молдавии
На берегу Днестра
Живет село
Своей обычной жизнью.
Молдавия
Туркмении сестра,
А вместе — часть одной большой Отчизны.

Живет село, его судьба светла,
Цветут сады
Весеннею порою...
В могиле братской этого села
Спят вечным сном
Советские герои.

Плакучей иве низко поклонюсь,
Стоящей здесь,
Как матери скорбящей,
И с болью гордой и непреходящей
К святой могиле
Сердцем прикоснусь.

Весенний дождь,
Как горечь наших слез,
Все моросил с утра, не устая,
У этих ив и молодых берез.
Да, память сердца —
Это даль живая.

Подходит девушка,
Цветы свои кладет
На постамент холодный осторожно.
Старушка опечаленно идет,
Ведь сердца боль унять ей невозможно.

Взгляните, люди,
Как зеленый цвет
Одел холмов разбуженные склоны.
Где бой гремел,
Кровавый стыл рассвет...
Пусть побеждает
Жизни цвет —
Зеленый!

Весенний гром, ты громче протруби
И возвести в крылатом беспокойстве
О беспримерной к Родине любви
И о бессмертном сыновей героизме.

В могиле этой войны лежат.
Нет в мире выше верности солдатской.
В бою солдат солдату — кровный брат,
И потому зовут могилу братской.

Сражались вместе,
Вместе полегли
Достойные сыны своих народов
За тишину и даль родной земли,
За честь Отечества
И за его свободу.

Есть среди них —
Писатель и Солдат,
Туркменский сын,
Он храбро здесь сражался.
Земляк мой Сарыханов Нурмурад.
В краю молдавском он навек остался.

В своем бессрочном званье — рядовой,
Которому высокий чин не ведом.
И мирный сад ему над головой
Шумит высоким знаменем Победы.

Нет, он, солдат, не знал, как он велик,—
В своих кирзовых прошагав полсвета,
Сменив свое перо на острый штык,—
Одним уж тем, что он спасал Планету.

Я отыскал село большое то
Средь множества так на него похожих,
Кладу охапку полевых цветов.
Мои друзья пришли с цветами тоже.

Цветы я собирал, пусть знает он,
На поле, орошенном юной кровью.
Прими от малой родины поклон,
Прими ромашки эти к изголовью.

Стоим, папахи сняли с головы,
Войны ровесники, давно уже седые.
Там, где сражались молодые вы,
Где вы остались вечно молодые.

Тут повелось уже, наверно, так:
Кто бы ни шел тропинкой ли, дорогой,
Но у могилы свой притишит шаг,
В задумчивости постоит немного.

Вокруг бушуют майские сады.
Покрыты зеленью пригорки и долины.
Вот эту землю спас ты от беды
И стал теперь ее достойным сыном.

Стоят прямые сосны, тополя,
Покачиваясь, смотрят в поднебесье.
Туда, где ветры запевают песню
О верных сыновьях твоих, земля.

И о далеком вспоминают дне,
Той песне народившейся внимая:
«Не умер он, кто в яростном огне
Погиб, но спас тебя, земля родная».

А с ними вся природа говорит:
«В народном сердце вы живые вечно!»
И вас она всегда благодарит
За подвиг тот большой и человечный.

Вы жизнью
Жизнь земли своей спасли
И сами встали, вечны, над землею.
Вы стали плотью,
Духом той земли,
Что расцветает
Раннею весною.

1980

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кайсын Кулиев. Слово о живой воде . . . . .</i>	3
--	----------

СТИХОТВОРЕНИЯ

Каспийскому морю. Перевод Н. Старшинова . .	9
Беркут. Перевод Я. Козловского	10
Живая вода. Перевод Я. Козловского	10
Две пустыни. Перевод Я. Козловского	11
Девушка из Ленинграда. Перевод Я. Козловского	11
«Снова ветры теплые подули...» Перевод Я. Коз-	
ловского	12
Лебединое озеро. Перевод Я. Козловского . . .	13
Елка в пустыне. Перевод Я. Козловского	14
Мальчик из Казанджика. Перевод Я. Козловского	16
Долина Гнева. Перевод Я. Козловского	16
Радуга. Перевод Я. Козловского	17
Подарок. Перевод Е. Ильина	18
О змеях. Перевод Я. Козловского	20
Тропинка. Перевод Я. Козловского	21
У памятника Пушкину. Перевод Н. Гребнева . .	21
Ленинград. Перевод Н. Гребнева	22
Туркменскому матросу. Перевод Ю. Гордиенко .	24
Ремесло поэта. Перевод Н. Гребнева	25
Ехал в Кушку пограничник. Перевод Я. Козлов-	
ского	26
Сыну. Перевод Я. Козловского	27
В полпочь. Перевод Я. Козловского	28
Город на Даугаве. Перевод Ю. Гордиенко . . .	29
«Уж полпочь позади...» Перевод Я. Козловского .	30
Черному морю. Перевод Е. Ильина	30
Плачущая ива. Перевод Я. Козловского	31

Проводник. Перевод Я. Козловского	32
Ночь в Шувелянах. Перевод Ю. Гордиенко	33
Гиндукуш. Перевод Я. Козловского	34
Афганский флаг. Перевод Я. Козловского	35
Обелиск независимости. Перевод Я. Козловского	37
Афганская красавица. Перевод Я. Козловского	37
Герируд. Перевод Я. Козловского	38
Осенние соловьи. Перевод Я. Козловского	40
Селепа. Перевод Ю. Гордиенко	40
Семь братьев. Перевод Ю. Гордиенко	41
Песня чабапа. Перевод Я. Козловского	42
Суворовец на побывке. Перевод Я. Козловского	42
Огни Киева. Перевод Я. Козловского	44
Эной. Перевод Я. Козловского	45
«Настала ночь.» Перевод Я. Козловского	45
Салют. Перевод Я. Козловского	46
Улица мира. Перевод Я. Козловского	46
«Хорошо, когда близкого друга...» Перевод Ю. Гордиенко	47
«Махтумкули» идет к Атреку. Перевод Ю. Гордиенко	49
По мотивам старых народных песен	

«Как с другом, с народною песней...» Перевод Я. Козловского	49
«Я стою в ожидании милой...» Перевод Я. Козловского	50
«Влюбленного все касается...» Перевод Я. Козловского	51
«Ты в красной накидке прошла у реки...» Перевод Я. Козловского	51
«Живу с богатством не в ладу...» Перевод Я. Козловского	52
«Пыль дорог отряхнувший с ног...» Перевод Я. Козловского	52
«Кто-то шел не по тропе...» Перевод Я. Козловского	53
* «— Я ушла...» Перевод Ю. Ярмыша	54

Дагестанскому другу. Перевод Н. Гребнева	56
Тропа Маркса. Перевод Ю. Гордиенко	56
О дружбе. Перевод Н. Гребнева	57
Прага. Перевод Ю. Гордиенко	57
В очереди за «Правдой». Перевод Ю. Гордиенко	59
Копетдаг. Перевод Ю. Гордиенко	60
Туркменские ворота. Перевод Ю. Гордиенко	60

Тадж-Махал. Перевод Р. Казаковой	62
Дом высокого гостя. Перевод Ю. Гордиенко	63
Бхилаи. Перевод Ю. Гордиенко	64
Атрек. Перевод Ю. Гордиенко	65
Баллада о старом колодце. Перевод Ю. Гордиенко	66
Ложь. Перевод Ю. Гордиенко	68
«Я сидел над работой...» Перевод Ю. Гордиенко	69
«В доме через дорогу...» Перевод Ю. Гордиенко	70
В Стамбуле. Перевод Ю. Гордиенко	71
Детские голоса. Перевод Ю. Гордиенко	72
Дождь идет. Перевод Ю. Гордиенко	74
Ночь в Анкаре. Перевод Ю. Гордиенко	75
Старый грузчик-хамбал. Перевод Ю. Гордиенко	78
Возвращение в Чикишляр. Перевод Ю. Гордиенко	79
Поэт. Перевод Ю. Гордиенко	87
Ежедневцо. Перевод Ю. Гордиенко	90
Но унывай! Перевод Ю. Гордиенко	91
«Сколько раз делились хлебом-солью...» Перевод Ю. Гордиенко	92
Ты улыбнулась... Перевод Ю. Гордиенко	93
Лучшее лекарство. Перевод Ю. Гордиенко	93
Осень. Перевод Ю. Гордиенко	96
Пчелы. Перевод Ю. Гордиенко	96
«— Доченька, скоро свадьба!..» Перевод Ю. Горди- енко	98
«— Убегу от тебя, джигит...» Перевод Ю. Горди- енко	99
«О красные маки...» Перевод Ю. Гордиенко	101
«— Ай-вай! Прошу тебя, ай-вай!..» Перевод Ю. Гордиенко	102
«Грабят сад, если он без охраны...» Перевод Ю. Гордиенко	103
Будьте как море. Перевод Ю. Гордиенко	104
В Святогорском. Перевод Ю. Гордиенко	105
О гостеприимстве. Перевод Ю. Гордиенко	107
Старый дом. Перевод Ю. Гордиенко	108
«Забудь и будь, как прежде, милой...» Перевод Ю. Гордиенко	109
«В большом удивленьи...» Перевод Ю. Гордиенко	109
«Говорил...» Перевод Ю. Гордиенко	111
«Как молва утверждает...» Перевод Ю. Гордиенко	112
Сыну — в день совершеннолетия. Перевод Ю. Гор- диенко	115
«Плывет по морю судно...» Перевод Н. Гребнева	116

«Как я шел на свидание с милой...» Перевод Ю. Гордиенко	117
«На вершинах гор, Бибиджан...» Перевод Ю. Гор- диенко	118
«Ночь пришла неслышным шагом...» Перевод Ю. Гордиенко	119
Утренняя мысль. Перевод Н. Гребнева	120
По поводу окончания перевода «Евгения Онегина». Перевод Ю. Гордиенко	120
Друзьям юности. Перевод Н. Гребнева	122
* Богатырям пустыни. Перевод Ю. Ярмыша	123
* Дальние привалы. Перевод Ю. Ярмыша	125
* В поезде. Перевод Ю. Ярмыша	127
* Жажда. Перевод Ю. Ярмыша	128
* Родимый край. Перевод Ю. Ярмыша	130
* Матери не спят. Перевод Ю. Ярмыша	131
* Мой побратим. Перевод В. Гордеева	133
* Платону Воронько. Перевод В. Гордеева	134
* Воле радиоприемника. Перевод В. Гордеева	136
* Село в долине. Перевод В. Гордеева	137
* Украине. Перевод В. Гордеева	138
* Под Винницею. Перевод В. Гордеева	139
* Материнские руки. Перевод В. Гордеева	141
* Лукашовка. Перевод В. Гордеева	142
* Вновь в том селе... Перевод В. Гордеева	144
* У братской могилы. Перевод В. Гордеева	146
* Слова и глаза. Перевод Ю. Ярмыша	148
* Перед памятником Т. Г. Шевченко в Ашхабаде. Перевод В. Гордеева	149
* Утро Таллина. Перевод Ю. Ярмыша	150
* Два водопада. Перевод Ю. Ярмыша	151
* Марите. Перевод Ю. Ярмыша	152
* Молдавский виноград. Перевод Ю. Ярмыша	154
* София. Перевод В. Мизановского	155
* Хорó. Перевод В. Мизановского	157
* Сливец. Перевод В. Мизановского	158
* У мавзолея Димитрова. Перевод Ю. Ярмыша	159
* Олимпийские горы. Перевод А. Зайца	160
* У памятника Байрону. Перевод В. Мизановского	162
* Парфенон. Перевод В. Мизановского	163
* Моя чайка. Перевод А. Зайца	164
* Дорога на запад. Перевод А. Зайца	166
* Утро Амстердама. Перевод А. Зайца	167
* В Гааге. Перевод А. Зайца	170
* Ожидание. Перевод А. Зайца	172

* Красота. Перевод Ю. Ярмышы	173
* Матери. Перевод Вл. Шленского	174
* Солнце. Перевод Ю. Ярмышы	176
* Правда. Перевод Ю. Ярмышы	177

ПОЭМЫ

Мой аул. Перевод Я. Козловского	181
Печальная повесть. Перевод А. Кронгауза . . .	193
Синий карандаш. Перевод Ю. Гордиенко	209
* Вечно молодые. Перевод Вик. Яковенко . .	230

Ковусов А.
К56 Осенние соловьи: Стихотворения и поэмы:
Пер. с туркм./Вступ. статья К. Кулиева.—
М.: Худож. лит., 1985. 255 с.

Созидательный труд братских народов нашей страны,
интернациональная дружба — основной мотив произведений
туркменского поэта Анна Ковусова.

В книгу вошли наиболее известные его стихотворения и
поэмы из сборников «Отражение», «Волны жизни», «Забота».

4702540200-195
К. 028(01)-85 115-85

ББК 84Тур7
С(Туркм)2

Анна Ковусов
ОСЕННИЕ СОЛОВЬИ

Редактор

В. Максимов

Художественный редактор

С. Данилов

Технический редактор

Л. Зайцева

Корректор

С. Свиридов

ИБ № 3789

Сдано в набор 23.08.84. Подписано к печати 18.02.85. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать
высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 12,92.
Тираж 10 000 экз. Изд. № IV - 1832. Заказ 4-315. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художест-
венная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-
Басманный, 19

Харьковская книжная фабрика «Коммунист»
310012, Харьков-12, ул. Энгельса, 11.

10. 30 x

